

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»

Лингвистический институт

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

**НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 5**

Барнаул 2014

УДК 81.
ББК 81.00
Я41

Язык: мультидисциплинарность научного знания : научный альманах
/ под ред. О.В. Труновой. – Выпуск 5. – Барнаул : АлтГПА, 2014. –136с.

ISBN 978-5-88210-761-60

Редакционный совет

М. Аккадблед (Франция), Н.В. Барышников (Пятигорск),
М.Я. Блох (Москва), Л.О. Бутакова (Омск), О.Д. Вишнякова (Москва),
Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург), С. Джонс (Великобритания),
Дж. Дили (США), Г.К. Исмаилова (Казахстан), Е.Г. Которова (Томск),
Э.Е. Курлянд (Барнаул), Ю.М. Малинович (Иркутск),
С.Г. Проскурин (Новосибирск), О.Н. Прохорова (Белгород),
П. Розенберг (Германия), З.К. Темиргазина (Казахстан).

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор

О.В. Трунова

Редакционная коллегия

Л.П. Дронова (заместитель главного редактора по филологии),
Л.М. Владимирская, Е.А. Калашникова, В. Н. Карпухина, И.Ю. Колесов,
Е.В. Лукашевич, Н.В. Майзенгер (заместитель главного редактора по выпускам),
Л.И. Москалюк, Т.Г. Пшенкина, В.П. Сорокалетов,
Г.С. Суюнова (Казахстан), А.Г. Фомин, А.А. Чернобров,
Н.П. Широкова (заместитель главного редактора по общим вопросам)

В пятый выпуск альманаха вошли статьи, посвященные широкому кругу значимых прикладных вопросов современной лингвистики. Он включает как общий обзор наиболее актуальных для данной области проблем и перспективы ее дальнейшего развития, так и результаты конкретных исследований, выполненных в этом направлении. Альманах адресован самому широкому кругу исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики и лингводидактики.

ISBN 978-5-88210-761-60

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

- И.А. Бубнова**
ЯЗЫК КАК ОРУЖИЕ «ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ» МАССОВОГО СОЗНАНИЯ8
- О.В. Трунова**
СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА 15

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

- E. Račienė**
ZU SPRACH- UND KULTURKONTAKTEN IM GLOBALEN DISKURS
(AM BEISPIEL DES LITAUISCH-DEUTSCHEN SPRACHVERGLEICHS) 26
- Е.А. Вишнякова**
К ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) 37
- Д.А. Жгун**
КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЁМКОСТЬ
ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ 40
- О.В. Казаченко**
ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАРТИНУ МИРА 45
- О.А. Косова**
РЕЧЕВАЯ / ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИОННЫХ ФОРУМОВ О ЗДОРОВЬЕ)..... 49
- Н.В. Майзенгер, Т.Д. Максимова**
ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ..... 55
- В.Д. Максимов, Т.Д. Максимова**
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКИХ ФОНОВЫСКАЗЫВАНИЙ..... 63
- М.Н. Николаева**
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ
ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ БЛЮД БРИТАНСКОЙ КУХНИ 68
- С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина**
СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ РЕПЛИКАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 75
- И.Г. Серова**
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПЕРСУАЗИВНОГО ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО НАРЕЧИЯ SURELY..... 79
- Е.В. Тархова**
АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНОГО СИМВОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 82
- М.Ф. Третьякова**
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА
ЧЕРЕЗ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ..... 90
- С.В. Шелкова, И.Г. Жогова**
ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) 95

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н.В. Барышников

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 102

Н.А. Карманова

РАЗВИТИЕ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 106

С.В. Кустова

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ..... 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

М.Н. Николаева, Н.В. Трунова, И.В. Шишканов

МЕТОД СОКРАТА: «Диалог языков, культур и литератур в профессионально
ориентированном и филологическом аспектах» (Научно-практическая
конференция с международным участием. – Москва, октябрь 2014 г.) 116

Н.П. Широкова

ОБЗОР II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Функционально-когнитивный анализ языковых единиц
и его аппликативный потенциал». – Барнаул, 8-10 октября 2014 г. 120

РЕЗЮМЕ 123

НАШИ АВТОРЫ..... 130

CONTENTS

LOGICO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE LANGUAGE

Bubnova I.A.
LANGUAGE AS WEAPON OF MASS CONSCIOUSNESS “DENATIONALIZATION”8

Trunova O.V.
THE STRUCTURE OF KNOWLEDGE REPRESENTATION: LINGUISTIC WORLD PICTURE 15

LINGUISTICS AND PHILOLOGY

Rachene E.
LANGUAGE AND CULTURE CONTACT IN THE GLOBAL DISCOURSE
(THE EXAMPLE OF THE LITHUANIAN-GERMAN LANGUAGE COMPARISON) 26

Vishnyakova E. A.
TO THE PROBLEM OF THE ECONOMY OF LINGUISTIC MEANS
IN THE ENGLISH LANGUAGE ON THE INTERNET 37

Zhgun D.A.
CULTURAL RELEVANCE AND FUNCTIONAL CAPACITY
OF EXPLICATION OF EMOTIONAL CONDITION 40

Kazachenko O.V.
BORROWINGS AND THEIR INFLUENCE ON WORLD PICTURE 45

Kosova O.A.
SPEECH / VERBAL AGGRESSION IN THE INTERNET-COMMUNICATION
(ON THE BASIS OF HEALTH FORUMS) 49

Maizenger N.V., Maksimova T.D.
GRAPHICAL MEANS IN MODERN ENGLISH WRITING 55

Maksimov V.D., Maksimova T.D.
FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPOLOGY OF ENGLISH PHONEMIC UTTERANCES 63

Nikolaeva M.N.
NATIONAL-CULTURAL AND STYLISTIC COMPONENTS
OF THE MEANING OF BRITISH CUISINE DISH-NAMES 68

Proskurin S.G., Proskurina A.V.
ESSENCE AND PRINCIPLES OF REPLICATION OF CULTURAL INFORMATION 75

Serova I.G.
ETHNOLINGUISTIC AND SEMANTIC POTENTIAL
OF THE PERSUASIVE EPISTEMIC ADVERB ‘SURELY’ 79

Tarkhova E.V.
ANALYSIS ALGORITHM OF THE VERBAL SYMBOL IN A FICTION TEXT 82

Tretyakova M.F.
THE DIFFERENCE OF WORLD PICTURE THROUGH THE COLOUR TERMS IN PHRASEOLOGY .. 90

Shelkova S.V., Zhogova I.G.
PECULIARITIES OF WRITTEN SPEECH EVOLUTION (EXEMPLIFIED IN ENGLISH) 95

LINGUODIDACTICS AND PROBLEMS OF LINGUISTIC EDUCATION

Baryshnikov N.V.

BASIC COMPONENTS OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF AN EXPERT IN INTERCULTURAL COMMUNICATION.....	102
---	-----

Karmanova N.A.

DEVELOPMENT OF ICT COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS.....	106
---	-----

Kustova S.V.

FOREIGN LANGUAGE READING AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE.....	109
--	-----

SCIENTIFIC LIFE: SURVEYS AND REVIEWS

Nikolaeva M.N., Trunova N.V., Shishkanov I.V.

SOCRATIC METHOD: «Dialogue of languages, cultures and literatures in professionally oriented and philological aspects» (Scientific-practical conference with international participation. – Moscow, October 2014)	116
---	-----

Shirokova N.P.

REVIEW OF THE II INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «Functional analysis of the cognitive linguistic units and its applicative potential». – Barnaul, 8–10 October 2014.....	120
---	-----

SUMMARY	123
----------------------	-----

AUTHORS	130
----------------------	-----

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

LOGICO-PHILOSOPHICAL
ASPECTS OF THE LANGUAGE

УДК 81'23
ББК 81.006.2

И.А. Бубнова
Москва

ЯЗЫК КАК ОРУЖИЕ «ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ» МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: язык, методы, дискурс масс, традиционные культурные ценности русского мира, «универсальные» идеи, разрушение национальной идентичности, «мягкая сила».

Key words: language, methods, discourse of mass, traditional culture values of the Russian world, “universal” ideas, national identity destruction, “soft power”.

Введение. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что среди многих проблем, решаемых наукой, существуют такие, которые, выходя за рамки чисто научной проблематики, относятся к основополагающим вопросам человеческой жизни. Именно в силу этого обстоятельства поиски ответов на них, начатые тысячелетия назад, не прекращаются до сего дня. В ряду таких фундаментальных проблем не последнее место занимает вопрос о выявлении ядра объединяющих множество людей в единую нацию идеалов и ценностей, без чего невозможно формирование и развитие собственно государства, которое, как утверждал И.А. Ильин, не существует «без *общего* интереса, без *всеобщей* (т. е. *всем общей*) цели, без *солидарности*», так как оно «в его духовной сущности, есть не что иное, как *родина, оформленная и объединенная публичным правом*; или иначе: *множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сжившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания*. <...> Сущность государства состоит в том, что *все его граждане* имеют и признают – помимо своих различных и частных интересов и целей – еще *единый интерес и единую цель*, а именно: *общий интерес и общую цель*, ибо государство есть некая *духовная община*» [Ильин 2006: 199].

Наличие ценностных идей как первооснова, важнейший фактор, формирующий нацию и, при определенных условиях, государство, признавалось всеми учеными, вне зависимости от их взглядов, вплоть

до середины XX века. Однако с нарастанием глобализационных процессов понятие национальных ценностей и национальной идентичности народа как целостного образа самого себя и своего места в мире, кристаллизовавшегося в процессе его культурно-исторического развития, все чаще ставится под сомнение. Более того, вслед за политиками и значительная часть научного сообщества как на Западе, так и в России, заговорила, с одной стороны, о естественном стирании национальных различий и, с другой, о назревшей необходимости перехода к некоей «цивилизационной» идентичности, основанной на «универсальных» наднациональных идеях, которые в большей степени соответствуют данному этапу развития человечества.

1. Универсальные ценности. Несмотря на то, что проблема универсальных ценностей, соотношение парадигм универсализма и культурного релятивизма, является в современном научном обществе предметом порой ожесточенных дебатов, окончательный список ценностей, которые можно отнести к универсальным, не определен до сих пор. Более того, возникает вопрос не только о самом термине *универсальный*, но и о возможности существования идей, разделяемых всеми членами человеческого сообщества во все исторические периоды его существования. Снимая данные противоречия, сторонники концепции универсализма отмечают, что сегодня в качестве универсальных выступают «ценности, которые сейчас связывают

все страны мира в единое целое. Они были выработаны в послевоенное время и, в основном, почерпнуты из европейской культуры — это верховенство права, экономическая и политическая конкуренция» [Ясин: URL]. Если оставить за скобками утверждение о безусловном приоритете западноевропейской цивилизации, такое определение кажется практически безупречным, с единственной, но существенной оговоркой. Одно, как представляется, применимо только лишь том случае, когда речь идет о правилах или ценностях, регулирующих межгосударственные взаимоотношения (хотя оправданность притязаний теории международных отношений на формулирование универсальных законов мировой политики — это также предмет спора до сего дня). Что касается ответа на вопрос о возможности существования универсальных ценностей для всех народов с точки зрения аксиологии, социологии или психологии, то на сегодняшний момент он, скорее, будет отрицательным, хотя это само по себе и не исключает наличия ценностей, признаваемых во всем мире. Наибольшим объяснительным потенциалом в данном вопросе, на наш взгляд, обладает концепция Ш. Шварца, считающего универсализм лишь **одной** из десяти базовых ценностей, мотивированной **потребностью индивида либо группы в выживании** и включающей в себя *понимание, уважение, толерантность и защиту благосостояния всех людей и окружающей природы* [Schwartz 1992: 1-65] [выделено нами — И.Б.].

Однако потребность в выживании, как и другие биологические потребности, никогда не относилась к терминальным ценностям, определяющим смысл жизни и ценностные основы поведения человека или нации. Тем не менее, именно к этой потребности сегодня апеллируют сторонники универсализма в борьбе против национальной идентичности, и именно эта и подобные ей ценности во второй трети

XX века во многих странах начали постепенно заменять ценности традиционные, укрепляющие в отдельном человеке его ощущение принадлежности к определенной культуре и нации.

Иначе говоря, уже несколько десятилетий в мире продолжается настоящая «война» идентичностей, в результате которой национальные ценности, как полагают многие, должны уйти в прошлое, раствориться в процессе глобализации в силу их неконкурентоспособности применительно к инновационному развитию, а эталоном должны стать ценности общеевропейские.

Вот пример типичного и, на наш взгляд, весьма мягкого, в отличие от многих других, обоснования такой точки зрения, широко распространенной в российских либеральных кругах: «Весь XXI век будет периодом взаимопроникновения, сотрудничества и конкуренции универсальных и традиционных ценностей различных культур на основе выяснения их сравнительных преимуществ и совместимости на почве разных стран и цивилизаций, с синтезом традиционных и заимствованных институтов с целью создания наиболее благоприятных условий для инноваций. Это будут сложные, порой конфликтные процессы. Преимущество останется за теми, кто продемонстрирует более высокую адаптивность. Институциональные изменения — внутреннее дело каждой страны. Тем более это касается изменений культурных; если институты еще могут быть, хотя бы отчасти, результатом политики государства, то культура в целом — это сдвиги в представлениях, установках, ценностях миллионов людей, происходящие медленно и, как правило, спонтанно» [Ясин, Снеговая 2009: 96].

Представляется, что программа развития России на ближайшее будущее, по крайней мере для сторонников универсальных ценностей, сформулирована предельно ясно. Однако декларируемая спонтан-

ность изменений в ценностном ядре нации вызывает большие сомнения, что мы и попытаемся доказать далее.

2. Язык, национальные ценности и процесс денационализации массового сознания. Общеизвестно, что развитие индивидуального сознания, как и формирование *образа мира* – это сложный и длительный процесс «врастания» в свою культуру, в социум, в основе мировидения которого лежат культурные доминанты того или иного этноса. Этот процесс опосредован родным языком, хранящим и передающим из поколения в поколение все те основные идеи, которые составляют ценностный фундамент нации. Поэтому для изменения культурно обусловленного ценностного ядра, денационализации этноса, под которой мы понимаем потерю чувства национальной идентичности основной массой населения, именно национальный язык должен быть лишен своей способности транслировать то, что накапливалось в нем в течение тысячелетий.

Безусловно, такие изменения могут занять значительный период, и существует немало примеров, когда язык целенаправленно уничтожали в течение длительного времени, заменяя его языком другого народа, иными ценностями, формируя иную мировоззренческую матрицу, что в конечном итоге привело к исчезновению ряда этносов. Однако, как нам представляется, в новейшей российской истории был применен иной метод: главным инструментом денационализации сознания носителей русской культуры, по крайней мере, на ее начальных этапах, стал именно родной русский язык, который никто не запрещал, но, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, умело использовал для создания глубокого разрыва в культурной и исторической памяти разных поколений. В результате сегодня на повестке дня остро встал вопрос о поиске новой или возрождении старой национальной идеи, восстановлении цивилизационной ма-

трицы, лежавшей в основе возникновения русского мира и России как государственного образования.

До конца XX столетия, невзирая ни на какие трагические повороты в российской истории, ее идентификационное ядро, хранящее накапливающиеся тысячелетиями, а потому очень прочные мировоззренческие ценности носителей русского мира, по сути оставалось прежним. Сама духовная культура нации, которая, в отличие от культуры материальной «принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» [Толстой 1999: 37], помогла ядру национальной идентичности выстоять и адаптироваться к новым условиям жизни. Иными словами, несмотря на смену общественно-исторического строя, в сознании «человека советского», как и до 1917 года в сознании всех тех, кто ассоциировал себя с русским миром, продолжали доминировать представления о том, что духовные ценности несопоставимы с материальными благами, коллективное стоит выше личного, а будущее важнее настоящего. Безусловно, в этих представлениях проявлялись главные идеи, составляющие ценностное ядро русского мира: православие, община/мир и сила, основанная на основном мифе России – ее бескрайних пространствах. Эти ценности были полной противоположностью ценностям западной, а точнее, англо-саксонской цивилизации, мешали растворению национальной идентичности, сохранение которой является залогом сохранения национального государства, а поэтому были подвергнуты яркой критике.

Нам представляется, что в использовании национального языка для размытия ценностной матрицы русского мира условно можно выделить несколько периодов.

Главной характеристикой первого периода, с середины 80-х до начала 90-х, яв-

ляется формирование совершенного нового типа общественного дискурса, под которым в целом мы понимаем речь, направленную на стимуляцию ценностно мотивированного социального действия. В норме, согласно законам логики, разговор с обществом как тип дискурсивной практики, особенно в критические моменты истории страны, направлен на укрепление чувства национального самосознания. Он отсылает к исторической памяти, создает в сознании нации общие духовные скрепы, позволяющие каждому отдельному представителю ощущать свою принадлежность к миру, созданному ценностями, разделявшимися миллионами предков. Так было в типичном общественном дискурсе в Российской империи. Эти же традиции продолжал и советский общественный дискурс в различные периоды развития страны – во время Великой Отечественной войны, освоения целины, всесоюзных строек, – который стимулировал чувство сплоченности, гордости за свое Отечество и осознания своей национальной принадлежности.

Появившийся в середине 80-х годов новый тип дискурса не был дискурсом гражданского общества. Это был типичный дискурс «эры масс» (по Гюставу Лебону), которую вовсе не нужно убеждать, как отдельного индивида, ощущающего свою принадлежность к определенной нации и культуре. И поэтому новый общественный дискурс на всем бывшем постсоветском пространстве приобрел совершенно иную устремленность: он был направлен на отказ от своей национальной идентичности.

Реализация поставленной цели осуществлялась согласно законам культурно-исторической теории Л.С. Выготского: новый для российского общества вербальный дискурс изначально был подкреплен практическим действием – отменой всех организационных форм, в которые были включены люди. «Все вроде оставалось тем же самым, что и раньше. Но исчезало

самое главное: организация людей в едином коллективе, коллективное самосознание, коллективная психология, коллективное поведение.... люди остались дома, а коллективы вдруг исчезли. Произошла трагедия целого народа: его лишили основного условия его бытия, его естественной среды обитания, и он оказался обреченным на историческую гибель. Человек тем самым освобождался от самого глубокого контроля – от контроля своего ближайшего окружения» [Зиновьев 2006: 29]. Превращение коллективов в толпу сопровождалось потоками информации, в процессе передачи которой можно было наблюдать два ярко выраженных явления, непосредственно касающихся языка:

1. Интенсивная десемантизация лексики, погружение людей в мир симулякров (в смысле Ж. Батая, Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра) – слов-призраков, которые не могут быть схвачены идеей, репрезентирующих то, что на деле не существует.

С самого начала данный процесс явно проявился в многочисленных речах высшего руководства страны, призывавших к *новому мышлению*, к построению *социализма с «человеческим лицом»*, к *углублению процесса перестройки* как политики, направленной на раскрытие потенциала социализма, на придание социализму новых качеств. «Перестройка, – отмечал в своих выступлениях М.С. Горбачев, – процесс революционный, ибо это – скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик. <...> Называя осуществляемые нами меры революционными, мы имеем в виду их глубокий, радикальный, бескомпромиссный характер – то, что они охватывают все общество сверху донизу, от базиса, от отношений собственности до надстройки, все сферы жизни, причем охватывают комплексно, в их целостности» [Горбачев 1988: 46-52].

Представляется, что текст, приведенный выше (а количество таких текстов в то время исчислялось десятками, если не

сотнями), достоин того, чтобы быть помещенным в качестве удачного учебного примера, иллюстрирующего следующую мысль Г. Лебона: «Изучая воображение толпы, мы видели, что на него очень легко действовать, в особенности образами. Такие образы не всегда имеются в нашем распоряжении, но их можно вызывать посредством умелого применения слов и формул. Искусно обработанные формулы получают действительно ту магическую силу, которая им приписывалась некогда адептами магии. Они могут возбудить в душе толпы самые грозные бури, но умеют также и успокаивать их. Можно было бы воздвигнуть пирамиду, гораздо более высокую, чем пирамида Хеопса, из костей лишь тех людей, которые пали жертвами могущества слов и формул. Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: **демократия, социализм, равенство, свобода** и т. д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл. Между тем, в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию» [Лебон 1999: 47] [выделено нами – И.Б.].

В полном соответствии не только с утверждением знаменитого французского психолога и социолога, но и с общими законами психологии, успешно реализуемыми в психолингвистических исследованиях, люди слышали то, что ожидали услышать. Именно поэтому для подавляющего большинства не имело значения, что мышление как когнитивный процесс предполагает понимание сущности любого объективного явления и не может характеризоваться

как «новое», что *революция* предполагает смену общественного строя, а не развитие социализма, а *следование социалистическим принципам* не может радикально изменить отношение к собственности. Сегодня бессмысленность и некогерентность этих текстов очевидна, однако в тот момент они выполняли свою основную задачу: блокировали способность к анализу происходящего, порождая непонимание, растерянность. Вероятно, именно такая реакция аудитории и планировалась на данном этапе.

2. Предельная перегруженность текстов (особенно это касается публицистики) эмоциональной лексикой, апелляция к эмоциям и чувствам с целью переформатировать историческую память, отказаться от своего прошлого.

Это была еще одна сущностная характеристика нового вида общественного дискурса, позволяющая обесценить идеи, на которых выстраивали жизнь целые поколения, полностью уничтожить культурное ядро нации. Вот лишь несколько примеров из статей тех писателей, на произведениях которых воспитывалось не одно поколение, а их авторитет в обществе был в то время значительно выше, чем авторитет сегодняшних «властителей душ».

(1) *Представить страшно, насколько глубоко было парализовано наше общество. Духовное рабство может быть и добровольным, и даже желанным, сладострастным и ревностным, как результат патриархально-угоднического культа вокруг одного лица, насаждаемого тоталитарными средствами. Когда люди долгие годы унижены, не в состоянии противостоять произволу и жестокости, исходящим из казенных пределов, они готовы боготворить само это зло, находя в том некую внутреннюю компенсацию своему бессилию и некое иллюзорное слияние с этой суперменствующей данностью, поклонение которой становится для них нормой жизни* [Айтматов 1988: 14].

(2) *Ведь мы живем не для того, чтобы, ухватившись за какую-нибудь одну мерку (одну не подкрепленную жизнью идею), бежать и бежать за ней, передавая из поколение в поколение и не замечая, что тащимся (по многим уже вопросам) почти в хвосте человечества; жизнь моего поколения, в сущности, прожита; мы просто-яли в очередях, просмотрели завистливым взглядом на кино и телеэкранное изобилие, и мы сравнивали нашу жизнь с увиденным [Ананьев 1988: 27].*

(3) *Не будем обманываться, сегодня решается судьба Отечества. Либо мы создадим динамичное демократическое общество, в котором превыше всего ценятся труд и талант, преданность гражданина своему Отечеству ... механизм, который позволит нам выйти на мировые рынки, продавать продукты нашего труда, преумножая богатства, – словом, создадим то, к чему ведет нас перестройка ... Либо мы откатимся назад, и другим странам неминуемо будет позволено разграбить нашу страну, скупая по дешевке сырье, невозстановимое богатство, достояние наших детей и внуков. Либо – либо. Середины нет. ... Если публицистика помогает осознать время, так это что, плохо? [Бакланов 1988: 48]*

(4) *Притерпелостей постепенно образовалось много – к репрессиям, к произвольным налогам, к насильственным подпискам на заем ... Вырубались лучшие люди. Все походило на страшный сон, в котором злая банда, задавшись целью вырубить самых породистых лошадей, бродила ночами по конюшням, орудуя топорами. Лошади как вид выжили, но многие из них оказались лошадьми с психологией мышей. Нам еще много нужно, чтобы восстановить нашу, понесшую такой урон, человеческую породу. Рабскую кровь сегодня надо не выдавливать по капле, а вычерпывать ведрами. Мы не можем позволить себе терпеть собственное терпение [Евтушенко 1988: 150].*

Страшные образы (и вновь следование Лебону): народ с рабской кровью, забитый, готовый целовать руки тех, кто постоянно издевается над ним, вечно голодный, пытающийся найти хоть какие-то продукты, завидующий люто той, красивой жизни «за бугром» ... И вот он наконец-то получил шанс изменить свою жизнь... К сожалению, действительность в те годы для большинства людей становилась все мрачнее, и с «углублением» процесса перестройки все дальше расходились картины рисуемого светлого будущего и повседневной жизни. Однако в конце 80-х это еще не ощущалось.

Такое видение реальности, создаваемое в значительной степени при помощи языка в течение нескольких лет, позволило, на наш взгляд, сформировать безразличие к будущему страны, подготовить не просто характерное для настоящего времени избегание логического мышления, но прямое «предпочтение алогичного мышления; раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни» [Канеттти 2009: 43]. Произошло, если воспользоваться словами И.А. Ильина, постепенное овладение «русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли», выразившееся в размывании его национальной идентичности.

Для второго этапа, который начался в 90-е годы, характерно:

– вытеснение слов русского языка иностранными словами, значение которых затемнено для обыденного сознания;

– последующая программа билингвизации образования, в ходе которой в значения слов, обозначающих основополагающие ценности нации, стали внедряться чужеродные им элементы.

Оба этих процесса не прекращаются до сих пор, и скрупулезный анализ его заметных уже сегодня результатов, еще впереди. Однако даже сейчас, как представляется, можно с достаточными основаниями утверждать, что язык, точнее, некоторые

особенности его употребления, делают его той «мягкой силой», которая как подготавливает возможности для применения жестких действий, так и служит своеобразным маркером, позволяющим прогнозировать дальнейший ход развития событий. Удивительно, но это факт – наш родной язык все чаще используется для разрушения национальной идентичности, причем используется теми, кто профессионально владеет словом. Речь в данном случае идет уже о целом комплексе тактик, в совокупности направленных либо на стимулирование возникновения в массовом сознании негативных чувств по отношению к фундаментальным идеям, со-

ставляющим ядро русского мира, либо на обесмысливание самого содержания этих идей. И в том, и в другом случае возникающие негативные эмоции обладают высочайшей мотивационной силой, а будучи укорененными на разных уровнях психического, в том числе бессознательного, они становятся базой, которая дает возможность эффективно управлять поведением людей. Именно поэтому немалая часть лингвистов выражает озабоченность и тревогу по поводу того лингвистического насилия над русским языком, которое мы наблюдаем на протяжении последних десятилетий.

Библиографический список

1. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – М. : Русская книга XXI век, 2006. – 336 с.
2. Зиновьев, А. А. Русская трагедия / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
3. Канеттти, Э. Монстр власти : роман / Элиас Канеттти, Серж Московичи; [пер. с нем. Р. Каларашвили, пер. с франц. Т. Емельяновой, Г. Дилигенского]. – М. : Алгоритм, 2009. – 240 с.
4. Лебон, Г. Психология толп. Мнение и толпа / Г. Лебон, Г. Тард. – М. : Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. – 416 с.
5. Толстой, Н. И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры / Н. И. Толстой. Избранные труды. – Т. III : Очерки по славянскому языкознанию. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
6. Ясин, Е. Тектонические сдвиги и универсальные ценности [Электронный ресурс] / Е. Ясин. – URL: <http://ej.ru/?a=note&id=11284#>
7. Ясин, Е. Г., Снеговая, М. В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры // Е. Г. Ясин, М. В. Снеговая. – М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. – 138 с.
8. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values : Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 25. – New York: Academic Press, 1992. – P. 1–65

Список источников иллюстративного материала

1. Айтматов, Ч. Подрываются ли основы? / Ч. Айтматов // Если по совести : сборник статей / Сост. В. Канунникова. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 5–16.
2. Ананьев, А. Человек на земле / А. Ананьев // Если по совести : сборник статей / Сост. В. Канунникова. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 16–28.
3. Бакланов, Г. О правом деле и мнимых истинах / Г. Бакланов // Если по совести : сборник статей / Сост. В. Канунникова. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 41–54.
4. Горбачев, М. С. Перестройка и новое мышление / М. С. Горбачев. – Москва, Политиздат, 1988. – 271 с.
5. Евтушенко, Е. Притерпелость / Е. Евтушенко // Если по совести : сборник статей / Сост. В. Канунникова. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 142–156.

УДК 81 '1.001
ББК 81.003

О.В. Трунова
Москва

СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Ключевые слова: мировосприятие, концептуализация, представление знаний, языковая картина мира.

Key words: world perception, conceptualization, knowledge representation, linguistic world picture.

Термин «языковая картина мира» вошел в лингвистический аппарат исследования относительно недавно (подчеркиваю слово «относительно», потому что в данном случае оно едва ли не ключевое). Обычно принимая термин как исходный, как нечто, не требующее объяснения и расшифровки, не задумываются над его содержательной стороной, в то время, как очень важно понять с самого начала, каковы его составляющие. Для начала давайте посмотрим, что такое «мир». Является ли он объективной данностью или есть плод нашего воображения? Если принимается первое, рассуждения входят в область научной диалектики, если второе, рассуждения ограничиваются рамками феноменологии.

Чтобы сделать выбор с минимальными погрешностями, следует в самых общих чертах только обозначить некоторые основы философии и тех, кто стоял у их истоков.

Основоположником существующих сегодня направлений философии считается Иммануил Кант. Основные положения его концепции, которые значимы для толкования понятия «картина мира», сводятся к следующему:

1. объекты онтологии существуют независимо от возможности их осознания (подчеркивается онтология бытия);
2. существуют знания a priori, то есть знания, получаемые человеком до того, как он начинает осознавать свое бытие;
3. объекты («предметы») чувственного – эмпирического – восприятия пред-

ставляются человеку такими, «какими они нам являются, а не такими, каковы они есть сами по себе» (постулат, по существу заложенный в основу теории относительности);

4. сущность объекта непознаваема в силу изменчивости объекта во времени и ограниченности человеческих знаний (область агностики, подчеркивающая изменчивость отношений в диаде «человек – мир»).

Не могу с уверенностью сказать, насколько Фридриха Гегеля можно считать последователем И. Канта, поскольку Ф. Гегель отрицал учение Канта о непознаваемости «вещи в себе». Но он тоже считал, что

1. природа (онтология) существует независимо от человека;
2. реальность (онтология бытия) поддается рациональному познанию потому, что рациональна сама Вселенная;
3. бытие и мышление связаны отношениями тождества, но в этих отношениях следует различать объективное и субъективное;
4. человеческое познание обладает объективным содержанием;
5. понимание мира достигается использованием диалектического метода.

Германия XVIII–XIX веков была страной великих философов. Практически одновременно с И. Кантом развивал свою философскую концепцию Иоганн Генрих Ламберт. Именно он ввел в понятийный аппарат философских размышлений о бытии понятие феноменологии, или учение о видимости (кажимости), то есть о

таких представлениях, которые, помимо свойств объектов, обусловлены состояниями познающего субъекта. Вернемся назад и сравним эту точку зрения с тем, о чем говорил И. Кант: объекты восприятия представляются человеку такими, «какими они нам являются, а не такими, каковы они есть сами по себе». Это означает, что феноменология отнюдь не могла отвергать существования объективного мира, это означает только то, что это философское направление концентрировалось на характере мироосознания.

Итальянский философ, представитель феноменологического направления, практически наш современник Энцо Пачи, малоизвестный за пределами своей страны, считал, что в рамках философских интерпретаций проблема заключается не в существовании мира, а «в смысле и назначении мира для МЕНЯ и его осмыслении для других». Поэтому сам по себе мир как таковой (онтология бытия) остается само собой разумеющейся данностью, а философия феноменологии сводится к анализу единиц сознания, что, по мнению представителей данной научной школы, только и может дать человечеству представление о мире. Это очень знакомый подход к изучению мира. На мой взгляд, именно принципы феноменологии заложены в основу современного когнитивного направления в лингвистике в том ее развитии, которое представлено Российскими школами концептологии в Кемерово М.В. Пименовой и в Тамбове Н.Н. Болдыревым.

Принято считать, что начала феноменологии были заложены и теоретически обоснованы немецким философом Эдмундом Гуссерлем. Э. Гуссерль утверждал, что:

1. именно сознание является не только абсолютной реальностью, но и основанием всякой реальности;
2. истинным источником познания является изначально данное созерцание.

На этом основании феноменология получает свой научный статус:

3. феноменология есть (или, по крайней мере, должна пониматься как) эйдетическая наука;
4. методом анализа является феноменологическая редукция, которая обеспечивает абстрагирование от конкретного проявления сущего;
5. предмет исследования составляет чистое сознание как смоделированное феноменологией сложное единство элементов и сущностных взаимодействий сознания;
6. объектом анализа являются единицы сознания – феномены.

Выбор, который предстоит сделать любому исследователю, одновременно сложен и прост. Он основывается на рационализме и объективизме. Человек приходит в мир и уходит из него. Мир остается. Мир существует и тогда, когда воспринимающим его субъектом является живая материя, не способная осмыслить и изменить его, и тогда, когда организующая его материя не является «живой». Однако, с другой стороны, нельзя отвергать и идею «первообраза». Еще Платон сказал «и знание он найдет в самом себе».

Таким образом, в качестве исходных постулатов в рассуждениях по обозначенному выше вопросу могут быть приняты следующие:

- Мир бытия есть объективная данность.

Эволюция существования мира предполагает способность приспособиться к условиям, в которых оказывается материя. Эта закономерность вообще характерна для любой материи. Для человека она проявляется в физической, биологической, психологической, физиологической, социальной адаптации. Человек – материя мыслящая. Как таковая, он не просто фиксирует наличие определенных условий (в языке это передается дескриптивными выражениями), но на основе оценки (в языке есть репрезентанты и этой формы мировосприятия и осмысления) определяет

их значимость и пригодность для определенных целей. Так он создает собственное представление о мире, запечатлеваемое в образах, схемах, моделях, понятиях, если хотите, концептах. И это всё то, что принято называть «знанием».

Очевидно, что знание может фиксироваться и храниться в разных формах. Приведу лишь несколько примеров. Пиктограммы шумеров датируются 3300 годом до новой эры. Первая их цивилизация возникла вообще в рационально необозримое время: не менее 445 тысяч лет назад. Аналогична пиктограммам шумеров письменность майя, датируемая более поздним временем 2000 годом до новой эры и, кстати сказать, расшифрованная нашим соотечественником, ученым Юрием Валентиновичем Кнорозовым.

Но, какую бы форму не приобретали дошедшие до нас памятники шумерского царства и цивилизации майя, это были письмена, то есть это был письменный язык. Однако известны и более ошеломляющие находки. Например, знаменитые пирамиды Гизы. Существует много гипотез относительно назначения и предназначения этих пирамид, период возведения которых датируется (по последним данным) XI столетием до новой эры. Их обмерили, раскрыли, просветили, сделали всё, что позволяет сделать сегодняшнее состояние научной мысли и определили, что стороны пирамид практически идеально ориентированы по сторонам света, все углы четко 90 градусов, погрешность в длине сторон – 0,1 %. Но самое интересное открытие было сделано совсем недавно. Все, по крайней мере, слышали, что календарь майя заканчивается декабрем 2012 года. По этому поводу в свое время возникали разного рода домыслы и распространялись «страшилки». Но есть одно астрономическое наблюдение, которое позволяет предположить, что в построении, оформлении и расположении пирамид заложена более глубокая информация, чем

можно даже представить. Это предположение сделано астрономом Чарльзом Марчелло, который путем сложных исчислений доказывает, что в период, именуемый «большим парадом планет» картина неба (расположение Сатурна, Венеры и Меркурия) должна совпадать с расположением пирамид в Гизе. Предположение подтвердилось в 2012 году. И оно есть свидетельство о том, что сами пирамиды несут определенную информацию, которую расшифровать человечеству пока что не удастся.

Еще один пример передачи информации: камей Гонзага. Это одна из самых известных камей, выставленных в музее Эрмитаж. На ней изображен царь Египта Птолемей II Филадельф и его жена Арсиноя II. Размер камей 15,7 на 11,8 сантиметров. Она также сделана не просто, чтобы увековечить память этих великих и, к несчастью, недобрых людей. Существуют астрологические выкладки, по которым величины осей камей указывают на даты жизни Александра Македонского (в частности, смерти с точностью до месяца, дня и даже часа), дату свадьбы Птолемея II и Арсинои II – первый день первого месяца 275 года до н. э. Поскольку подобными выкладками мог воспользоваться мастер, в данном случае это не случайные совпадения цифр, (это достоверное подтверждение версии, что на камее Гонзага запечатлены портреты Птолемея II и Арсинои II, мужа и жены, брата и сестры, равноправных властителей Египта). Кроме того, как показали исследования научных сотрудников отдела малых форм Эрмитажа, в камее также зашифрованы периоды вращения планет вокруг солнца и апогей и перигей вращения луны вокруг земли. Давайте еще раз представим себе, что это III век до новой эры!

Наконец, информация о мире, некоторый фрагмент его общей картины, может быть передана живописным полотном или рисунком. Так наиболее информативно насыщенным можно считать рисунок Лео-

нардо да Винчи «Витрувианский человек». Этот рисунок несет информацию о золотом сечении, как принципе естественных пропорций в природе.

Таким образом, намечается подход к тому, что такое «картина мира» и второй исходный постулат может быть сформулирован так:

- Картина – это, в самом общем плане, изображение представления о том, что воспринимается.

Как выяснилось, это изображение может быть разным: в виде художественной формы – картины или образа, в виде математической формулы, в виде геометрической фигуры или с помощью языка. Очевидно и то, что ученые разных эпох, задолго до обозримых времен стремились не только создать определенные представления о среде обитания, фрагменты которых, дошедшие до нас, не всегда поддающиеся расшифровке, возможно в те времена составляли целостную картину мира. Картина эта не являлась статичной, она изменялась по мере того, как развивалась наука и расширялись знания. Так древнегреческий философ Анаксимандр создал первую географическую карту и геоцентрическую модель мира, которая считалась истинной и Аристотелем и приложившим усилия усовершенствовать эту систему Клавдием Птолемеом и вообще до тех пор, пока в 1543 г. Николай Коперник не опубликовал свои идеи о гелиоцентрической модели вселенной.

Однако сам термин «картина мира» был введен в научный обиход Максом Планком, одним из величайших мыслителей своего времени, физиком-теоретиком, философом и музыкантом. Как в свое время Н. Коперник произвел революцию в астрономии, так М. Планк произвел революцию в физике, выдвинув простую и потрясающую идею квантового распространения световых волн. Макс Планк создал целостную научную систему мира, которую он и

назвал «физическая картина мира». Свои философские взгляды на мир Планк излагает в научной автобиографии. Основные положения следующие: «С юности меня вдохновило на занятие наукой осознание того отнюдь не самоочевидного факта, что законы нашего мышления совпадают с закономерностями, имеющими место в процессе получения впечатлений от внешнего мира, и что, следовательно, человек может судить об этих закономерностях при помощи чистого мышления. Существенно важным при этом является то, что внешний мир представляет собой нечто не зависящее от нас, абсолютное, чему противопоставим мы, а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются мне самой прекрасной задачей в жизни учёного» [Planck 1968]

Итак, научная картина мира – это целостная система знаний о свойствах и закономерностях объективного мира. Эта картина складывается как пазл. В ней могут оставаться лакуны, требующие заполнения. Отдельные компоненты ее могут изменяться в зависимости от состояния общенаучной парадигмы. Поскольку в данном случае в качестве опорной выступает модель Вселенной, позволю себе привести еще один пример, демонстрирующий, какие изменения происходят в научных взглядах на мир и сошлюсь на доктора технических наук из Ижевска, академика Международной академии информатизации при ООН Виктора Дмитриевича Плыкина, выдвинувшего интересную и обоснованную гипотезу ее организации.

Астрономы, биологи, физиологи, физики, философы – всё научное сообщество предпринимает известные попытки найти жизнь на других планетах солнечной системы и объяснить, почему, например, на Марсе прослеживаются какие-то следы, отдаленно или более близко похожие на то, что мы видим на Земле. Исходя из постулатов общей теории систем, можно утверждать, что одним из принципов ор-

ганизации любой системы является принцип изоморфизма. Попросту говоря, это сходство в чертах строения и организации. Уже одного этого достаточно для того, чтобы объяснить сходства, наблюдающиеся в планетарной системе. Но важно ведь еще объяснить, чем обусловлены отличия. В.Д. Плыкин выдвигает гипотезу, согласно которой звезда (солнце) является источником энергии. Расширяющаяся энергия производит «выбросы», образуя новые сгустки энергии. Материя – это сверхтвердое состояние энергии. Жизнь возникает в этом случае, когда энергетический сгусток, вращаясь вокруг энергетического ядра (жидкое состояние энергии) по спирали, удаляется от него на достаточное расстояние (Венера), чтобы энергия ядра не сжигала это сверхтвердое состояние и тогда в этой среде возникает биологическая энергия – жизнь (Земля). Еще большее удаление от энергетического ядра ослабляет энергетическое взаимодействие и жизнь на планете в том смысле, в котором мы воспринимаем это понятие, прекращается (Марс). Это демонстрирует начало новой научной парадигмы – синергетической. У истоков этой парадигмы стоят немецкий ученый Герман Хакен, давший этой парадигме имя, бельгийский ученый Илья Пригожин, наш соотечественник академик Сергей Павлович Курдюмов, специалист в области математического моделирования естественных процессов.

В заданной триаде «человек – язык – мир» мы идем от мира к человеку, пытаемся понять, что есть мир и какая роль в нем отведена человеку. И, осознавая себя как популяцию *hominis sapiens* (мыслящий), в качестве дифференцирующих показателей вычленим признаки *homo cogitans* (познающий) и *homo loquens* (говорящий). Следовательно:

- Язык – это атрибут человеческой природы, или антропоцентрическая данность, или данность вторичной онтологии (хотя, если следовать информационно-энергети-

ческой концепции В.Д. Плыкина, то сознание – как раз и есть первичная онтология).

На данный момент оставим в стороне связанное с пресловутым «человеческим фактором» разграничение субъективного и объективного в языке, тем более, что сама по себе эта проблема – никакая не проблема и разрешается просто, замещением номинации «субъект» – «индивид». (Кстати сказать, хороший пример того, как неверный термин в научных рассуждениях способен создать проблему и увести от истины)

С момента осознания себя в качестве объекта мира человек рисует себе его картину. Это необходимо, чтобы адаптироваться в среде обитания, чтобы по возможности приспособиться к ней или подстроить ее под свои потребности. По мере изменения потребностей изменяется подход к миру, расширяются и углубляются знания о нем, изменяется его картина. Таким образом, идея формирования определенного представления о мире, то есть его картины, не нова.

В понятийный аппарат лингвистического анализа термин «языковая картина мира» был введен известным немецким языковедом, представителем неогумбольдтианства Иоханном Лео Вайсгербером [Вайсгербер 1993]. Расширяя уже ставшую узуальной метафору, заметим, что каждый художник пишет картину в определенном жанре, стиле и технике. Повторим, что представление о мире может быть передано в виде формул, моделей, художественных форм. При этом известно, что ориентация диагонали пирамиды Хеопса точнее, чем измерения, полученные Парижской обсерваторией.

Для лингвистов давно уже не секрет, что создаваемые разными языками картины, совпадая по сюжету и архитектонике, отличаются в передаваемых деталях. Происходит это потому, что язык передает не только определенные наблюдаемые факты (как фотография) или результат

теоретизирования и генерализации (как математическая формула), но и характер их восприятия человеком, и степень их осмысления, и уровень их познания. Уровень познания определяется общенаучной парадигмой. Характер восприятия зависит от культурных традиций и реалий жизни.

Заметим, что любая картина, и та, которая написана маслом, и та, которая передается языком, создается человеком, художником. А художник, как однажды устами своего героя Бэзила Холлуорда сказал Оскар Уайлд, вкладывает в свое произведение слишком много самого себя. Точно так же, рисуя словесный портрет окружающего мира, члены определенного этноса передают присущее именно им мироощущение и мироосознание. Эта идея четко выражена в трудах Вильгельма фон Гумбольдта считавшего, что мысль, образ мыслей народа – *Geist* (в сегодняшнем прочтении это, пожалуй, скорее осмысление мира, чем «дух») воплощается в его языке [Гумбольдт 1985]. Таким образом, в проявлении всех своих функций язык представляет собой способ оформления, накопления, хранения и передачи знаний о мире, в чем, собственно, и состоит его главное предназначение. У лингвистики же нет иного пути для определения обозначенных выше процессов, как через анализ ее объекта: его структуры, ее наполнения, особенностей его актуализации. То есть все известные лингвистические школы и направления (психологизм, дескриптивизм, структурализм, универсализм, генеративизм, функционализм, гендеристика, лингвокогнитология), решая задачи, казалось бы, ограниченные собственными рамками, фактически преследуют одну цель: выяснить какую картину мира рисует определенный язык (понимаем это как метонимию, поскольку вообще, конечно, это делает человек). В плане конкретизации цели ставятся вопросы о том, как

осуществляется это «художественное действие», какие языковые процессы и механизмы при этом включаются системой, какие новые смыслы могут при этом породиться. Так ограничиваются области этнолингвистики, системно-функциональной лингвистики, антропологической лингвистики (эпистемологии, аксиологии, прагматики языка).

В современной лингвистике широко распространены исследования, направленные на то, чтобы выявить в языках расхождения разного порядка и тем самым показать, а некоторые исследователи предполагают даже доказать, что по-разному обозначая наблюдаемые и изображаемые (как, впрочем, и «воображаемые») объекты и явления, язык, сиречь, человек, членит мир на отдельные общности, или в терминах когнитивной лингвистики, «категоризует» мир.

Молодой доктор философии профессор Манчестерского университета Гай Дойчер в одном из своих научно-популярных изданий “*Through the Language Glass*”, иллюстрируя этот факт, приводит шутку своего приятеля-лингвиста, который любит говорить: “*French and Germans have no mind*” [Deutscher 2010], сразу же поясняя эту лингвистическую шутку. Дело в том, что ни в немецком, ни во французском языках английскому слову *mind* невозможно найти абсолютного коррелята. Ни в том, ни в другом языке нет одного слова, которое полностью передавало смысловой потенциал слова *mind*. Это можно продемонстрировать применением процедуры дефиниционного анализа.

Mind русскоязычные соответствия

- разум; умственные способности; ум
- мышление, умственная деятельность
- память; воспоминание
- мнение, взгляд, точка зрения
- желание, намерение, склонность
- настроение, расположение духа
- дух, душа

французские корреляты

- * esprit - peace of mind
(tranquillite d'esprit)
- * tete - it's all in the
mind (c'est tout dans la tete)
- * avis - to my mind (li mon avis)
- * raison - his mind is
going (il n'a plus toute sa raison)
- * intelligence - with the mind of a
two-year-old (avec l'intelligence d'un)

немецкие соответствия:

- * Verstand, Geister, Kopf, Vernunft.

Все эти отличия демонстрируют ингерентное свойство языкового знака, отмеченное Российским ученым Сергеем Осиповичем Кацевским, позднее, независимо от него продемонстрированное французским лингвистом Густавом Гийомом – асимметрию языкового знака, которая проявляется и в том, что в каждом языке есть лексемы, выражающие все эти смыслы самостоятельно. И французская лексема *esprit* также передает несколько значений: *ум, рассудок, остроумие, сознание, смекалка, дух*. И в английском языке лексико-семантическое поле с семей-доминантой *mind* включает лексемы *mentality, consciousness, awareness*.

В свое время на эти и некоторые иные расхождения структурно-функциональных особенностей языков обратили внимание американские ученые Эдвард Сэпир и его ученик и последователь Бенджамин Ли Уорф, исследовавшие языки коренного населения Северной Америки – индейцев хоппи, нутка и навахо. В основу гипотезы заложен постулат, согласно которому, люди видят мир сквозь призму своего языка и потому носители разных языков создают разные картины мира. То есть реальность существует постольку, поскольку она передается вербально. Основное положение формулируется следующим образом: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что

они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Сепир 1993]. Соответственно этой идее делаются выводы, согласно которым а) частеречное членение лексических единиц не соотнесено с реалиями мира и является условным (относительным); б) грамматика языка предопределяет характер мироосознания; в) язык определяет характер и структуру мыслительного процесса; г) люди, говорящие на разных языках по-разному воспринимают мир.

Исходя из обозначенных выше позиций, отмечу следующее: ни язык, ни человек им владеющий, ничего не членят. В мире всё организовано без вмешательства человека и языка, на котором он говорит. Человек есть такой же объект мира как все иные объекты. Его цель в адаптации к условиям существования заключается в том, чтобы увидеть и осознать существующие рядом с ним данности: лес, реку, пещеру, мамонта. В триаде «человек – язык – мир» язык выполняет репрезентативную функцию, посредническую. И это определено в известном «треугольнике Готлоба Фреге» «денотат – сигнификат – десигнат», который соответствует последовательности действий от объекта к его осмыслению и от мысленного образа к его номинации.

Если у вас есть возможность проследить, как все это получается у ребенка в возрасте от полутора до трех лет, вы увидите, что, когда ребенок начинает говорить, его понятийное поле уже очень и очень объемно, хотя он еще и не знает,

как называется тот или иной объект. Понаблюдайте, как ребенок объясняет вам слово, которое вы не поняли. Он три раза повторяет «клёт» (крот), и, бабушка уже почти в слезах, потому что не понимает, он ей объясняет: «тот который землю лапками роет».

Поэтому, полагаю, что в этой концепции все как бы «перевернуто». Язык не задает картину мира, предопределяя тем самым наш характер его восприятия, как это считал Л. Вайсгербер. Потому что сначала мы видим, потом называем. Следовательно, можно сделать выводы:

Источником понятий служат объекты и явления объективного мира

Язык не творит, не создает и не задает мир, он есть результат отражения и осознания мира человеком

Расхождения в создаваемых языковых моделях мира объясняются условиями существования и ракурсом видения

Неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох.

Язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру.

Остается вопрос: почему все-таки картины мира, рисуемые разными языками, так отличаются? Объяснение достаточно простое. Потому что человек – это не фотоаппарат, который просто фиксирует то, на что направлен объектив. Человек пропускает то, что воспринимает через себя, одновременно оценивая наблюдаемый факт. Именно на этой стадии, стадии оценивания начинаются расхождения, потому что здесь вычленяется значимое и оценивается как «пригодное / непригодное», «удобное / неудобное», «полезное / вредное»,

«хорошее / плохое». А характер оценки зависит от культурных традиций, принятых обществом конвенций и реалий жизни.

Представляется, что все общие и большинство частных вопросов в плане обеспечения по крайней мере культурного и языкового общения в режиме «индивид – индивид» и «социум – социум» могут быть объяснены, если их рассматривать с позиций универсальных философских и общелингвистических положений, касающихся взаимодействий в обозначенной выше триаде «человек – язык – мир» и представить в виде когнитивной модели, включающей, с одной стороны, объекты реального мира (в том числе и человека) в совокупности их отношений, с другой – познающего субъекта, то есть человека. Очевидно, что в объективном реальном мире человек выступает в двух ипостасях – как один из его объектов и как познающий его субъект. Результатом познавательного процесса является объективное, отчужденное от индивида знание, на основе которого строятся разного рода гипотезы, в совокупности создающие основание для того, что получило название «концептуальной картины мира».

Уместно отметить, что понятие концептуальной картины мира представляет собой базовое понятие когнитологии, строящейся с привлечением таких областей научного знания, как логика, психология, этнология, лингвистика, культурология. В рамках этого направления ведется исследование когнитивных структур: восприятия, мышления, языка, памяти, действия; установление механизмов, выявление взаимодействия которых должно привести к решению сложной задачи определения сути человеческого разума. Но ни для когнитологии в целом, ни для когнитивной лингвистики это понятие не является исконным. Оно заимствовано из естественных наук, в которых обозначало идеальный конечный результат научного познания, «адекватный слепок физическо-

го устройства мира», предполагающий поиск системных универсальных констант. В таком понимании физическая картина мира представляет собой то субъекто-отстраненное (объективное) знание, передаваемое и приумножаемое от поколения к поколению.

Понятие концептуальной картины мира, очевидно, шире понятия научной картины мира, или физической картины мира, поскольку последнее ограничено научными рамками. Однако помимо собственно научных существуют еще и некоторые обыденные представления об окружающем нас мире, нормах общественного поведения, характере взаимодействия объектов живой природы и созданных руками человека артефактов. Это уже качественно иной слой знания, сформировавшийся в результате жизненного опыта и отражающий понимание индивидом и/или социумом тех или иных явлений. Наконец, третий слой знаний может быть интерпретирован как осведомленность индивида о каком-либо событии или факте. Таким образом концептуальная картина мира предстает как совокупность знания, как отстраненной от индивида сущности, включающего наряду со сведениями о мире представления о конвенциях общественного бытия, знание, как совокупность индивидуальных концептуальных представлений, а также некоторые субъективные мнения. Сказанное позволяет заключить, что концептуальная картина мира представляет собой сложно структурированную систему, характеризующуюся внутренними зависимостями, обусловленными взаимодействием разных родов познания – познания, основанного на эмпирическом восприятии мира, и познания опосредованного, протекающего при участии логического и вербального мышления.

Данное заключение, очевидно, не ново (как, впрочем, и многие другие «открытия» наших дней). Безусловно давая основания

для построения модели познавательного процесса и выработки его алгоритмов, оно восходит к положениям теории познания, разработанным в пятом веке до новой эры Демокритом и Платоном.

Наличие определенного рода константных величин не отрицает изменчивости мира. Мир меняется. Одновременно, не обязательно в зависимости от этого, меняется и представление человека о мире. Это значит, что концептуальная картина мира не является статичной. Она подвижна, и эта подвижность обусловлена как уровнем и характером общенаучной парадигмы (сравните античную картину мира, рисуящую его как вещную сущность, и сегодняшнее представление о нем, связанное с динамикой его развития, и предполагающее в качестве основного понятия не предметность, а событийность), так и изменением внешних условий и внутренних конвенций существования социума. Последнее самым тесным образом связано с ценностной переориентацией человека и сдвигом концепта «нормы» по векторной оси «хорошо – плохо».

Познание окружающего мира и себя в этом мире предполагает одновременное действие не только отражательных, но и оценочных механизмов. Процессы отражения и оценки специфичны. В отражении фиксируется признак, присущий предмету (выявляется «сущее»), наличие некоторого факта или события, как, например в предложении:

(1) *Science is changing. We look at the world differently now. We thought we understood how it worked but we were wrong* (W. Boyd).

В оценке основным является компонент ценностной ориентации. Оценка ориентирована на бенефактивность оцениваемого субъекта и основывается на критерии удовлетворения потребностей.

(2) *How good it was to be rich* (I. Shaw).

(3) *Better too much too early than too little too late* (A. Hailey).

Стремительное развитие общественных связей и отношений, взаимопроникновение культур способствуют изменению представлений о значимости тех или иных явлений и факторов не только отдельного индивида, но и социума. То есть происходит изменение одного из важнейших параметров, определяющих оценку – основания оценки. Естественно, поэтому говорить о том, что оценка конвенциональна и изменчива так же, как и все остальные социальные атрибуты существования об-

щества, выстраивающего новые перспективы, формирующего новые (не всегда, и не обязательно лучшие) идеалы и отодвигающего все старое в область ушедшего status quo. Столь же естественно говорить и о том, что оценка, органично вписываясь в познавательный процесс, структурирует особый слой конечной цели его осуществления, определенной на каждом данном этапе познания действительности концептуальной и, соответственно, языковой картины мира.

Библиографический список

1. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
2. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
3. Сепир, Э. Язык, раса, культура / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
4. Deutscher, G. Through the Language Glass / G. Deutscher. – Arrow Books, 2010. – 310 p.
5. Planck, M. Scientific Autobiography and Other Papers / M. Planck. – Philosophical Library, 1968. – 196 p.
6. Whorf, B. L. Language, Thought and Reality / B. L. Whorf // Selected writings of Benjamin Lee Whorf. – New York : Wiley, 1956. – 278 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Boyd, W. The New Confessions / W. Boyd. – L. : Penguin Books, 2010. – 592 p.
2. Hailey, A. In High Places / A. Hailey. – L. : A Dell Book, 1986. – 376 p.
3. Shaw, I. Lucy Crown / I. Shaw. – L. : New English Library, 1989. – 253 p.

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

LINGUISTICS AND PHILOLOGY

УДК 811.112.3+811.172

ББК 81.432.4+81.42.3

E. Račienė
Vilnius

ZU SPRACH- UND KULTURKONTAKTEN IM GLOBALEN DISKURS (AM BEISPIEL DES LITAUISCH-DEUTSCHEN SPRACHVERGLEICHS)

Schlüsselwörter: Globalisierung, Fremdwörter, Lexik, Entlehnungen, semantischer Wandel, nationale Kultur.

Key words: globalisation, internationalism, lexis, loanword, semantic change, ethnic culture.

1. Einleitung

Im Zeitalter der Globalisierung, der engen Sprach- und Kulturkontakte entsteht das Problem der Beziehungen von internationalen und nationalen Interessen, der fremden und der nationalen Kultur und Sprache. Der Einfluss von historischen und politischen Prozessen auf die Sprache und Kultur ist ein vielschichtiges Thema, das mit Problemen der Assimilierungsprozesse von Kulturen und Sprachen, mit Bedingungen, Formen und Grenzen von Toleranz gegenüber anderen Kulturen und fremdsprachlichen Infiltrationen, mit dem Verhalten der Gesellschaft unter den Bedingungen von interkultureller Kommunikation verbunden ist. Jedes Land hat eine eigene sprachlich und historisch begründete Identität, die aber jeweils sehr stark von äußeren machtpolitischen und kulturellen Einflüssen abhängt und sich wandelt. Mit der globalen Ausbreitung des Englischen als *lingua franca* ist die Anglisierung für viele Sprachen zu einem Problem geworden, denn wir alle müssen fremdartige Entwicklungen aufnehmen, verarbeiten und anverwandeln. Fremdsprachliche und allgemeinkulturelle fremde Einflüsse dringen in die jeweilige Sprache ein und verändern identifikatorische Bindung an die eigene Kultur [vgl. Schaller 2000 : 15-34]. Politische, wirtschaftliche und sozial-kulturelle Veränderungen, die in Litauen durch Integrationsprozesse hervorgerufen werden, beeinflussen die Kultur unseres Volkes und vor allem die Sprache als ihr wichtigstes Ausdrucksmittel.

Das Ziel des vorliegenden Beitrags ist die Untersuchung des Einflusses der englischen Sprache als eines der wichtigsten Faktoren

der Globalisierung auf die litauische Sprache und besonderes auf ihre Lexik. Im Beitrag wird auch ein Versuch unternommen, den Zusammenhang von Sprache und Kultur aufzudecken sowie einige Transformationstendenzen von litauischen traditionellen Grundwerten festzuhalten. Mit den Veränderungen der Kultur einer Gesellschaft wandelt sich auch die Sprache als Mittel der Gestaltung zur Welt, der Formung von Wissen, von Erfahrung und Gedächtnis, mit einem Wort, von Kultur [vgl. Linke 2008 : 25]. Sprachlicher Wandel kann somit auch als Manifestation der Kulturtransformationen betrachtet werden. Die Fragen des Sprach- und Kulturwandels als Folge der engen Sprach- und Kulturkontakte im heutigen globalen Diskurs bewegen litauische Linguisten, die sich besonders mit dem Problem von Entlehnungsprozessen in der litauischen Gegenwartssprache befassen (vgl. Publikationen von V. Rudaitienė, E. Račienė, J. Girčienė, L. Vaicekauskienė u.a.). Die oben erwähnten Fragestellungen sind auch in Deutschland aktuell – berühmte deutsche Sprachwissenschaftler A. Burkhardt, H. H. Munske, R. Hoberg u.a. diskutieren über Auswirkungen der Globalisierung auf Sprachen, nationale Kulturen und Identität, Einfluss des Englischen auf das Deutsche, über Sprachverfall oder Sprachwandel, über Anglizismenfrage und Sprachloyalität und nehmen unterschiedliche, auch entgegengesetzte Stellungen zu den aufgezählten Problemen [vgl. Burkhardt 2013 : 38-42, Munske 2013 : 29-31, Hoberg 2013 : 2-5].

Die Untersuchungsmethoden sind empirisch und analytisch. Die Grundlage für die Analyse bilden die Beobachtungsdaten aus

den Jahren 1999-2014. Die Hauptquellen für litauische Daten sind die öffentlich gesprochene Sprache im litauischen Rundfunk und Fernsehen (im Text werden nach Belegen die üblichen Abkürzungen der Radio- und TV-Sender angegeben) und geschriebene Sprache der Periodika, die teilweise den Publikation von V. Rudaitienė entnommen sind. Es wurden auch die Daten des Korpus der litauischen Gegenwärtssprache¹ (KLG) (*Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas* <http://donelaitis.vdu.lt>) analysiert. Als Quelle für Beispielsätze aus der deutschen Presse wurden die Wortschatz-Datenbank „Wortschatzlexikon“ der Universität Leipzig benutzt sowie die Korpora der geschriebenen Sprache des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim (www.ids-mannheim.de). Folgende Wörterbücher wurden verwendet: Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim 1996, Duden. Das Fremdwörterbuch. Mannheim 1966, 1974, 1982, 1990, Duden. Das große Fremdwörterbuch. Mannheim 2000, Duden. Wörterbuch der Szenensprachen. Mannheim, 2000, *Lietuvių kalbos žodynas - LKŽė* (<http://www.lkz.lt>), *Tarptautinių žodžių žodynas*. Vilnius 2001. Die Illustrationsbeispiele werden gewöhnlich verkürzt.

2. Neue Entlehnungen aus dem Englischen

Der größte Teil der neuen Fremdwörter im Litauischen und im Deutschen sind Anglizismen, sie treten in beiden Sprachen in Bereichen wie Handel und Wirtschaft, Industrie und Technik, Politik, Rüstung, Reise und Verkehr, Mode, Film, Unterhaltung auf. Ein Teil des fremden Wortguts stammt aus anderen Sprachen, doch auch dieses gelangt meist über das Englische in die litauische Pressesprache, für gewöhnlich durch Übersetzungen.

Es lässt sich eine Tendenz der Ersetzung seit langem verwendeter und im Litauischen und im Deutschen heimischer Entlehnungen durch andere Fremdwörter mit derselben oder ähnlicher Bedeutung feststellen. Dies geschieht oft unter dem Einfluss des Englischen. Zahlreiche Beispiele aus der Pressesprache

illustrieren diese Tendenz. Das alte Lehnwort *genocidas* wird durch gr.-lat. *holokaustas* ersetzt, das aus dem Englischen ins Litauische übernommen wurde. Die Bedeutung der beiden Wörter stimmt überein, doch *holokaustas* wird meist verwendet, wenn von der Juden-Massenvernichtung gesprochen wird (vgl. auch 98 Verwendungsfälle im Publizistikteil des KLG): *Šiame projekte pripažįstamas holokaustas bei smerkiamas antisemitizmas LR 2001*. Im Medizinbereich wird statt des griechischen Lehnworts *profilaktika* oft das lateinische *prevencija* verwendet: *Suvažiavime buvo nutarta, kad didelę reikšmę širdies kraujagyslių prevencijai (= Herz-Kreislauf-Prävention) turi ir sveika mityba LR (GB) 2000*. Das aus dem Lateinischen stammende Wort *eksperimentinis* wird durch das französische *pilotinis*, -ė ersetzt, das über das Englische ins Litauische gelangt ist: *PHARE projekto „Nemuno turistinės trasos pilotinis infrastruktūros išvystymas (= Pilotentwicklung der Infrastruktur)“ VŽ 2005*. Die Sportmannschaft (*komanda*) wird immer öfter mit dem aus dem Französischen stammenden Terminus *ekipa* (*Equipe*) bezeichnet, was auch die 652 Verwendungsfälle im Publizistikteil des KLG bestätigen, vgl.: *Puolėju futbolininkas pradėjo žaisti Šiaulių ekipoje (= Fußballertruppe) LR (SA) 1999*.

Ähnliches lässt sich auch im Deutschen beobachten. Die ältere gr.-lat. Entlehnung *Genozid* kennzeichnet allgemein „Mord an nationalen, rassischen od. religiösen Gruppen“ DU. Das Wort *Holocaust* wird im DU als aus dem Englischen übernommene Entlehnung bezeichnet, die vor allem in der Bedeutung „vom Nationalsozialismus betriebene Vernichtung des jüdischen Volkes“ verwendet wird, z.B.: *Schleswig-Holsteins Ministerpräsident Peter Harry Carstensen (CDU) hat dazu aufgerufen, die deutsch-jüdische Geschichte nicht auf den Holocaust zu reduzieren W 2005*. Die lat.-frz. Entlehnung *Prävention* hat die Bedeutung „vorbeugende Maßnahmen“. Das davon abgeleitete Adjektiv *präventiv* bildet mehrere Komposita, die zum Wortfeld „Medizin“ gehören, z.B.: *Präventivbehandlung, Präventivmedizin,*

¹ Im Weiteren wird im Text die Abkürzung KLG verwendet

Präventivmittel DU. Die lat. Entlehnungen *Experiment, experimentieren* und Adjektive *experimental, experimentell* werden im Deutschen durch das französische Wort *Pilot* verdrängt, das besonders produktiv bei der Bildung der Komposita ist und in diesen Bildungen etwas als vorausgeschickten Versuch, als Test zur Feststellung oder Klärung wichtiger Aspekte, Schwierigkeiten o. Ä. kennzeichnet, z. B.: *Pilotanlage, Pilotprojekt, Pilotveranstaltung, Pilotfilm, Pilotsendung, Pilotstudie* DU. Diesen Zusammensetzungen entsprechen die litauischen attributiven Wortgruppen mit dem Adjektiv *pilotinis*.

Die Zahl der Wörter der englischen Sprache, die anstelle der litauischen Wörter oder der üblichen Internationalismen verwendet werden steigt fast unaufhaltsam, man hört in den Fernseh- und Radiosendungen solche Anglizismen wie *autsitas, dedlainas, defaultas, dženderinis, draftas, emeilas, imidžas, ofšoras, draftas, ofšoras, overdraftas, linkas, skryningas* u.a., z. B.: *Autsitas (= Pailginta darbo savaitė) yra tik keliose Europos šalyse (verlängerte Arbeitswoche) LTV 2009; Koalicijos sutarties pasirašymo dedlainas (= galutinis terminas) lapkričio 6 d. (Endtermin der Unterzeichnung von Koalitionsvertrag) LRT 2012; Kitais metais mes galime patirti defaultą (= nemokumą), valiutos devalvavimą (Zahlungsunfähig werden) LRT 2010; Reikia susipažinti su opozicinių partijų siūlymu draftu (= planu, projektu) ekonominei krizei įveikti (Enfwurf der Vorschläge für Überwindung der Wirtschaftskrise) LR TV 2010; Reikia nutiesti šešis elektros linkus (= šešias elektros jungtis) į Rytus (elektrische Vergindungen nach Osten) LRT 2012; Būtinai įvykių politinis skryningas (= vertinimas) (politische Evaluierung) LTV 2009.*

Diese Tendenz kann man auch im Deutschen feststellen, wo solche Anglizismen nicht nur in der gesprochenen, sondern auch in der geschriebenen Mediensprache ganz häufig vorkommen, z.B.: *Die von der Regierung selbst gesetzte Deadline bei der Suche nach einem Standort für ein drittes Asyl-Erstaufnahmezentrum läuft mit Monatsende ab www.oe24.at*

2011; Diese Tagung kann über die jahrelangen Versäumnisse beim Gender Budgeting nicht hinwegtäuschen www.oe-journal.at 2011; Die Stadt hofft, mit ihrem Radwegenetz und dem Faltblatt ihr Image als Naherholungsregion aufpolieren zu können www.haz.de 2011; Habe nun endlich den Link zum ehemaligen Dynamospieler Gerd Weber www.mdr.de 2011; Die Themen dieser Ausgabe: 12 unentdeckte Aktien-Stars - Exklusives Screening von 5000 Unternehmen www.boerse-online.de 2010.

In der litauischen Sprache nimmt die Zahl der internationalen Verben zu, die litauische Lexik aus dem Gebrauch verdrängen, z. B.: *generuoti (generieren), identifikuoti (identifizieren), inspektuoti (inspizieren), komunikuoti (kommunizieren), koreliuoti (korrelieren), realizuoti (realisieren), subsidijuoti (subventionieren), traktuoti (betrachten), stigmatizuoti (stigmatisieren), simlikuoti (simplifizieren), trivializuoti (trivialisieren) u.a.* Viele von diesen Verben sind ungewöhnlich und verletzen auch litauische Sprachnormen. Es entstehen immer neue solche Verben im Litauischen, obwohl es litauische Entsprechungen oder mehr geläufige entsprechende Internationalismen gibt, z.B.: *Defliacijų augimas nėra tvarus, todėl neindikuojama (= nerodo) ekonomikos gerėjimo (Deflation zeigt keine Wirtschaftsverbesserung) BTV 2009. Tikimasi, kad atsiras su Rusija dialogas, kuris indikuos (= reikš, rodys) santykių pagerėjimą (der Dialog mit Russland bedeutet/zeigt Verbesserung der Beziehungen) LTV 2010; Seimas indoktrinavo (= įteisino; įdiegė) Statybos įstatymo pataisas (Seimas indotrinierėte Baugesetzänderungen) LRT 2012; Politikai neturėtų intervencijuotis (= kištis) į STT darbą (Politiker sollten sich nicht einmischen) LTV 2009; Mes pozicionuojame (= pristatome) Kauno oro uostą kaip pigių skrydžių bendrovę (Wir positionieren den Flughafen von Kaunas als kostengünstige Fluggesellschaft) LTV 2010; Kodėl egzistuoja principas stigmatizuoti (= niekinti) visuomenę? (Gesellschaft wird stigmatisiert) LRT 2012.*

Im Deutschen sind solche Verben sehr häufig, denn das Wortbildungsmuster der verba-

len Ableitung von fremdsprachlichen Basen mit den Suffixen -ier, -isier, -ifizier ist sehr aktiv und produktiv [vgl. Duden-Grammatik 2005 : 718], z. B.: *Dies mindert die Möglichkeiten für österreichische Unternehmen am dynamisch wachsenden Markt zu partizipieren und sich so im europäischen Spitzenfeld zu positionieren* www.pressestext.at 2011; *Es ist an der Zeit, dass wir Eigentumsrechte akzeptieren und aufhören Vermögende zu stigmatisieren* www.bernerzeitung.ch 2010; *Eine starke Motivation war auch, die Kinder nicht dem links-gutmenschlichen GEW-Personal auszuliefern und staatshörig indoktrinieren zu lassen* www.jungefreiheit.de 2011; *Das Vertrauen in die amerikanische Zentralbank ist hingegen immer noch intakt, dies indizieren die Reaktionen der Finanzmärkte auf den grosszügigen Zinsschnitt* www.net-news-global.de 2011; *Probleme im Ausländerbereich immer zu tabuisieren und dann zu trivialisieren war wohl doch keine so tolle Strategie* www.bernerzeitung.ch 2010. Fremdsprachliche Verben werden leicht in das System der deutschen Sprache integriert und zeichnen sich durch hohe Verwendungsfrequenz aus (z. B. 2328 Verwendungsfälle des Verbs *positionieren* im Wortschatz-Datenbank der Universität Leipzig) (<http://wortschatz.uni-leipzig>) (Zugriff: 23. 08. 2014).

3. Semantischer Wandel der Entlehnungen

Mit der zunehmenden Verwendung von Entlehnungen in beiden verglichenen Sprachen ist eine Tendenz zur Bedeutungserweiterung dieser Wörter verbunden. Die Lehnwörter erhalten auch übertragene Bedeutungen, d.h. sie werden metaphorisch in einer ihnen ursprünglich nicht eigenen Bedeutung benutzt. Diese neuen Bedeutungen werden in vielen Fällen nach dem Vorbild der entsprechenden Wörter in den westlichen Herkunftssprachen angenommen. Die Ähnlichkeiten der Tendenzen von Bedeutungserweiterung im Deutschen und im Litauischen können an der vergleichenden Analyse der Bedeutungsstruktur der Fremdwörter *moderatorius* – Moderator, *stilistas*, *stilistika* – Stilist, *Stilistik* gezeigt werden. Das aus dem Lateinischen

stammende *moderatorius* ist in der litauischen Standardsprache als Physik- und Musikterminus bekannt: 1. Phys. Stoff des Kernreaktors, der Neutronen hoher Energie abbremst; 2. Gerät bei Tasteninstrumenten für die Mäßigung des Klanges. Jetzt wird dieses Wort nach dem Vorbild des englischen Wortes *moderator* auch in der Bedeutung „Vorsitzender, Leiter einer Versammlung Sitzung, Konferenz, Fernseh- oder Radiosendung“ benutzt. Diese Bedeutung wird im litauischen Fremdwörterbuch von 2001 als dritte angegeben, z.B.: *Į televiziją lituanistės specialybės turinti 32 metų N.S. atėjo iš žinių radijo, [...] ji čia dirbo redaktore, o pastaruoju metu - moderatore (= sie hat im Rundfunk als Redakteurin, in der letzten Zeit als Moderatorin gearbeitet)* LR (TVA) 2000. *Programos sudarytojas ir pokalbių moderatorius (= Gesprächsmoderator) - poetas ir vertėjas Antanas Gailius* 7MD 2005. Im Pressediskurs wird dieses Wort auch als „Vorsitzender, Leiter einer politischen Organisation“ verwendet, z. B.: *Rusijos piliečiai „kovą už spaudą“ supranta kaip ekonomikos oligarchų ir politinių partijų moderatorių kovą (= der Kampf von Oligarchen und Moderatoren der politischen Parteien)* LR (RV) 2000.

Eine ähnliche Bedeutungsentwicklung durchlief das Wort *Moderator* unter dem Einfluss des Englischen auch im Deutschen. Im DF 1966 sind zwei Bedeutungen verzeichnet: Moderator [lat]: 1. Vorsteher eines Moderaments, 2. Verzögerer, Bremsvorrichtung in Kernreaktoren. Das DF 1974 führt als die dritte Bedeutung an „Redakteur einer Rundfunk oder Fernsehanstalt, der durch eine Sendung führt und dabei die einzelnen Programmpunkte ankündigt, erläutert und kommentiert“. Jetzt wird die Bedeutung des Wortes Moderator im DF 2000 wie folgt erklärt: Moderator < aus lat. Moderator „Mäßiger, Leiter > 1. leitender Redakteur einer Rundfunk - od. Fernsehanstalt, der durch eine Sendung führt u. dabei die einzelnen Programmpunkte ankündigt, erläutert und kommentiert. 2. Stoff, der Neutronen hoher Energie abbremst (Kernphys). 3. Vorsteher eines Moderaments. Wir sehen, dass die

Bedeutung, die vor etwa 40 Jahren hinzugekommen ist, jetzt im Wörterbuch als erste, wohl auch gebräuchlichste, angeführt wird: *Ähnlich argumentierte in der Sitzung Gerhard Augstein, Moderator beim SWR, der beide Veranstaltungen organisiert MM 2001. Moderator Kai Pflaume hatte in der Sat-1-Sendung Augenzeugen der Katastrophe, Urlauber und Helfer zu Gast W 2005.* Aber auch in der Bedeutung „Vorsitzender, Leiter einer Versammlung, Sitzung, Konferenz“ ist dieses Wort im Deutschen sehr häufig anzutreffen: *Die finanzielle Bilanz: Die Zukunftskonferenz und die vorbereitenden Sitzungen kosteten die Stadt 51000 Mark, 37000 Mark davon das Honorar für Moderator Roland Schön und seinen Kollegen MM 2001.* Die deutsche Pressesprache verwendet das Wort Moderator auch in der Bedeutung „Vorsitzender, Leiter einer politischen Organisation“, vgl.: *Gerhard Schröder, der Moderator, macht den Erfolg seines Bündnisses ohnehin nicht an den Details fest MM 2001. Soweit würde es der politische „Moderator“ Oettinger ungern kommen lassen Fra 2005.*

Unter dem Einfluss des englischen Wortes *stylist* wird mit dem Fremdwort lateinischer Herkunft *stilistas*, - *é* im Litauischen nicht nur Beherrscher des Stils, des sprachlichen Ausdrucks, jmd., der den Stil, die Sprache korrigiert, sondern auch jmd., der Haare frisiert, Kleider entwirft u.ä. bezeichnet: *Geri stilistai ir eilini žmogų gali padaryti elegantišką (= gute Stilisten können auch einen einfachen Menschen elegant machen) LR (TVA) 2003. Aiškina Orlando Pita, New York City plaukų stilistas (= Haarstylist), kuris sukūrė šią šukuoseną Cos 2004.* Auch das Fremdwort *stilistika* erfährt eine Bedeutungserweiterung. Jetzt wird es nicht nur in der Bedeutung „Lehre von der Gestaltung des sprachlichen Ausdrucks, des Stils“, sondern auch in der Bedeutung „Image (Vorstellung, Bild), Aussehen, Inhalt u.a.“ verwendet: *Dizainerės D.U. užduotis – sukurti bendrą TV3 stilistiką (= allgemeine Stilistik des TV3-Fernsehens) LR (TVA) 2000. Prabilo kino muzikos stilistika (= Stilistik der Kinomusik) 7MD 2007. Dabar Vilniaus mugės stilistika (= Stilistik des Jahrmarkts*

von Vilnius), anot p. Vaškeliio, yra kaip Getebor-go VŽ 2005.

Dasselbe gilt für Lehnwörter *Stilist*, *Stilistik* im Deutschen. *Stilist* bedeutet „jmd., der die sprachlichen Ausdrucksmittel beherrscht, jmd., der den Stil [einer Sportart] beherrscht DU 1996. In der Pressesprache trifft man dieses Wort besonders häufig und in den verschiedensten Bereichen an, vgl.: *Darin zeigt er sich - bis in die hypnotischen Zeitlupenaufnahmen beim Treppensteigen, den Wegen der Verliebten - noch radikaler als Assayas als Stilist der Gefühle F 2000. Stilist des Lichts: Der Oscar-nominierte Kameramann Slawomir Idziak gibt in dieser Woche ein Seminar im Filmhaus Köln SüdO 2000. Erfolg hatte er nicht nur, weil er ein innovativer Baumeister und Stilist ist, sondern auch ein charismatischer Firmenchef W 2005.* Nach dem Vorbild der englischen Sprache (im Deutschen gibt es auch das Verb „stylen“ zu engl. to style) wurde die Bedeutung dieses Substantivs im Deutschen erweitert. *Stylist* wird besonders in der sogenannten Szenesprache verwendet, wo damit eine Person bezeichnet wird, die bei Foto- und Filmproduktionen für die Kleidung von Stars und Models zuständig sind, bei größeren Produktionen auch für die Dekoration [vgl. Duden. Wörterbuch der Szenensprachen 2000 : 111]. Dementsprechend wurde der Bedeutungsumfang des Wortes *Stilistik* auch um die neuen Sememe „Image (Vorstellung, Bild), Aussehen, Inhalt u.a.“ erweitert, und es wird in der Presse verwendet, wenn man von Film, Theater, Musik, Autos, Wein und sogar Politik spricht: *Der Humperdinck-Schüler hat hier versucht, die schizophrene Stilistik seiner Jugend zu überwinden, indem er nationale Elemente mit den Mustern europäischer Klassik und Moderne verschmolz W 2001; Taittinger: Champagner von subtiler Stilistik W 2000. Elia Kazans Verfilmung von 1951, sie ist dem Schreiber lebhaft vor Augen, darf regieulich, darstellerisch, der Dichte und Stilistik nach als Glanzstück gelten J W 2000; So vereint der fünf Meter lange 607 Paladine die Stilistik der neuen Oberklasse-Limousine 607 mit der Faltdachtechnik des 206 Coupé Cabrios BZ 2000; Damit wird das Leitbild*

von der Neuen Mitte zu einer politischen Stilistik reinen Stils W 2001.

Als seine weitere Tendenz ist die Entterminologisierung von internationalen Termini festzuhalten [vgl. Rudaitienė 2000: 70-71, Schippan 1992 : 230, 232, 235]. Viele internationale Termini, die in der deutschen und in der litauischen Standardsprache verwendet werden, erhalten übertragene Bedeutungen, manchmal ist eine Einengung ihrer direkten Bedeutungssphären bemerkbar. Dieser Prozess hängt mit der Übernahme der Termini aus den Fachsprachen, aus dem Stil der Wissenschaft in andere Varianten, funktionale Stile der Standardsprache zusammen. Die Verwendung internationaler Termini in übertragener Bedeutung ist keine neue Erscheinung, weder im Litauischen noch im Deutschen, doch in letzter Zeit dient Fachlexik besonders häufig als Quelle für expressive Ausdrucksmittel in der Pressesprache.

Häufig werden Termini aus den Bereichen Medizin und Biologie, Sport determinisiert. Z.B.: depresija – Depression: Nuo politinės depresijos (= politische Depression) gydė susirinkę į studiją „opoziciją“ – herojus iš visos Lietuvos LR (TVA) 2002; Angesichts der unglücklichen Niederlage in letzter Minute gegen Dortmund wurde Blumenstein gar zum Dichter der Depression Z 2001; Injekcija – Injektion: Finansines injekcijos (= finanzielle Injektionen) Ignalinos uždarymui pažadėjo Danija ir Švedija LŽ 2000; Damit könnte der IMF den Weg zu einer massiven Injektion von öffentlichen Geldern ebnen SZ 2000; paralyžius, paralyžuoti – Paralyse, paralysieren: Prieš metus buvo paralyžuoti beveik visi naujų filmų kūrimo projektai (= neue Filmprojekte wurden paralysiert) LŽ 1999; Ein Fall von politisch korrekter Paralyse Z 2002; startuoti – starten: Antrąjį savo sezoną „Srovės“ baigs rugpjūčio 1-ąją, o rudenį startuos (= die Fernsendung startet im Herbst) trečiąjį kartą LR (TVA) 2000; Dies war bereits die dritte Kündigungsaktion des Unternehmens, das mit Hilfe des deutschen Medienkonzerns Bertelsmann AG einen kostenpflichtigen Abonentendienst starten will SpO 2000; spurtas – Spurt: Po pirmo-

jo šių metų ketvirčio spurto (= Spurt der Wirtschaft) Lietuvos ūkio mechanizmas ėmė strigti, rinkos dalyvių lūkesčiai toliau prastėjo LR 2000. Ob Devisenhändler oder Ökonom – kaum ein Währungsprofi traut dem Euro bis zu seiner Einführung in Münzen und Scheinen einen kräftigen Spurt zu W 2001.

Es werden auch Wirtschaftstermini und Termini aus verschiedenen anderen Fachgebieten entterminologisiert, z. B.: A. stengiasi iš krepšinio gauti kuo daugiau dividendų (= Dividende aus dem Basketball) LR (St) 2002. Politinės investicijos (= politische Investitionen) į ateitį yra svarbiausia kiekvienam politikui LR 2000; Die deutsche Einheit stellt eine Investition dar, die zunächst einmal jährlich etwa fünf Prozent des Bruttoinlandsprodukts kostet Z 2002. Der Ausbau einer historisch einmaligen globalen Hegemonie stellte sich als geopolitische Dividende des Kalten Kriegs heraus Z 2002; Prezidentas pasakė, kad nekeis savo požiūrio dėl NATO, nes jam apskritai nepatinka NATO architektūra (= NATO-Architektur) LR (RV) 2002. Diese sei eine „historische Weichenstellung, die die gesamte politische Architektur Europas verändert SpO 2005. Daugelį metų L.F. buvo ir yra savotiškas pornografijos pramonės standartų barometras (= Barometer für Pornoindustriestandards) LR 2001. Das wichtigste Barometer für die Lage des Landes ist die Entwicklung des Bruttoinlandsprodukts - die Daten werden mehrmals pro Monat korrigiert W 2001.

4. Zu einigen Transformationstendenzen von litauischen traditionellen Grundwerten

Sprache ist nicht nur der Ausdruck der nationalen Identität, die Grundlage für das Leben der Nation, sondern auch einer der wichtigsten Bestandteile der Kultur. Sprache als Teil der ethnischen Kultur zeichnet sich dadurch aus, dass sie die wesentlichen Merkmale der Gesamtheit der Kultur beinhaltet, durch sie wird das System der Werte, die gesellschaftlich verwurzelte Beziehung zu der Welt präsentiert. Die Sprache jedes Volkes spiegelt die Welt nicht direkt wider, sondern durch die von diesem Volk wahrgenommene Weltin-

terpretation. Sie bringt am besten die Besonderheiten der litauischen Kommunikation, der inneren Welt der Litauer zum Ausdruck [vgl. Rudaitienė 2012: 1121-1135]. Kultur, vor allem ihr ethnischer Teil, stellt den grundlegenden nationalen Wert dar, die Überlebensbasis eines jeden Volkes, auch des Litauischen, dar. Globalisierung ist einer der Faktoren, die die Grundlagen der traditionellen Kultur der Völker zerstören. Jedes Volk, das Identität schätzt, widersetzt sich der Globalisierung, der Nivelierung. Globalisierung der heutigen Welt manifestiert sich in der Regel als eine weltweite Ausbreitung der westlichen Kultur.

Transformationsmanifestationen der Kultur sind auch in der litauischen Sprache festzustellen [vgl. Rudaitienė 2006: 363–367; Račienė, Rudaitienė: 2008, 209–224]. Fremde Lexik festigt sich in der litauischen Sprache als Realienbezeichnungen, die aus anderen Kulturen, vor allem westlichen, übernommen werden. Die Einstellung zu der litauischen ethnischen Kultur ändert sich, eigene Kultur wird geschmäleret. Vor allem junge Menschen nehmen Feste und Bräuche anderer Völker an. Nach Litauen kommen solche Feste /Feiertage, die den litauischen Traditionen fremd sind. Man entfernt sich von der alten baltischen Kultur. In Litauen hat man begonnen, St. Patricks Tag zu feiern. Es gibt Litauer, die *Padėkos diena* (Thanksgiving day) feiern. Thanksgiving Day (*Padėkos diena*) wird in Amerika seit 1621 gefeiert, als Emigranten für reiche Ernte dankten. Wenn es ein Wunsch besteht, kann man in Litauen *Derliaus diena* (Erntefest) feiern. Siesta ist eine mediterrane Tradition. Wenn wir Mittagsruhe/Mittagsrast als *siesta* bezeichnen, anstatt *perpietė, pogulis* zu gebrauchen, *priešpiečius* (Mittagessen) oder *pusryčius* (Frühstück) *lanču, lenču* (lunch) nennen, so drücken wir Traditionen und Bräuche ganz anderer Nationen aus. Zum Vergleich kann man analoge deutsche Beispiele anführen: *Ein idealer Zeitpunkt für die Siesta ist die Zeit nach dem Mittagessen zwischen 13.00 und 15.00 Uhr», empfiehlt die in Weimar tätige Kinderärztin www.n24.de 2011; Also saßen wir beim Lunch in der Polizeikanti-*

ne und haben drei Stunden darüber gesprochen - die beiden Männer, die über diesen einen Fall am besten Bescheid wissen www.falter.at 2010. Es ist u. E. unakzeptabel eigene Feste mit dem spanischen Wort *fiesta* zu nennen.

Westliche Sprachen bildeten die Grundlage für die Entstehung der für litauische ethnische Kultur fremden Loblexik. Als ein expressives Lobwort wird häufig der aus dem Englischen übernommene Latinismus *super* verwendet, z.B.: *super atliktas darbas* (*super Arbeit*) LNK 2012, *super gražu stadione* (*super schön auf dem Stadion*) LRT 2012, *superidėja* (*Superidee*) LRT 2012, *superklausimas* (*Superfrage*) BTV 2011, *supernuolaida* (*Super-Rabatt*) LNK 2011, *superpograma* (*Superprogramm*) LRT 2012, *superprojektas* (*Super Projekt*) TV3 2011, *superinis koncertas* (*super Konzert*) LRT 2012, *superinis verslas* (*super Geschäft*) TV3 2011. In der deutschen Sprache ist ist das Wortbildungsmuster mit *super-* auch besonders produktiv und aktiv: *superschnell, superelegant, supermodern, supergünstig, superkonzentriert, superklassisch, superkompakt, superlieb, super-teuer, supernett, superwohl, superschnuckelig, supersüß, superhart* u.v.a. Nach dem Beispiel des Englischen hat der Latinismus *seksualus, -i* (*sexy*) im Litauischen auch neue Bedeutungen bekommen, solche wie *mielas*(*lieb*), *malonus* (*nett*), *gražus* (*schön*), *dailus* (*gut aussehend*), *žavus* (*charmant*), *šaurus*(*cool*), *puikus* (*großartig*), *nuostabus* (*fantastisch*), *patrauklus* (*attraktiv*) u.a. ir kt. Der Anglizismus *sexy* erfährt im Gegenwartsdeutsch enorme Bedeutungserweiterung, seine Häufigkeit in der Pressesprache ist sehr groß (5105 Verwendungsbeispiele im Wortschatz-Datenbank der Universität Leipzig), und er verdrängt solche heimischen Wörter wie „angenehm, anziehend, aufreizend, betörend, bezaubernd, entzückend, hübsch, lieb, liebenswert, reizvoll“ u.a. (etwa 20 heimische deutsche Wörter) (<http://wortschatz.uni-leipzig>) (Zugriff: 23. 08. 2014).

Es steigt die Zahl der für litauische Kultur fremden übersetzten Grußwörter, Glückwünsche und Ausdrücke, z.B.: *hello!* (= *sveikas!*), aus der englischen Umgangssprache *hai* (angl.

hi), *geros sėkmės* (vgl. engl. *good luck*), *turėk gerą dieną* (vgl. engl. *have a good day*), *turėk gerą laiką* (vgl. engl. *have a good time*), *turėk gerą savaitgalį* (vgl. engl. *have a good weekend*).

Phraseologismen/Idiome und phraseologische Einheiten bilden die Grundlage des Geistes des Volkes, darin spiegelt sich auch das Weltbild der Nation wider. Außerdem zeigen sie die Lebendigkeit und Schönheit der Sprache, ihre Eigenart. Leider steigt die Zahl der übersetzten Phraseologismen, die anstatt eigener, den litauischen Traditionen und Bräuchen entsprechenden verwendet werden, z. B.: *ir mums moliūgas pavirs karieta* (wörtlich *auch für uns verwandelt sich ein Kürbis in eine Kutsche*) LNK 2009 = *ir mūsų namuose bus šventė¹, saulė nušvis, saulutė nusišypsos* (wörtlich *auch in unserem Haus wird ein Fest sein, die Sonne wird scheinen, lächeln*); *kates karti* (wörtlich *Katzen aufhängen*) LTV 2009 = *šunis karti* (karstyti) (wörtlich *Hunde aufhängen*); *makaronus kabinti* (wörtlich *Nudeln aufhängen*) LR 2011 = *akis apdumti, akis dumti, akis apmauti* (wörtlich *Augen betrügen, täuschen*); *pakišti kiaulę* (wörtlich *Schwein herunterziehen*) LR 2009 = *iškrėsti kiaulystę, iškrėsti šunybę* (wörtlich *Schweinerei spielen, machen*); *priskaldyti malkų* (wörtlich *Holz hauen*) LNK 2010 = *košės privirti, į košę įbristi* (įsipainioti) (wörtlich *Brei kochen, im Brei waten, sich verwickeln*); *stabdyti arklius* (wörtlich *Pferde stoppen*) BTV 2009 = *burną užčiaupti* (uždaryti, užkimšti, užkišti), *dantis užčiaupti* (uždaryti) (wörtlich *Mund, Zähne schließen, verstopfen*). Einige von diesen Phraseologismen sind aus dem Russischen, andere aus den germanischen Sprachen übersetzt. Man sollte nicht übersetzte Idiome anderer Sprachen verwenden, weil so auch die litauische ethnische Kultur gefährdet wird.

Die Globalisierung wird von Pragmatismus, Konsum begleitet. Dies wirkt sich auf die Wer-

te-Bildung aus. Die Entfaltung des Pragmatismus, des Konsums der Gesellschaft zeigt der aktive Gebrauch der sogenannten Marktlexik in der litauischen Sprache. Als Beispiel kann man das internationale Wort *produktas* (lot. *productus* – *pagamintas*) anführen. Nach dem Vorbild der englischen Sprache ersetzt dieses Wort das litauische Wort *kūrinys* (Werk), pvz.: *Atpigo meno produktai* (*Kunstprodukte sind billiger geworden*) LTV 2012. *Dabar dažnai nuvertinami kultūros produktai* (*Kulturprodukte*) LTV 2012. *Jie [aktoriai] nuoširdžiai ir sunkiai dirbdavo visą savaitę, todėl ir parengdavo gerą produktą* (*Schauspieler haben gutes Produkt vorbereitet*) LR (TVA) 2012. *Knygų mugėje unikalus produktas – knyga slaugantiems ligonius namuose* (*Buch als unikales Produkt*) LRT 2013. Sogar Menschen werden als Produkte bezeichnet, pvz.: *Abi mūsų dukterys – angliškos kultūros ir anglų kalbos produktas* (*Unsere Töchter sind das Produkt der englischen Kultur und Sprache*) LR (TVA) 2011. Der Internationalismus *Produkt* wird auch im Deutschen sehr häufig verwendet und wird als Synonym von vielen einheimischen Wörtern, darunter auch *Kunstwerk, Leistung, Machwerk, Werk, Schöpfung* bezeichnet, z. B.: *Produkt seines musikalischen Abenteuers: das legedäre Album „Graceland“, für das Simon 1987 den Grammy „Album des Jahres“ einheimst* www.general-anzeiger-bonn.de 2011; *Aus einem alten Eichenfachwerk entstand dieses Produkt künstlerischen Schaffens* www.mt-online.de 2011; *Saddam ist wie Bin Laden ein Produkt der miserablen und ständig verfehlten Aussenpolitik der USA* www.news.ch 2011.

Ein weiteres Beispiel für den Pragmatismus der Gesellschaft, schnelles Lebenstempo ist auch die sinkende Verwendung des Verbs *kurti* (schaffen). Radio- und Fernsehsendungen, verschiedene Strategien, Programme, Vorträge werden *gemacht* (*daromi*). Sogar Festspiele, Konzerte, Aufführungen, Musik, Lieder macht man oft. Natürlich ist es einfacher zu machen als zu schaffen, weil das Schaffen eine höhe-

¹ Die meisten litauischen Phraseologismen sind dem Phraseologiewörterbuch der litauischen Sprache entnommen *Lietuvių frazeologijos žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001.

re Stufe der menschlichen Tätigkeit ist. Etwas zu tun ist manchmal schneller und einfacher als zu schaffen, doch gemachte Dinge sind auch einfacher. Es wird vorgeschlagen sogar Freude zu *machen*, z. B.: *Pasidaryk draugų, ir verslas klestės* (mache dir Freunde und das Unternehmen wird florieren) *LTV 2010*. In der englischen Sprache wird der übliche Ausdruck *to find a friend* durch den neuen Ausdruck *to make friends* verdrängt. Die ganze Zeit hat man das Geld verdient (*pinigus už(si)dirbti*), jetzt hört man immer häufiger den Ausdruck *Geld machen* (*daryti pinigus*), z.B.: *Aš organizuoju paramą arba darau pinigus* (Ich organisiere Unterstützung oder mache Geld) *LTV 2011*. Früher sollten Litauer *darbą, darbus (nu)dirbti* (Arbeit, Arbeiten erledigen, arbeiten), jetzt neigt man dazu *darbą, darbus daryti* (Arbeit, Arbeiten machen), z.B.: *Kai reikėjo sunkiausiai darbus daryti, jūs bėgote į krūmus* (die schwersten Arbeiten machen) *LNK 2011*. Vgl. auch die analoge Verwendung des Verbs *machen* im Deutschen, z. B.: Musik machen, Geld machen, Job machen; *Als ich erfuhr, dass Isabelle Carré schwanger war, sagte ich ihr, dass ich schon immer mal einen Film über eine schwangere Frau machen wollte* www.pnp.de 2011; *Wenn Ärzte und Schwestern gut gelaunt ihren Job machen und wirklich in Kontakt mit den Patienten treten, profitieren alle davon* www.noz.de, 2011.

Der übertriebene Konsum, Streben nach materiellem Gewinn fördert den moralischen Niedergang der Menschen, man beobachtet Manifestationen der moralischen Krise. Betroffen sind solche grundlegenden Werte des litauischen Volkes wie Ehrlichkeit, Respekt, Wahrheit, Fleiß. Verantwortung für seine Worte, Handlungen, Lebensstil ist geschwächt. Es beginnen Aggression, Respektlosigkeit, Schmälern des anderen Menschen zu dominieren, ethische Normen werden lässig betrachtet oder ignoriert. Litauische Sprache, besonders ihre Lexik passt sich diesen Erscheinungen an. Beim Sprechen oder beim Schreiben bemüht man sich schärferes Wort

zu verwendet, Emotionen zu beeinflussen. In der öffentlichen gesprochenen und geschriebenen Sprache nehmen herabwürdigende, sogar erniedrigende Wörter zu, z.B.: *FNTT vadovai – puspročiai* (Leiter von FNTT sind Halbverrückte) *LNK 2012*; *Į valstybinį sektorių papuola bepročiai arba vagys* (Im öffentlichen Sektor sind Verrückte oder Diebe) *LR 2010*. *Laikas baigti su tuo subinlaiživimu* (Schluss mit dem Arschlecken) *init 2009*; *Konstitucinis Teismas – tai ne bokštinis kranas, kuris vienu kabliu visą Seimą iš smirdančios mėšlo krūvos galėtų ištraukti* (stinkender Haufen Scheiße) *LR 2010*; *Šitiems politiniams banditams reikėtų baigti spekuliuoti mergaitės likimu* (diese politischen Banditen) *LNK 2012*. Es entsteht immer neue Lexik, die litauische Ethik und die Etikette der litauischen Sprache verletzt, z.B.: *politikos kūdra* (Teich der Politik) *LR 2012*, *politinė pliurzė* (politisches Schlammassel) *LTV 2012*, *politinis turgus* (politischer Markt) *LR 2011*, *politinis tvaikas* (politischer Gestank) *LR 2012*, *valdžios lovys* (der Trog der Macht) *LR 2011*.

Abwertende Einstellung wird auch bei der Verwendung der Wörter in der übertragenen Bedeutung zum Ausdruck gebracht. Um sich schärfer, beleidigender, verletzender, frecher auszudrücken, verwendet man medizinische Termini, z. B.: *Kai kurie Seimo nariai ir toliau demonstruoja savo politinę impotenciją* (einige Parlamentsmitglieder zeigen ihre politische Impotenz) *LRT 2012*; *Ar tai tikrai nuoširdi kova su alkoholizmu, o gal nuoširdus valdžios vyrų debilizmas?* (Debilismus der Machthabenden) *LR 2011*; *Ne visi politikai yra idiotai* (nicht alle Politiker sind Idioten) *LR 2012*; *Vyriausybės nariai elgiasi kaip politiniai autistai* (Regierungsmitglieder verhalten sich wie politische Autisten) *init 2009*; *Mes neturime skleisti įtarumo ir paranojos* (Wir sollen nicht Misstrauen und Paranoia verbreiten) *LTV 2010*; *Mūsų Vyriausybės nariai linkę į šizofreniją* (Mitglieder unserer Regierung sind anfällig für Schizophrenie) *LTV 2010*; *Negalima vieną dieną kažką rašyti*

su vienas, o jau tos pačios dienos vakare pasirašyti su kitais – tai politinė prostitucija (politische Prostitution) LR 2010.

Wie die unten angeführten Beispiele zeigen, ist eine ähnliche Tendenz auch in der deutschen Sprache zu verzeichnen: *Diese Koalition fliegt vor allem nicht auseinander, weil Die Grünen eben keine linke Partei mehr sind, obwohl sich dieser Irrglaube in Teilen der Bevölkerung hartnäckig hält und weil sie all die Scheiße, die die CDU verzapft, mitmachen www.fr-online.de 2010; Geißler bissig: „Diesen Eindruck hat die Bevölkerung von vielen in der Politik: lendenlahm und impotent.“ www.focus.de 2014; Lantos sagte weiter, er würde Schröder gern einen „politischen Prostituierten“ nennen, „jetzt, da er von Putin (dem russischen Präsidenten) dicke Schecks kassiert. Aber die Prostituierten in meinem Wahlbezirk fühlen sich beleidigt.“ www.sueddeutsche.de 2010; Ein Finanzminister stellt sich vor die Öffentlichkeit und bezeichnet die „Notverstaatlichung“ als gutes Geschäft für Ö. Und der Kanzler lächelt debil dazu www.profil.at 2011; Aus dem Loyalen wurde ein politischer Autist www.tt.com 2011.*

5. Schlussfolgerungen

Die litauische Sprache wandelt sich unter dem Einfluss des Englischen als eines der wichtigsten Globalisierungsfaktoren. Die Analyse der Belege aus dem litauischen und deutschen Mediendiskurs zeigt ähnliche Verwendungstendenzen von Fremdwörtern, die davon zeugen, wie ähnlich die Sprachen auf globale soziokulturelle Prozesse, besonders auf die Verbreitung des Englischen als globaler *lingua franca* reagieren. Bereits allgemein übliche Entlehnungen werden durch neue Entlehnungen von derselben oder ähnlicher Bedeutung ersetzt, und dieser Prozess ist auf den Einfluss der englischen Sprache zurückzuführen. Man kann die gleichen Tendenzen des semantischen Wandels von Entlehnungen feststellen. Die Bedeutungen oder die Verwendung von Fremdwörtern werden in beiden Sprachen erweitert, sie werden metaphorisch in einer ihnen ursprünglich nicht eigenen Bedeutung

benutzt. Die neuen Bedeutungen stützen sich häufig auf die Bedeutungen der entsprechenden Wörter im Englischen. Die Analyse der Belege zeigt viele Übereinstimmungen bei der Erweiterung der Bedeutungsstrukturen und im Gebrauch derselben Fremdwörter im Litauischen und im Deutschen. Neue, oft aus dem Englischen übernommene Bedeutungen von Fremdwörtern verdrängen häufig heimische Wörter aus dem deutschen und litauischen Sprachgebrauch. Mehrere internationale Termini werden determinisiert und bereichern auf solche Weise die Sprache durch expressive Ausdrucksmittel.

Globalisierung mit den damit verbundenen sozialen und kulturellen Veränderungen beeinflusst litauische nationale Werte, darunter solche Grundwerte wie Ehrlichkeit, Respekt, Wahrheit, Fleiß u.a. Pragmatismus, Konsum, Grobheit, Agressivität, Verachtung des Menschen entfalten sich. Das spiegelt sich in der Lexik der litauischen Sprache wider. Die Einstellung zur ethnischen litauischen Kultur ändert sich, Realien und Bräuche der westlichen Kultur werden angenommen. Die Zahl der übersetzten Phraseologismen, die litauischen Traditionen und Bräuchen nicht entsprechen, nimmt zu. Globalisierungs- und Integrationsprozesse sind unaufhaltsam. Doch jede Nation ist für die Welt so viel interessant wie sie einzigartig ist. Die Kultur jeder Nation ist ein Bestandteil der gesamten Weltkultur, aber man kann diese Welt sich nicht ohne bewusste Grenzen vorstellen. Unter den Bedingungen der Globalisierung spitzt sich das Problem der Universalität und Nationalität der Kultur generell zu. Das litauische Volk ist auch für andere Kulturen offen, aber Offenheit gegenüber anderen Kulturen sollte auf Ethnizität bezogen werden. Litauische Kultur, Sprache und andere Grundwerte sowie ihre Identität sollten aufbewahrt und gefördert werden. Das litauische Volk soll seine Grundwerte nicht verlieren, aber es soll auch sich nicht abgrenzen von allen menschlichen Werten, von den allgemeinen moralischen Grundlagen, um

die Kultur anderer Völker zu verstehen. Man muss von anderen Kulturen das übernehmen, was litauische Kultur und Sprache bereichert und nicht ärmer macht.

Abkürzungsverzeichnis der Quellen

Cos – Cosmopolitan.	DF – Duden. Das Fremdwörterbuch.
LR – Lietuvos rytas.	DU – Duden. Deutsches Universalwörterbuch.
LR (GB) – Lietuvos ryto priedas "Gyvenimo būdas".	F – Freitag.
LR(RV) – Lietuvosrytopriedas "Rytai-vakarai".	Fra - fr-aktuell.de
LR (SA) – Lietuvos ryto priedas "Sporto arena".	Frp - frankenpost.de
LR (ST) – Lietuvos ryto priedas "Stilius".	JW – Junge Welt.
LR (TVA) – Lietuvos ryto priedas "TV antena".	MM – Mannheimer Morgen.
LŽ – Lietuvos žinios.	SpO – Der Spiegel Online.
rš – raštai.	SüdO - Süddeutsche Online.
VŽ – Verslo žinios	SZ – Süddeutsche Zeitung.
7MD – 7 meno dienos.	Z – Die Zeit.
BZ – Berliner Zeitung.	W – Die Welt.

Literaturverzeichnis

- Burkhardt, A. Die Anglizismen-Frage aus der Sicht der GfDS / A. Burkhardt // *Sprachreport*, Heft 1–2, 29. Jahrgang, 2013. – S. 38–42.
- Duden. Die Grammatik. Duden. 7., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2005. – 718 s.
- Duden. Wörterbuch der Szenensprachen. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2000. – 111 S.
- Girčienė, J. Skoliniai ir bendrinė kalba / J. Girčienė. – Vilnius : Lietuvių kalbos instituto leidykla, 2004.
- Hoberg, R. Anglizismen und Sprachloyalität / R. Hoberg // *Sprachreport*, Heft 4, 29. Jahrgang, 2013. – S. 2–5.
- Lietuvių frazeologijos žodynas. – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001.
- Linke, A. Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation / A. Linke // Kämper, H., Eichinger, L. M. (Hrsg.) *Sprache-Kognition-Kultur*. Berlin, New York: de Gruyter, 2008. – S.24–50.
- Munske, H. H. Was ist Sprachloyalität? / H. H. Munske // *Sprachreport*, Heft 3, 29. Jahrgang, 2013. – S. 29–31.
- Račienė, E., Rudaitienė, V. New lexis – an expression of transformation of Lithuanian culture / E. Račienė, V. Rudaitienė // Carlsburg, G.-B von (Hrsg.) *Bildungs- und Kulturmanagement. The management of education and culture*. Frankfurt am Main : *Peter Lang*, Band 15, 2008. – S. 209–224.
- Rudaitienė, V. Globalisation and transformations of Lithuanian culture / V. Rudaitienė // *Citizens and Governance for Sustainable Development*, Vilnius : Technika, 2006. – S. 363–367.
- Rudaitienė, V. Vertybių transformacijos apraiškos lietuvių kalboje / V. Rudaitienė // *Societal Innovations for Global Growth*, No. 1(1), 2012. – S. 1121–1135.
- Schaller, H.-W. Diskurs und Diskursnetze: Überlegungen zu *den American Studies* in der heutigen Zeit / H.-W. Schaller // Klein, E., Knapp, K., Neumann, F.-W., Schaller, W.-H. (Hrsg.) *Kulturkommunikation Anglistik in der Remediation der Informationsgesellschaft*. Trier : Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2000. – S. 15–34.
- Schippan, Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / Th. Schippan. – Tübingen : Niemeyer, 1992.
- Vaicekauskienė, L. Naujieji lietuvių kalbos svetimžodžiai : kalbos politika ir vartoseną / L. Vaicekauskienė. – Vilnius : Lietuvių kalbos instituto leidykla, 2007.

УДК 811.11-112
ББК 81.432.1

Е.А. Вишнякова
Тула

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: лингвистические средства, аббревиация, сокращенные лексические единицы, коммуникация.

Key words: linguistic means, abbreviation, reduced lexical units, communication.

В связи с ростом объема информации в современном мире наблюдается тенденция к экономии языковых усилий и времени. В целом, экономия в языке обусловлена стремлением к экономии в речи и является её следствием. Экономия в языке – это изменения во внутреннем устройстве системы, которые мотивированы потребностями носителей языка в сжатой передаче информации и направлены на устранение избыточных форм и выработку более совершенных средств выражения. Согласно словарю лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, экономия лингвистическая (закон экономии сил) трактуется как «стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин изменения языка. Это находит свое выражение во всех частях языковой системы: в фонетике, словообразовании, морфологии, синтаксисе < ... >. «Экономия» противостоит «избыточности» и имеет свое материальное выражение. Однако и в тех случаях, когда используемые языковые средства в количественном отношении остаются без изменения, но появляются удобные готовые модели, устойчивые сочетания, более совершенные унифицированные формы и т. п., можно говорить о лингвистической экономии» [Розенталь, Теленкова: URL]. В целом, экономию в речи можно определить, как рациональное использование языковой материи с учётом коммуникативной задачи и ситуации общения для передачи максимума содержания минимумом языковых средств.

Проблема языковой экономии представляется важной как с лингвистической, так

и с экстралингвистической точки зрения. По замечанию А. Мартине, «термин «экономия» включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения» [Мартине 1960: 130]. Языковая экономия, находящаяся в отношениях диалектического единства с языковой избыточностью [Голдман 1957: 339], в определенном смысле компенсирующей возможность человеческой деятельности по сокращению единиц языка, представляет собой одно из существенных условий адекватной передачи и корректного восприятия информации, лежащих в основе успешности коммуникации. Известно, что языковая экономия выступает в качестве одного из способов реализации ресурсов естественного человеческого языка в плане преодоления его естественных ограничений [Будагов 1957], а также выявления наиболее существенных, обладающих особой значимостью элементов в потоке информации. Вместе с тем, языковая экономия не может сводиться только к вопросу об «экономии усилий» [Мартине 1963: 532].

Что касается Интернет-коммуникации, то можно отметить, что здесь особенно активна тенденция экономии языковых средств и усилий. По мнению многих исследователей, виртуальность провоцирует человека на освобождение скрытых черт его личности, которые в реальной жизни ограничены психологическими комплексами, причем освобождение это происходит именно в языковой сфере, так как сам человек существует в Интернете, прежде всего, в языковой форме [Трофимова: URL].

Через многообразие активных интересов виртуальной личности формируется новый уровень ее реальной интеллектуальности. Все эти особенности сетевого мышления проявляются и на языковом уровне в виде особых качеств текстовых Интернет-конструкций: сообщений, текстов и других видов языкового оформления сетевой информации. Сетевой текст строится по законам внутренней речи, которая использует совершенно особую языковую систему, основанную на сокращении, усечении и кодировке привычного нам языка.

Подобный процесс наблюдается и в формировании сетевых текстов, так как каждое слово, оформленное в виде ссылки, может представлять собой целый пласт смыслов. Не случайно возник очень устойчивый компьютерно-сетевой «диалект», понятный постоянным пользователям Интернета, что называется, с полуслова. Необходимо отметить ряд характерных особенностей коммуникации при помощи компьютерных сетей. Во-первых, возможность одновременного общения большого числа людей, находящихся в разных частях света, и, следовательно, живущих в разных культурах; во-вторых, невозможность использования большей части невербальных средств коммуникации и самопрезентации; в-третьих, обеднение эмоционального компонента общения; и, в-четвертых, анонимность и снижение психологического риска в процессе общения. Указанные характеристики приводят к выработке новых форм и стилей взаимодействия и возникновению своеобразного Интернет-этикета.

Вообще этикет – это правила хорошего тона, принятые в той или иной социальной группе. В Интернете, соответственно, появился свой этикет, другими словами, *Netiquette*, то есть набор предписаний о том, как себя вести в сети. Автор книги “*Netiquette*” Вирджиния Ши отмечает, что «когда вы осваиваете новую культуру – а киберпространство, конечно, имеет соб-

ственную культуру – то можете совершать некоторые ошибки. Можно обидеть человека без ясной причины. Или, не поняв, о чем идет речь, выступать со своей резкой позицией. И, что немаловажно, в виртуальном пространстве легче забыть о том, что вы общаетесь с живыми людьми (а не просто настукиваете на клавиатуре некий текст). В результате, частично из-за этой «забычивости», частично из-за того, что пользователи не пришли к предварительному согласию, некоторые (чаще всего, новички) делают всевозможные ошибки [Shea: URL].

Участники электронной коммуникации используют огромное количество сокращений, символов, разговорных фраз и упрощенных грамматических конструкций в целях экономии времени и быстроты осуществляемого общения, как если бы оно происходило на бытовом уровне между старыми друзьями, которым не нужно много слов и конструкций для языкового оформления своих мыслей. Таким образом, письменный дискурс или речь, которая всегда считалась наиболее правильной с точки зрения нормы употребления языковых единиц, претерпевает ряд изменений, которые напрямую связаны с теми требованиями, которые предъявляет сеть как коммуникативная среда к оформлению информации: краткость, выразительность и ориентация на пользователя – массового адресата.

В рамках новой концепции дистанционного письменного общения требования к созданию электронного сообщения обусловлены особенностями восприятия информации человеком. Сообщение должно быть не только кратким и ясным, но и желательно, чтобы размер сообщения не превышал фактического размера экрана, т.е. того сравнительно небольшого объема пространства, который можно охватить взглядом.

Таким образом, особой специфической характеристикой электронного сообщения является интенсивное использование сокращений. Приведем ряд примеров:

atw – at the weekend, cm – call me, jam – just a minute, obtw – oh by the way, o4u – only for you, gr8 – great, ptmm – please tell me more, khuf – know how you feel, fyi – for your information, tuvmm – thank you very much, wb – welcome back, 2bctnd – to be continued, yiu – yes I understand, 2gfu – too good for you, t2ul – talk to you later, ruok – are you OK?, sohf – sense of humour failure, 4e – forever, wrt – with respect to.

Приведем пример, содержащий простые грамматические формы, свойственные электронным сообщениям, а также различные сокращения, упрощенную пунктуацию и использование графических средств для передачи эмоций и особого отношения к содержанию высказывания:

Hey FOG!!!

RUOK? Tuvmm 4yi ☺ ptmm about your new job. it's in NYC think. great!!! Have much 2 do, 2 write no time. Was in Denver last month 2 new cam.

Cu! ☺

В данном письме используется изобилие сокращений и аббревиатур. При этом можно с уверенностью сказать, что человек, не знакомый с ними, просто не сможет понять, о чем идет речь в сообщении. В данном письме предложения фактически состоят из сокращений. В анализируемом сообщении используются свойственные письмам личной направленности простые предложения, которые способствуют наилучшему усвоению информации, при этом автор нарушает порядок слов и опускает личное местоимение *I*, как, например, в предложении *it's in NYC think*, что означает *I think it's in NYC*. Также в данном письме можно увидеть смайлы (эмотиконы), используемые для выражения эмоций.

Коммуниканты в сети Интернет обладают уверенностью, что получатель сможет понять смысл данного текста, поскольку у данных пользователей уже сложился определенный код коммуникации. Следует заметить, что стремление к экономичному использованию языковых средств более свойственно пользователям молодого поколения, которые не знакомы или

просто не сталкивались с написанием традиционных текстов, тогда как люди старшего поколения склонны излагать свои мысли, не нарушая общепринятых норм орфографии, грамматики, пунктуации.

Как уже указывалось выше, наиболее важной характеристикой электронного сообщения является его направленность на оптимизацию содержащейся в нем информации, на как можно более конкретное и четкое изложение основной идеи сообщения, что, естественно, обусловлено необходимостью экономии времени и материальных затрат как отправителя, так и адресата. Соблюдение этих требований, выступающих в качестве важного семиотического фактора, является не менее важным, чем содержательные особенности электронного текста, поскольку именно данный фактор является одним из основных в процессе эффективной передачи и успешности усвоения полученной информации. Корректно оформленная и переданная информация обеспечивает адекватный процесс восприятия на уровне человеческой когниции. Опираясь на понимание сущности семиотики известными учеными, включающими в сферу данной области знания коммуникативные системы и знаки, используемые в процессе коммуникации [Мартине 1960: 130], можно прийти к выводу о том, что анализ особенностей знакового потенциала электронного сообщения позволяет более глубоко проникнуть в процессы взаимодействия собственно семиотических и семасиологических характеристик, отражающих функции языкового кода, используемого коммуникантами в процессе общения.

Будучи явлением мирового масштаба, Интернет становится предметом массовой коммуникации, что порождает необходимость образования нового лексикона, включающего в себя и обилие сокращенных лексических единиц. С точки зрения типологии дискурса, важнейшая роль принадлежит созданию особых, компью-

терных словарей на основе тех языков, посредством которых осуществляется электронное общение, причем, не только одноязычных. Очевидно, что задача лексикографов по фиксации языка Интернет исключительно сложна, поскольку этот язык, как и любой живой развивающийся

язык, не только находится в стадии становления, а поэтому не обладает ярко выраженным системным характером в полной мере, но и специфическим образом, например, сокращая, реализует нормы и стандарты, пополняя словарный запас самым неожиданным образом.

Библиографический список

1. Будагов, Р.А. О связи семантических изменений с процессами словообразования и формирования словосочетаний / Р.А. Будагов // Иностранные языки в школе. – 1957. – № 4. – С. 68–77.
2. Голдман, С. Теория информации / С. Голдман. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 446 с.
3. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях / А. Мартине. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 260 с.
4. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь лингвистических терминов : пособие для учителя [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/je.php
5. Трофимова, Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете [Электронный ресурс] / Г. Н. Трофимова. – URL: www.dialog-21.ru/archive
6. Shea, V. Netiquette [Электронный ресурс] / V. Shea. – URL: <http://www.nflame.net/thingsnetiquette/>

УДК 811.111

ББК 81.432.1

Д.А. Жгун
Барнаул

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЁМКОСТЬ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Ключевые слова: эмоциональное состояние, способы экспликации, культурная значимость.

Key words: emotional condition, linguistic means of relaying, cultural relevance.

Эмоциональные состояния составляют такой класс субъективных психологических состояний, которые в форме непосредственных переживаний и ощущений передают отношение человека к миру и людям. Эмоции представляют собой результат длительного эволюционного процесса и становления психических форм отражения действительности. Жизнь без эмоций так же невозможна, как и без ощущений. Эмоции возникли как средство, при помощи которого человек устанавливает значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей. Эмоционально-выразительные движения человека – мимика, жесты, пантомимика – выполняют функцию общения, т. е. сообщения человеку информации о состоянии говорящего и его отношении к тому, что в данный момент происходит, а также функцию воздействия —

оказания определенного влияния на того, кто является субъектом восприятия эмоционально-выразительных движений. Интерпретация таких движений воспринимающим человеком происходит на основании соотнесения движения с контекстом, в котором идет общение [Немов: URL]. Эмоции выступают как внутренний язык, как система сигналов, посредством которой субъект узнает о потребностной значимости происходящего. Особенность эмоций состоит в том, что они непосредственно отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. Эмоции в деятельности человека выполняют функцию оценки ее хода и результатов. Они организуют деятельность, стимулируя и направляя её.

Разные авторы предлагают в некоторой степени отличающиеся определения эмоций и эмоциональных состояний. Так,

эмоции в самом общем плане могут определяться как психические явления, отражающие в форме переживаний личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека [Морозов: URL]. В иных интерпретациях эмоции представляются как психическое отражение смыслов выполняемых действий и условий их выполнения. Эмоции есть ключ к осознанию мотива, его поверхностное проявление. Эмоция – субъективный эквивалент потребности [Леонтьев 2000]. Несколько более расширенное определение встречается у С.Л. Рубинштейна, который определяет эмоции как психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания смысла жизненных явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта [Рубинштейн: URL].

Нетрудно, однако, заметить, что во всех указанных случаях одним из ключевых моментов является наличие в определении компонента потребностей. Это легко объяснить необходимостью человека приспосабливаться к внешней среде, удовлетворяя собственные нужды. Ответ среды (физической, социальной, профессиональной, быденной) на действия человека может быть позитивным или негативным, соответственно этому порождаются эмоции разного типа.

В тех случаях, когда понятие потребностей отсутствует в определении исходного термина, оно раскрыто в детальном их описании: эмоции – «особый класс психических процессов и состояний..., связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т. д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Мещеряков: URL]. Следовательно, можно говорить о потребностях как о главном факторе, который определяет поведенческие мотивы и предпринимаемые дей-

ствия для сохранения жизнеспособности.

Как всякая присущая человеку деятельность, эмоции выполняют определенные функции, как то оценочную, побудительную, дезорганизирующую, регулирующую, функцию подкрепления, предвосхищения, эвристическую, синтезирующую и экспрессивную. Оценочная функция подразумевает, что эмоции сигнализируют о некоторых значимых для человека событиях, которые происходят в окружающем мире. Появляется мотивационная значимость событий [Леонтьев: URL].

Одной из наиболее значимых представляется побудительная функция. Её существо заключается в том, что в эмоциях субъективно отражаются потребности и мотивы, они могут являться побудителями действий [Рубинштейн: URL]:

(1) *She came and stood over his bed, looking down at him out of her paper-white face. Her neck was tense and she opened her hands and then closed them into tight fists, again and again. Suddenly her stony face seemed to break into pieces. She was standing at the door on her way out and rushed across the room at him. She screamed and punched her fist down on to the swollen lump which was Paul's left knee. She shut the front door with a loud bang and Paul knew that she was extremely angry* (King, 42).

В данном случае героиня сначала старается скрыть эмоции гнева и раздражения, сжимая руку в кулак, затем эмоции побуждают ее к резким действиям и желанию причинить боль Полу, который является объектом ее ненависти.

Дезорганизирующая функция означает, что в ряде случаев эмоции могут разрушать или дезорганизовывать поведение; данная функция может вызвать состояние тревоги и аффекта [Гозман: URL].

Регулирующая функция [Леонтьев: URL] представляет собой воздействие как на субъекта, испытывающего определенную эмоцию (экспериенцера), так и на внешний по отношению к нему объект – собеседника или на некоторое сообщество:

(2) *She looked at him. Her dark eyes shone like coins and she was grinning the grin of the madman who has stopped controlling himself at all. She smiled at him – a dry smile, with no humour in it. He thought of being left alone down here in the cellar in the dark, and his skin felt cold* (King, 54).

В данном случае эмоции ненависти и злости, которые испытывает главная героиня, оказывают влияние на Пола и вызывают у него чувство страха.

Среди функций эмоций В.И. Шаховский также отмечает функцию катализатора креативной способности человека, которая зависит от эмоционального состояния и «обуславливает его эмоциональный резонанс» [Шаховский 2009: 674]. Данная функция осуществляется благодаря ассоциациям, которые вызываются у человека каким-либо словом, восстановлению их в памяти, а затем вербализации.

(3) *He felt nothing but despair. Even the fat emerald ring, once such a prize, was a torture, for it reminded him of Ursula and how he had treated her. It had been heartbreaking to live through that part of his life the first time. And now to be asked to live through it again was a sorrow so exquisite he could barely speak* (Cready, 161).

(4) *He had threatened to pound Cody to a pulp if he ever got into his stuff again, but that had been an anger reaction after fear and dread. He remembered the fear and dread, and he remembered feeling his legs burn. It was irrational, Jean kept telling herself, pacing in her small apartment. All night she had come wide awake repeatedly, replaying that scene at the pond over and over, feeling all that fear again and again. Fighting a surge of guilt again and again* (Wilhelm, 201).

Из обоих примеров видно, как эмоции выполняют функцию катализатора креативной способности человека, то есть по ассоциациям влияют на возникновение других эмоций и мыслей и на вербализацию впоследствии.

Функция подкрепления означает, что эмоции могут подкреплять те формы по-

ведения, которые ведут к удовлетворению имеющихся потребностей. В свою очередь, функция предвосхищения означает, что эмоции могут предвосхищать результаты действия до его выполнения. Синтезирующая функция включает чувственный тон ощущения, законы соединения простых чувств в частичные и цельные тенденции чувств к интеграции, объединению. Экспрессивная функция определяется тем, что эмоциональные переживания сопровождаются «выразительными движениями», которые могут использоваться в общении – мимикой.

(5) *DeVasher looked angrily at them and walked nervously up and down behind his desk* (Grisham, 56).

(6) *Her face had darkened immediately. She ate the rest of her ice-cream in five huge mouthfuls* (King, 56).

Из вышеприведенных примеров становится ясно, что эмоции, которые испытываются героями, сопровождаются действиями, выражающими эмоциональные состояния.

В своем развитии, как утверждает Ю.Д. Апресян, эмоции проходят пять фаз: физическое восприятие, интеллектуальную оценку, собственно эмоцию, желание продлить или заблокировать причину, вызвавшую эмоцию, непосредственное проявление [Апресян 1995: 376].

На основе данной последовательности развития эмоций проанализируем в качестве примера английское слово *disgust* (отвращение). *Disgust* – ‘a distaste, repugnance that offends the mind or moral taste of a person’ [Webster’s dictionary and thesaurus: URL]. Данное чувство возникает, когда человек чувствует неприятный запах или видит какой-либо неприятный предмет, оценивая его впоследствии как нечто неприятное, и общение или контакт с которым хочется немедленно прекратить. Отвращение выражается мимикой:

(7) *The tendrils of that web are clearly outlined in my mind, each strand representing a*

thought or a memory. I can feel the currents in her mind: the disgust, the fear, the nausea (Johnson, 21).

Язык играет большую роль в формировании личности. С.Г. Тер-Минасова утверждает, что «язык и человек неразделимы». Невозможно изучать человека вне языка. В языке отражаются окружающий мир и культура, созданная человеком. «Язык – орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию» [Тер-Минасова 2000: 134].

О связи национальной культуры и языка было написано немало работ, и данной проблемой занимались как психологи, социологи, культурологи, так и лингвисты. Именно язык отражает мир и культуру людей и формирует национальный характер, который определяется С.Г. Тер-Минасовой как совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт [Тер-Минасова 2000: 137]. Культура и язык представляют собой взаимосвязанное единство. О.В. Библиева в своей работе «О понятии взаимодействия языка и культуры» утверждает, что как язык, так и культура включают в себя основную функцию хранения и передачи информации и культурного опыта людей соответственно [Библиева 2003: 28]. Язык выражает не только культурные ценности, но и менталитет, являясь воплощением национальной картины мира. У каждого представителя различных культур своя языковая картина мира, которая представляет собой исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Исходя из определения, можно сделать вывод о том, что представители различных культур воспринимают и реагируют на мир

по-разному, а, следовательно, используют различные вербальные и невербальные средства выражения своего отношения, желания. Невозможно с точностью понять и сказать, что имеют в виду люди, принадлежащие к той или иной культуре. Поэтому существует такое понятие как стереотипы.

Стереотип традиционно определяется как схематический, стандартизованный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально-окрашенный и обладающий устойчивостью. Так, можно дать разные характеристики нациям в соответствии с устоявшимися и связанными с ними стереотипами: немцы – пунктуальны, организованны, практичны, одержимы порядком и чистотой; англичане, в свою очередь – прагматичны, сдержанны, немногословны; русские – открытые, с широкой душой, гостеприимны, несколько безответственны; американцы – улыбкивы, амбициозны, трудолюбивы; а японцы – чересчур вежливы, приветливы, покорны. О людях других национальностей можно судить не только по их поведению, но и по выражению эмоций – а так как существует связь между языком и эмоциями, то можно утверждать о наличие такого рода связей между эмоциями и культурой.

По мнению М. Бамберга, язык соотносится и, следовательно, отражает предметы и эмоции в мире: язык включает в себя множество терминов, связанных с определением эмоций, и «люди во всем мире говорят об эмоциях» [Bamberg: URL].

Затрагивая проблему «эмоционального понимания», В.И Шаховский отмечает, что «именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или лингвокультуры». При этом выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Их асимметрия имеет следующие варианты: эмоцию можно

- испытывать, но не выражать,
- выразить, но не испытывать,
- выразить не ту, которую испытываешь [Шаховский 2009: 672 - 680].

О взаимосвязи эмоций и языковой картины мира также говорила и А. Вержбицкая, которая разделяет понятия на комплексные, присущие определенной культуре, такие как тоска, стыд, и универсальные, то есть те, которые имеются во всех языках и с помощью которых можно передать значение и смысл комплексных понятий. К ним относятся такие слова как *чувствовать, думать, говорить, хотеть, хороший, плохой*. Кроме того, она говорит о том, что «каждый язык навязывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека», приводя пример английских слов *anger* и *sadness*, и указывая на то, что они представляют собой «культурные артефакты данного языка» [Вержбицкая 1999: 34].

А. Вержбицкая приводит множество примеров в своих работах, касающихся способов передачи эмоций разными культурами. Во-первых, она говорит о невербальном выражении эмоций представителями различных культур, акцентируя внимание на различиях от культуры к культуре. Автор приводит пример таких стереотипов, как «непроницаемое» японское лицо, «экспансивная» жестикуляция греков и итальянцев, русские «медвежьи объятия» и «сердечные поцелуи» и англосаксонское «чмоканье в щеку» [Вержбицкая 1999: 542]. Также в ее работе уделяется особое внимание различиям между японской и англо-американской культурой. Например, в Японии не принято выражать свои желания прямо, в то время как английская культура предполагает, что каждый вправе выражать свои желания открыто через глагол *хотеть*. Другим примером служит сравнение понятий «самовозвышения» и «самоуничижения» данных культур. В Японии принято подчеркивать скромность, желание угодить, а в Америке и Англии – открыто говорить о своих заслугах и обвинять других в своих неудачах [Вержбицкая 1999: 662-669].

(8) *What would he do when his turn came, when someone tried to take what he felt was his and cast suspicion on him when he felt he'd done*

nothing wrong? What would he do? «In Japanese culture you just go along with things, you don't create controversy.» (Smith, 12)

По мнению А. Вержбицкой, такие стереотипы «отражают накопленный опыт межкультурного сопоставления». А. Вержбицкая говорит о различиях в вербальных способах передачи эмоций. Интерпретация людьми эмоций зависит в некоторой степени от «лексической сетки координат, которую им дает их родной язык». При передаче и интерпретации эмоций следует иметь в виду проявление «этноцентризма», то есть наличие «понятийной сетки» у разных народов – наличие тех или иных понятий, характеризующих и называемых эмоции. Например, английские слова *sad* и *anger* не имеют точных эквивалентов в русском языке, также как и русские слова *грусть, тоска, сердиться*, а у таитянцев вообще отсутствует понятие «грусть», хотя это и не значит, что они не способны испытывать чувство грусти [Вержбицкая 1999: 505].

В разных языках эмоциональная лексика имеет как сходные, так и отличительные черты. В.И. Шаховский констатирует, что «вся художественная литература является депозитарием эмоций». Через литературу происходит «воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также следование социализированным ритуалам эмоционального общения» [Шаховский 2009: 678]. И именно эмоциональная лексика несет основную культурную нагрузку [Тер-Минасова 2000: 147].

(9) *We got sent to bed without supper because my parents said hitting someone was the worst thing you could do. Stealing was second, and lying was third (Kadohata, 13).*

Проведенный краткий анализ существующих точек зрения на природу, сущность и предназначение эмоций как внутренних переживаний, отражающих характер восприятия мира (в самом общем понимании) и отношения человека к миру (к окружающей природе, людям, поступкам, событиям, действиям, сложностям,

неурядицам, в равной степени, как к проявлениям добра и благожелательности в социальной среде), подтверждает значимость этих состояний для организации собственного бытия.

Языковая экспликация эмоциональных состояний функционально многопланова. Она несет экспрессивную, оценочную, регулятивную, контактоустанавливающую нагрузку.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системной лексикографии / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Библиева, О. В. О понятии взаимодействия языка и культуры / О. В. Библиева // Материалы конференции молодых ученых, май 2003. – Часть 1. – Барнаул, 2003. – С. 27–32.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; перевод с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
4. Гозман, Л. Я. Психология эмоциональных отношений [Электронный ресурс] / Л. Я. Гозман. – URL: www.gumer.info/bibliotek-Buks/Psihol/gozm/01.php
5. Леонтьев, А. А. Лекции по общей психологии [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – URL: <http://www.gumer.info/bibliotek-Buks/Psihol/drugin/15.php>
6. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / Б. Г. Мещеряков, Зинченко В. П. – URL: www.gumer.info/bibliotek-Buks/Psihol/dict/26.php
7. Морозов, А. В. Деловая психология [Электронный ресурс] / А. В. Морозов. – URL: <http://ezolib.ru/5817.html>
8. Немов, Р. С. Общая психология, часть 1 [Электронный ресурс] / Р. С. Немов. – URL: <http://www.gumer.info/bibliotek-Buks/Psihol/nemov1/07.php>
9. Рубинштейн, С. Л. Эмоции [Электронный ресурс] / С. Л. Рубинштейн. – URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/Rubinshteyn%20-%20emocii.html>
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 261 с.
11. Шаховский, В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В. И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 671–683.
12. Bamberg, Michael. Language, Concepts and Emotions [Электронный ресурс] / Michael Bamberg. – URL: <http://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm>
13. Webster's dictionary and thesaurus [Электронный ресурс] / URL: <http://www.merriam-webster.com/mw/>

Список источников иллюстративного материала

1. Johnson, H. Th., Broms, A. Profit Beyond Measure / H. Thomas Johnson, Anders Broms. – NY : Nicholas Brealey Publishing Ltd., 2000. – 272 p.
2. Cready, Gwyn. Flirting with Forever / Gwyn Cready. – NY : Simon and Schuster Edition, 2010. – 448 p.
3. Grisham, J. The Firm / John Grisham. – NY : Penguin, 1998. – 560 p.
4. Kadohata, C. Kira-Kira / C. Kadohata. – NY : Penguin, 2006. – URL: <http://www.barnesandnoble.com/sample/read/9780689856402>
5. King, S. Misery / S. King. – NY : Penguin, 1987. – 350 p.
6. Smith G. The Ball / G. Smith. – NY : Penguin, 2002. – 62 p.
7. Wilhelm K. Cold Case / K. Wilhelm. – Mira, 2009. – 268 p.

УДК 81'1

ББК 81.053.2

О.В. Казаченко
Москва

ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАРТИНУ МИРА

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, образ мира, заимствования.

Key words: world picture, language world picture, the image of the world, borrowings.

Разнообразные процессы в экономике, политике, международных отношениях и культуре, свидетелями которых мы сейчас являемся, требуют от нас новых ответов на старые вопросы о национальном пони-

мании: кто я как индивид и кто мы как нация? Чем я и мы отличаемся от них, от других наций и народов? Несмотря на то, что образ жизни, производство, культура разных народов сближается, национальная

чувствительность обостряется. Парадоксально, не правда ли? Нам представляется, что объяснить данную ситуацию можно следующим: выросло число контактов между странами, и люди стали не то что видеть больше различий между друг другом, они стали осознавать их.

Каждый человек как представитель определенного этноса отличается своеобразием восприятия реальной действительности. Это своеобразие выражается в определенном понимании сути вещей через призму своего языка, своей культуры. Человек, в большинстве случаев не осознает, почему он говорит или поступает определенным образом, он, собственно, не ставит под сомнение верность или правильность слов и действий. Любой естественный язык отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке. Таким образом, совокупность представлений о мире, находящих свое отражение в значениях слов, складывается в определенную систему взглядов и предписаний, разделяемой всеми говорящими на этом языке. Однако следует отметить, что структура значения, составляющая интенционал, может быть осознанно оспорена разными носителями языка.

Понятие «картина мира» не является для науки чем-то совершенно новым. Оно используется в различных науках: философии, психологии, гносеологии, культурологии, когнитологии, лингвистике. Сложность толкования понятия «языковая картина мира» состоит в том, что данное понятие не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач [Корнилов 2003: 5].

В когнитивной лингвистике можно встретить понятие «концептосфера», в психологии используется «образ мира»,

лингвокультурология оперирует определениями «национальный образ мира» (Г.Д. Гачев), «модель мира» (А.Я. Гуревич), “the mapping of the world” (картирование мира) (Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова), менталитет (В.А. Маслова). Некоторые ученые, например А.Я. Шайкевич, вообще не видит необходимости в термине «языковая картина мира», в отличие от термина «семантическая система» [Шайкевич 2005: 9]; другие, как например О.А. Корнилов, уверены, что словосочетание «языковая картина мира» пока еще не стало термином, а всё ещё остается метафорой, так как не всегда получает достаточно четкого и однозначного толкования даже в среде специалистов одного профиля [Корнилов 2003: 3].

Дифференцирование данных понятий крайне важно для их полного понимания. Картина мира – сложно структурированная целостность, включающая три главных компонента: мировоззрение, мировосприятие и мироощущение. Эти компоненты объединены в картине мира специфическим для данной эпохи, этноса или субкультуры образом [Картина мира: URL].

Картина мира в самом общем виде понимается учеными Воронежской концептологической школы как совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова 2006: 36]. Обсуждение проблем взаимосвязи языка и картины мира, начатое сначала с позиции философии, привело к необходимости разграничения двух уровней построения знаний о мире: концептуального (когнитивного) и языкового, в связи с чем выделяют концептосферу (когнитивную картину мира) и языковую картину мира. Д.С. Лихачев вводит понятие «концептосферы языка» для определения совокупности потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом. «Концептосфера национально-го языка тем богаче, чем богаче вся культура нации <...> Она соотносима со всем

историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачев: URL]. Большинство концептов, формирующих концептосферу, носят всеобщий характер и не зависят от языка их вербализации (это подтверждается экспериментально в трудах многих ученых). Однако содержание концептов, отражаемых в зеркале языка, фиксирует несходство в культурном опыте тех или иных народов. Модель мира представляет собой некое руководство для поведения человека, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта. Эти основные категории, как считает А.Я. Гуревич [Гуревич 1984: 25], как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества. В основном это универсальные обязательные для всего общества предписания, но не навязанные насильственно обществом, предопределяя особое видение мира, а «впитываемые» неосознанно представления о всем, что окружает человека в его жизни. Названные категории образуют основной семантический «инвентарь» культуры.

В большинстве работ «картина мира», «образ мира» и «модель мира» понимаются как синонимы, хотя не отрицается факт их дифференциации, что связано, прежде всего, с культурными различиями, зафиксированными в языке.

Понятие менталитета тесно связано с понятиями, соотносимыми с духовной жизнью общества. Менталитет представляет собой самое общее восприятие человеком мира. Это мировоззрение, формирующееся в человеческом сознании с самого раннего детства под влиянием всех разнообразных факторов, начиная от географического расположения места проживания, заканчивая влиянием непосредственного окружения. Психические, интеллектуальные, эмоциональные и культурные особенности и определяют менталитет, который у разных народов складывается

веками, сохраняя привычный для них способ мышления, действий, различные культурные традиции и так далее.

В современной лингвистике признается существование двух картин мира – научной и наивной, которые принадлежат соответственно к научному и обыденному сознаниям. Научная картина мира представляет собой форму систематизации научного знания и может определяться как «логизированный свод дискурсивных знаний о внешней действительности, человеку, обществе, который утвердился в науке» [цит. по: Бубнова 2008: 116]. В этом случае научная, или общенаучная, картина мира является научным слоем знаний о мире, интегрировавшим в себе данные различных частных научных дисциплин, как естественных, так и социальных.

В отличие от научной, наивная картина мира – это зафиксированный в лексическом и фразеологическом составе национального языка комплекс знаний и представлений определенного языкового сообщества о мире. Подобный комплекс может рассматриваться как «база данных и база знаний, без которых невозможно принятие любых решений как текущего, так и долговременного характера» [цит. по: Бубнова 2008: 116].

Картина мира не является монолитным образованием, она меняется под воздействием различных факторов, как внешних, так и внутренних. В своем развитии картина мира любого этноса проходит путь от народной (наивной, мифологической) до научной. С.Е. Никитина рассматривает языковое народное сознание как часть культурного сознания, так как между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Языковое народное сознание является воплощением народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах [Никитина 1993: 34].

Язык на всем пути своего развития постоянно подвергается изменениям с введением новых объектов, понятий реальной

действительности, и, в основном, эти изменения касаются лексического слоя языка, непосредственно связанного с внешним и внутренним миром человека. При тесном взаимодействии народов, при обмене новыми технологиями, идеями и продуктами жизнедеятельности, как мы можем видеть сейчас, происходит большое количество заимствований, при этом взаимодействие касается как языков, так и культур. При заимствовании сталкиваются языковые картины мира языка-донора и языка-реципиента. А.С. Сарсенбаева отмечает, что «при пересечении языковых картин мира заимствуются просто лексемы. Это указывает на то, что в языке-реципиенте уже присутствует данный концепт, который не обязательно объективирован лексемой. Он может быть репрезентирован в заимствующем языке при помощи словосочетаний, описаний или не иметь вербализованную выраженность» [Сарсенбаева 2011: 37]. В заимствуемом слове зафиксирована часть чужой (для заимствующего языка) картины мира, и таким образом язык-реципиент заимствует фрагмент иной языковой картины мира. Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможны два противоположных пути лексических заимствований: 1) привнесение в языковую картину мира элементов чужого мировидения, закрепленных в иноязычных словах; 2) изменение семантики иноязычного слова в соответствии с языковой картиной мира принимающего языка.

Так, слово *гламур* впервые появляется в русском языке в 1990-х годах, но особое распространение получает только в 2000-е. Существуют некоторые производные данного понятия, такие как *глэм*, *огламуренность*, *глэминг*, но фиксации в официальных словарных энциклопедических статьях (кроме Интернет-словарей) пока нет. Понятие *гламур* принадлежит массовой культуре и характеризуется фальшивой, бессодержательной эстетической формой; в значении слова *гламур*

воплощен потребительский гедонизм, свойственный упадку цивилизации, когда отсутствие физического и душевного труда становится нормой и ценностью современного общества. Эти ассоциации во многом создаются и тиражируются при помощи печатной продукции – гляцевых журналов. Таким образом, мы видим негативную коннотацию данного понятия, проявляющуюся практически в каждой ассоциации данного слова. Что же русскоговорящие представители нашей культуры видят в данном понятии и насколько оно совпадает с интенционалом этого английского слова, заимствованного, в свою очередь, из французского языка? Вот такие дефиниции нам дают различные толковые словари английского языка: 1. an item, motif, person, image that by association improves appearance (элемент, мотив, личность, образ, который в совокупности улучшают внешний вид), 2. witchcraft; magic charm; a spell affecting the eye, making objects appear different from what they really are (колдовство; магия очарования; чары, влияющие на восприятие, заставляя объекты выглядеть иначе, чем они есть на самом деле), 3. a kind of haze in the air, causing things to appear different from what they really are (некоторая пелена в воздухе, заставляющая вещи выглядеть иначе, чем они есть на самом деле) 4. any artificial interest in, or association with, an object, or person, through which it or they appear delusively magnified or glorified (любой искусственный интерес или ассоциация с объектом или человеком, посредством которого он или они иллюзорно увеличены или становятся красивее, 5. alluring beauty or charm (often with sex appeal) (манящая красота или очарование (часто с сексуальной привлекательностью)).

В приведенных выше толкованиях понятия «гламур» в английских дефинициях отсутствуют отрицательные коннотации, присущие анализируемому неологизму в русском языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие языка-донора не совпадает с понятием языка-реципиента, и мы имеем дело с простым калькированием, не отра-

жающем сути данного слова, тем не менее, входящем в языковую картину мира современной молодежи.

Библиографический список

1. Бубнова И. А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : дисс. ... д-ра филол. наук / Бубнова Ирина Александровна. – М., 2008. – 465 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
3. Картина мира [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – URL : <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/01/931-003.htm>
6. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 189 с.
7. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2006. – 226 с.
8. Сарсенбаева А. С. Заимствования как отражение фрагментов иноязычной картины мира / А. С. Сарсенбаева // Болгарская русистика. – 2011/3-4. – С. 37–45.
9. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок / А. Я. Шайкевич // Московский лингвистический журнал. – 2005, № 2. – С. 5–21.

УДК 81'271

ББК 81.055.51

О.А. Косова
Уссурийск

РЕЧЕВАЯ / ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИОННЫХ ФОРУМОВ О ЗДОРОВЬЕ)

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, форум, агрессия, флейм, инвектива, конфликт.
Keywords: Internet-communication, discussion forum, aggression, flame, invective, conflict.

На современном этапе развития науки о языке появляются новые перспективные тенденции и направления, среди которых едва ли не главенствующая роль отводится исследованию Интернет-коммуникации, типологии сетевых жанров, лексических, грамматических, стилистических, дискурсивных воплощений данной речевой формации, языкового/дискурсивного нивелирования, невербальных графических средств выражения эмоций.

В настоящей статье под Интернет-коммуникацией мы будем понимать общение в сети Интернет двух и более лиц, направленное на удовлетворение ряда жизненно важных потребностей, таких как потребности в информированности, потребности в передаче знаний, умений и информации, потребности в общении, потребности в самореализации и самовыражении, потреб-

ности в снятии психологического индивидуального и социального напряжения, эстетических потребностей.

На наш взгляд, Интернет-коммуникация – понятие очень широкое и противоречивое. С одной стороны, существует точка зрения о том, что «в Интернете формируется новый тип общения, который определяется как *легкая социальность*: особая форма отношений между людьми, которая ни к чему не обязывает и не имеет никаких последствий. Полагают, что это общение снижает конфликтность человеческих взаимодействий, так как уменьшение личных контактов равно укреплению социального спокойствия» [Горошко 2012: 42]. С другой стороны, «для того, чтобы завладеть вниманием собеседника и не оставить его равнодушным Интернет-коммуниканты стремятся сделать

свое сообщение неповторимым, бросающимся в глаза и конфликтным. Конфликтность, понимаемая как речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами, получает различное языковое выражение» [Асмус 2005: 58]. Вышеприведенные точки зрения позволяют сделать вывод о том, что оппозиция «толерантность – конфликтность» является базовой характеристикой Интернет-коммуникации.

Еще одна характеристика Интернет-коммуникации – анонимность, понимаемая Интернет-пользователями как вседозволенность, также является одним из критериев развития конфликтных ситуаций.

По мнению Ф.О. Смирнова, значимыми с точки зрения персональности являются также такие отличительные черты Интернет-коммуникации, как «статусное равноправие участников и передача эмоций с помощью дополнительного набора знаков (смайликов); полифоничный характер Интернет-общения (сочетание в себе различных типов дискурса); сочетание вербальной и невербальной информации; специфическая компьютерная этика; множественность (динамичность) самопрезентации; психологические особенности Интернет-общения; добровольность и желательность контактов; высокая эмоциональная насыщенность; склонность к девиантному поведению» [Смирнов 2004: 17].

В рамках настоящей статьи мы берем за основу тезис о том, что Интернет – это пространство интеракции, в котором зарождаются, получают развитие и каким-либо способом разрешаются конфликты.

Во-первых, мы будем исходить из положения о том, что виртуальная коммуникация является слепком реальной коммуникации, реального языка *homo loquens* и его реального поведения, и, следовательно, презентация в ней конфликтных ситуаций – достаточно репрезентативный эмпирический материал для исследования.

Во-вторых, «Интернет-пространство является средой конфликтов и агрессивного поведения с первых дней существования Интернета» [Puschmann: URL].

В-третьих, под *конфликтом* или *конфликтной коммуникативной ситуацией в Интернет-коммуникации* мы будем понимать словесную перебранку форумчан, основанную на несовпадении их точек зрения относительно обсуждаемого вопроса, и направленную на «вторжение» [Воронцова 2006: 25] одного оппонента в аксиологическую и когнитивную сферы другого с целью деформации этих сфер в нужном для второго оппонента направлении.

В-четвертых, в настоящей статье мы будем придерживаться точки зрения Дж. Сулера, который считает, что 1) «зачинщиками конфликтных ситуаций являются мужчины»; 2) «чувствуя свою относительную защищенность, скрывая свое истинное лицо, они позволяют себе делать такие вещи и высказываться таким образом, каким бы они не стали действовать в реальной жизни»; 3) «человек всегда ищет общения с другими людьми, вне зависимости от того, является ли это общение гармоничным и дружеским или конфликтным»; 4) «девиантное поведение варьируется по степени выражения агрессии от слабой до сильной. Агрессорами выступают такие пользователи, для которых типично девиантное поведение в любом месте, в любое время»; 5) «эти люди испытывают недостаток в общении, они чувствуют себя одинокими и отчужденными от общества, поэтому им доставляет особое удовольствие провоцировать других, вызывать в них негативные эмоции»; 6) «они действуют так с целью привлечения к себе особого внимания, с целью коммуникативного и психологического доминирования в интеракции, при этом они преднамеренно нарушая разнообразные постулаты общения, отступая от языковых и речевых норм разных уровней»; 7) «девиантное поведение для некоторых всего лишь часть шоу» [Suler 1998: 275-294].

В пятых, для конфликтных ситуаций в Интернет-коммуникации существуют определенные названия, а именно: флейм, флуд и троллинг. Под *флеймом*, мы вслед за Ф.О. Смирновым, понимаем «вербальную агрессивную реакцию, вызванную сообщением собеседника, нарушающую принципы конструктивной дискуссии. Под *флудом* – поток сообщений, отправляемый агрессивным пользователем. И наконец, *троллинг* – это отправка провокационных сообщений в надежде, что участники общения «клюнут» на них как на приманку» [Смирнов: URL].

В-шестых, «речевая агрессия – это конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата» [Воронцова 2006: 18].

В-седьмых, Т. Джей выделяет *две формы вербальной агрессии*. Первая – *агрессия враждебности*, когда брань предназначена для того, чтобы нанести моральный ущерб человеку, который чем-то не угодил говорящему. Вторая – *инструментальная агрессия*, т. е. агрессия выступает неким инструментом или средством для получения вознаграждения: испуг оппонента, просто удовольствие от доставленного другому нравственного ущерба [Jay 1999: 63].

Приведенные выше теоретические положения позволяют нам сформулировать гипотезу о конфликтности интеракции на форумах, посвященных здоровью. Именно эти форумы используются в настоящей статье в качестве фактического материала, т. к. именно дискуссионные форумы, посвященные обсуждению различных болезней, лекарственных средств (впрочем как и другие форумы с различной тематикой), наиболее приближены к реальному общению, так как их тематика непосредственно связана с витальными потребностями человека; значимая роль в дискуссионном форуме отводится докоммуникативным лингвистически релевантным средствам (нику, аватару, орджу), ко-

торые позволяют создать / «доконструировать портрет» каждого форумчанина, и, следовательно, обозначить для себя наиболее ярких участников интеракции; каждый форумчанин, обладая определенным потенциалом креативности и эмоциональности, выражает их при помощи эмодиконов или метатекстовых знаков, и, надевая на себя «речевую маску», задает необходимую ему тональность общения – конфликтную или толерантную.

Рассмотрим ряд примеров, в которых нашли отражение приведенные выше теоретические обоснования. Необходимо отметить, что орфография, пунктуация и высказывания форумчан приведены без изменений.

(1) *Вопрос: Дорогая редакция! Почитал задаваемые Вам вопросы и Ваши на них ответы. Скажите пожалуйста, а тут у Вас один специалист на вопросы отвечает или по каждому разделу отдельный? Если верно последнее, то будьте любезны, ответьте пожалуйста где Вы столько ДЕБИЛОВ набрали???? А может у вас генератор случайных ответов установлен? ВСЕ ваши ответы начинаются со слова «Здравствуйте» и заканчиваются столь же вежливым посылаем на *** (читай - к специалисту/дохтуру) без малейшего желания вникнуть в суть проблемы и оказать человеку реальную помощь. ***ВАШ ФОРУМ! Спасибо за внимание и за взаимопонимание. Передавайте привет Ктулху - без него этот сайт явно не обошелся...*

С уважением, не надолго ставший Вашим пациентом, Андрей

Ответ врача: Здравствуйте. Благодарим за критику. Не надо становиться «пациентом» форума. Лечение должен проводить врач. Мы помогаем сориентироваться в медицинских услугах и направить человека к нужному специалисту (URL₁).

Первый анализируемый пример взят с форума «04-консультации. Психиатрия», на котором общение выстраивается в виде вопросов-ответов, между «клиентами»-пациентами, описывающими синдромы своего психического состояния, и «агентами»-

врачами, которые в большинстве случаев рекомендуют им обратиться к специалисту. В представленном примере очевидна реактивная речевая агрессия форумчанина Андрея, который нелестно выражается по поводу данного форума и обсуждаемых на нем проблем. Форумчанин использует обценную лексику в предложении «*ВСЕ ваши ответы начинаются со слова «Здравствуйте» и заканчиваются столь же вежливым посланием на *** (читай - к специалисту/дохтуру)*», а также грубую, оскорбительную унижающую лексику в предложении «**** ВАШ ФОРУМ!*», которую можно рассматривать как *стрессовую инвективу*. «В подобном случае инвектива является эффективным средством «выпускания пара», аварийным вентилем, позволяющим снять напряжение, снизить его до безопасного для психического здоровья минимума» [Жельвис 2001: 45].

Кроме того, он прибегает к использованию мемо-лексемы «*Ктулхе*», демонстрируя собственную «продвинутость», современность, посвященность. Гость, зашедший на этот форум, «конструирует» для себя портрет данного форумчанина, который является постоянным участником дебатов и манифестирует свои «виртуальные эмоции» посредством обценной, бранной лексики и стрессовых инвектив.

Интересно отметить тот факт, что одновременно с использованием разного рода оскорбительной лексики, форумчанин Андрей применяет и формулы вежливости – это «*Вы-обращение*», «*С уважением*», «*пожалуйста*», «*будьте любезны*» и т. д. На наш взгляд, подчеркнутая вежливость данного форумчанина свидетельствует о его стремлении обозначить свою принадлежность к «*кругу чужих*», психически здоровых.

Рассмотрим следующий пример, где наглядно представлены почти все докоммуникативные лингвистически релевантные средства (в частности никнейм и аватара), которые позволяют гостям, зашедшим на форум, «смоделировать портреты» форумчан.

(2)

5 сентября 2011 года в 09:30

Евгения

я школьный психолог, консультант по здоровью - решаем такие задачи с помощью специального питания. Которое обеспечивает питание прежде всего коре головного мозга. сосудистой системе. нервной системе...Давайте пообщаемся -я задам вам вопросы, отвечу на ваши вопросы- вы получите рекомендации и результат непременно будет положительный. С уважением, Евгения

8 сентября 2011 года в 08:14

Владимир Гордийчук

Очень мудро! Если кормить кору головного мозга- можно многого достигнуть! А что будет, если перекормить эту самую КОРУ ГОЛОВНОГО?

8 сентября 2011 года в 08:24

Евгения

не надо паясничать-вы не хуже меня понимаете, о чём я писала...каждой клетке нужно своё питание и не борща тарелку...и это не я придумала. а ведущие лечебные клиники со своими специалистами, которые немало потрудились. чтобы разобраться в механизмах профилактики и оздоровления в целом. ДОКТОР! Меня ЛЕЧИТЬ не надо, помогите тем, кто к вам с этим обращается .И слава и хвала вам тогда!

8 сентября 2011 года в 09:06

Владимир Гордийчук

Это нормаль, когда психолог говорит пациенту(в данном случае-я):»- не надо паясничать?»? А лечить Вас не собираюсь- Вы неизлечимы ! Отсутствие знаний в медицине- не лечатся!

8 сентября 2011 года в 09:35

Евгения

))))))))))вы не пациент, а специалист. А я себя медиком и не называла...я использую знания академиков Российской Академии Медицинских Наук, Института Питания, Всемирной Организации Здравоохранения. И их наработки в области нутрициологии просто довожу до сведения людей, которые очень нуждаются в этих рекомендациях...Извините...но спорить не хочу...и оправдываться...а то что я не излечима - это ещё не смертельный диагноз... спасибо за позитив...

8 сентября 2011 года в 10:46

Владимир Гордийчук

Несете медицинские знания-специалист, но, не медик! Так кто же Вы? **А Вам несут денежки и для каждой**

клеточки Вашего организма! Нутрициология- великая наука! **И деньги приносит, и крышу имеет: Академия Медицинских Наук!**

8 сентября 2011 года в 14:00

Евгения

я-консультант по здоровью и представляете , я настолько здорова,что мои консультации денег не стоят, и денег

от населения я не принимаю...а медицина у нас , конечно, тоже бесплатная! Может вместо того, чтоб злиться, нам надо познакомиться, поговорить, возможно и вам здоровье нужно?А не нужно, так успокойтесь -от меня пользы больше , чем от некоторых медиков...вас не имею ввиду-не знакома

9 сентября 2011 года в 21:40

Владимир Гордийчук

Я ни на кого, не злюсь - я доктор! Могу себе позволить вольность-быть злым на глупость, как свою, так и чужую!

9 сентября 2011 года в 23:46

Евгения

спасибо...хоть такого, но позитива...всего вам доброго... всегда готова учиться и общению, и не только, с уважением, Евгения

9 сентября 2011 года в 23:55

Владимир Гордийчук

Вот не понимаю Вас! Все Вы, пишущие - просто, «довели» меня, своими познаниями ВСД! (URL₂).

Во втором анализируемом примере главными фигурантами конфликтной ситуации выступают форумчанин Владимир Гордийчук и консультант-психолог Евгения, которые высказывают свои точки зрения по поводу лечения вегето-сосудистой дистонии. Необходимо отметить, что здесь, как и в предыдущем примере, налицо реактивная агрессия, которая позволяет выразить свое мнение на предлагаемый способ лечения вегето-сосудистой дистонии. Владимир Гордийчук использует стратегию генерализации, направленную на обвинении большого числа некомпетентных специалистов, берущих деньги и прикрывающихся данными Академии Наук, представителем которых является, по его мнению, Евгения. Особенностью данной конфликтной ситуации можно назвать сдержанный, «прощупывающий почву», не переходящий за грань допустимого характер. В данном случае речь идет о конфликтной ситуации, т. к. В. Гордийчук не признает альтернативных мнений и суждений, предъявляет своему оппоненту огромное количество претензий, намеренно преувеличивая намеренно его действия, тем самым дискредитируя его.

(3)

10 июня 2013 года в 14:06

Stranger The Guest

Владимир, у вас явно заклинило на почве кишок. Мне делали все обследования (ага, *** и

рентгеном и видео и изотопные исследования), в т.ч. кучу платных - ну нет там ничего. ВСД это даже не название болезни! Это расстройство нервной системы, которое может быть вызвано кучей факторов - от остеохондроза до гормональных нарушений.

10 июня 2013 года в 23:09

Владимир Гордийчук
Крутая безграмотность и тупизм!

11 июня 2013 года в 11:50

Stranger The Guest
А у вас невежественность и необразованность **прёт из всех щелей**. Вы бы хоть стеснялись ****.

11 июня 2013 года в 13:26

Владимир Гордийчук
guest! Фотограф, наш! От Вас--одна образованность да заумность. А вот разума --- ноль! Ты почитай, что написал-то сам! *** наш!

11 июня 2013 года в 16:32

Stranger The Guest
Я написал информацию, подтверждённую наукой. А вы - **шарлатан и фraudатор**, который на форумах ищет «лохов» с целью содрать с них деньги за свои шаманские советы.

11 июня 2013 года в 18:01

Владимир Гордийчук
***, наш! До какой степени бьют фотографии-людишки **зловонные!**

12 июня 2013 года в 07:23

Stranger The Guest
Ты даже предложение не можешь составить читаемое, а всё туда же - **лечить людей лапшой на ушах. Cura te ipsum doctor** (URL₂).

Третий пример, взятый с форума о вегето-сосудистой дистонии, является ярким подтверждением точки зрения о том, что «общение в Интернете с неизбежностью вызывает активное использование тех языковых особенностей, которые специалисты по коллоквиалистике считают присущими живой разговорной речи: <...> высокая доля лексики с разговорной окраской, обилие специфических разговорных конструкций» [Интернет-коммуникация как новая речевая формация 2012: 7]. К числу разговорных конструкций мы причисляем, прежде всего, отмеченные звездочками и выражение «лечить людей лапшой на ушах», «лох». Особая роль отводится и так называемой стратегии «навешивания ярлыков» – «шарлатан и фraudатор», использование которых нацелено на нанесение морального ущерба оппоненту, на его оскорбление и унижение. В. Гордийчук, в свою очередь, пытается одержать верх, вывести своего оппонента на эмоции посредством использования следующих инвектив: «пропоносный», «поносный», «зловонный». В этой «языковой баталии» идет борьба за доминирование в общении, где каждый из оппонентов намерен вызвать у своего оппонента агрессивную реакцию. Тот факт, что В. Гордийчук конфликтует со всеми и везде, на протяжении нескольких лет, подтверждает мнение о том, что для некоторых форумчан конфликт – это часть шоу, жизненно необходимое ему для собственной эмоциональной разрядки, снятия эмоционального напряжения.

Подводя итог всему вышесказанному, основываясь на фактическом материале, мы приходим к выводу о том, что Интернет выступает пространством интеракции, которому наряду с гармоничным и дружеским общением присуще и конфликтное общение, зачинщики которого преследуют ряд целей. Особая роль отводится докоммуникативным лингвистически релевантным средствам, которые позволяют «доконструировать портреты

форумчан» и смоделировать образ каждого из них. Непосредственный интерес для исследователей представляет языковой

«гардероб» конфликтного общения, который представлен разговорными фразами и клише, обценной лексикой.

Библиографический список

1. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук / Асмус Нина Геннадьевна. – Челябинск, 2005. – 265 с.
2. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия : коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Татьяна Александровна Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с.
3. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : Флинта : Наука, 2012. – С. 9–52.
4. Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.
5. Интернет коммуникация как новая речевая формация : колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 328 с.
6. Смирнов, Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Смирнов Федор Олегович. – Ярославль, 2004. – 224 с.
7. Смирнов, Ф. О. Языковая и коммуникативная агрессия в Рунете [Электронный ресурс] / Ф. О. Смирнов. – URL: <http://www.hr-portal.ru/article/yazykovaya-i-kommunikativnaya-agressiya-v-runete>
8. Jay, T. Why We Curse : A neuro-psycho-social theory of speech / T. Jay. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 1999. – 344 p.
9. Suler, J. R. and Phillips, W. The Bad Boys of Cyberspace: Deviant Behavior in Multimedia Chat Communities / J. R. Suler, W. Phillips // Cyber Psychology and Behavior. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – № 1. – p. 275–294.
10. Puschmann, C. Enacting conflict, controversy, and aggression in online spaces [Электронный ресурс] / C. Puschmann, H. Ford, R. Recuero. – URL: <http://spir.aoir.org/index.php/spir/articles/view/896>

Список источников иллюстративного материала

1. URL₁ : <http://ill.ru/inquiry.arch.shtml?profile=10558offset=258logic-and8pattern>
2. URL₂ : <http://health.mail.ru/forum/topic.html?fid=47&tid=5986&render=1>

УДК 811.111'26

ББК 81.432.1-55

*Н.В. Майзенгер, Т.Д. Максимова
Барнаул*

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: пунктуация, графические средства, орфография, апостроф, дефис, эмотикон.

Key words: punctuation, graphic means / mechanics, spelling, apostrophe, hyphen, emoticon.

На современном этапе для отечественного языкознания характерно интенсивное внедрение новых научных парадигм в сферу лингвистических исследований, что порождает интерес не только к вербальной природе речевой деятельности, но и к её вспомогательным, невербальным системам, участвующим как в формировании устной речи, так и письменной. В этом плане особый интерес представляют вспомогательные семиотические средства, формирующие специфику пись-

менной речи. Письменный язык представляет собой систему графических средств, позволяющую сохранять информацию во времени и передавать ее в пространстве. Любой письменный текст всегда графически оформлен. Однако состав графических средств неоднороден. Такие средства как начертания букв, складывающиеся в вербально-выраженные на письме языковые единицы, обладающие лексическим и грамматическим значением, в корне отличаются от характера написания этих букв

(строчные или заглавные буквы), их величины, наклона, жирности и других признаков, которые входят в понятие шрифта. Отличаются от перечисленных средств и использование межсловных (и в свою очередь, межпредложенческих) знаков, составляющих так называемую систему пунктуационных знаков.

Такое разнообразие ведет к различной трактовке назначения и состава графических средств, их классификации, а также определению места графики в системе всех письменных средств. Так, согласно определению, представленному в Большом энциклопедическом словаре, под графикой (греч. *graphikē* – пишу, черчу, рисую) понимается «совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.» [БЭС 2000: 118]. Аналогичное определение графики приводится в энциклопедии «Русский язык», где отмечается, что основными средствами графики являются буквы и знаки препинания [РЯ 1979: 61]. Кроме того, к средствам графики относятся различные приемы сокращения слов, использование пробелов между словами, использование прописных и заглавных букв, отступов, всевозможных подчеркиваний, а также шрифтовых выделений [РЯ 1979: 61]. Согласно представленным определениям, пунктуация (знаки препинания), наряду с другими средствами письменного языка является составляющей частью графики.

Однако данная трактовка соотношения графики и пунктуации противоречит определению, представленному в вышеуказанном Большом энциклопедическом словаре в разделе «Пунктуация», где под пунктуацией понимается «система общеобязательных графических внеалфавитных знаков, составляющих – вместе с графикой и орфографией – совокупность основных средств письменного языка» [БЭС 2000: 407]. Т. е. пунктуация, согласно данному определению, не включается

в графику, а занимает с ней равную позицию в ряду других средств письменного языка. Таким образом, становится очевидным, что термины графика и пунктуация в современной лингвистике понимаются неоднозначно и часто взаимозаменяются.

Состав графических и пунктуационных средств также подвержен различным интерпретациям. Как правило, в теоретической литературе по вопросам пунктуации не возникает разногласий по поводу определения статуса таких знаков препинания как точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки (круглые и квадратные) и кавычки. Данные средства письменного языка практически всеми лингвистами без исключения относятся к разряду пунктуационных знаков (или знаков препинания). Противоречия возникают в вопросе отнесения таких средств как пробел, абзацный отступ (или красная строка), дефис, косая черта, чередование строчных и заглавных букв, курсив, шрифтовые выделения и т. п. либо к группе пунктуационных знаков, либо к группе графических средств.

Так, в Большом энциклопедическом словаре такие средства как абзац, разделительные звездочки, линейка и шрифты относятся к знакам препинания (хотя и к периферической части пунктуационной системы) [БЭС 2000: 407]. Подобная точка зрения представлена в Большой советской энциклопедии [БСЭ: URL], в работах А.А. Реформатского [Реформатский 1963: 214], Б.А. Шварцкопфа [Шварцкопф 1988: 9], А.А. Леонтьева [Леонтьев: URL] и др., где к знакам препинания в числе других пунктуационных знаков относятся абзац, дефис, косая черта, пробел, шрифты и др.

Однако согласно другой точке зрения, представленной, например, в энциклопедии «Русский язык» [РЯ 1979: 61], в Литературной энциклопедии [ЛЭ: URL], а также в работах Л.В. Щербы [Щерба 1983: 131], И.В. Арнольд [Арнольд 1973: 13] и др., эти

же средства и ряд других попадают в группу графических средств. «К средствам графики относятся различные приемы сокращения слов, использование пробелов между словами, использование прописных и заглавных букв, отступов, всевозможных подчеркиваний, а в печатном воспроизведении текста к тому же – и шрифтовых выделений» [РЯ 1979: 61].

В зарубежной теоретической и справочной литературе по пунктуации также нет единого подхода относительно того, какие знаки препинания следует относить к пунктуационному составу (*punctuation*), а какие к средствам графического оформления письменного текста, получившим в англоязычной справочной литературе название *mechanics*. Так, многие лингвисты [[West 1963, Elsbree 1977, Metcalfe 1985] и др.] относят все знаки препинания к разделу “*punctuation*”, включая апостроф, заглавные буквы, звездочки (*asterisks*) и курсив.

Некоторые же исследователи пунктуации [[Axelrod 1985, Troyka 1990, Corbett 1992, Witt 1991] и др.] дифференцируют графические средства, выделяя в них два подраздела – “*punctuation*” и “*mechanics*”, однако в вопросе об отнесении знаков препинания к той или иной группе наблюдается значительная разнобой. Так, М. Витт разграничивает все графические средства письменного языка на “*punctuation*” и “*mechanics*” в зависимости от того, имеют ли они отношение к предложениям (*dealing with sentences*) или отдельным словам (*dealing with words*) соответственно, и причисляет к последним такие знаки, как апостроф, дефис, многоточие, кавычки, курсив, аббревиацию, заглавные буквы и цифры [Witt 1991]. В исследованиях Р. Аксельрода и Ч. Купера в раздел “*mechanics*” наряду с аббревиацией, заглавными буквами, дефисом, цифрами включается и орфография (“*spelling*”) [Axelrod 1985]. Э. Корбетт и Ш. Финкл в раздел “*mechanics*” относят кавычки, курсив, подчеркивание, заглавные буквы, цифры и дефис, осно-

вывая данный выбор на интонационном принципе: «Данные графические средства (в отличие от собственно пунктуации) не имеют интонационного оформления в устной речи. Например, слово, написанное с заглавной либо маленькой буквы будет читаться одинаково» [Corbett 1992: 132]. Не вполне представляется понятным, однако, почему авторы данного справочника не включили в раздел “*mechanics*” такой пунктуационный знак как апостроф, т. к., как известно, апостроф является также интонационно немаркированным знаком препинания (например, *dogs* и *dog's* будут иметь одинаковое интонационное оформление). Объяснением подобному роду неясностей может быть то, что, как далее отмечают авторы, данное деление графических средств на “*punctuation*” и “*mechanics*” является относительным (“*immaterial*”) и, по их мнению, важно лишь то, что все эти знаки являются частью исключительно письменного языка и способствуют правильному пониманию прочитанного [Corbett 1992: 132].

Оригинальная классификация графических средств была предложена Эриком Партриджем, в соответствии с которой знаки препинания делятся на три группы. Первая группа – *Punctuation* («Собственно пунктуация»), в которую он включает точку, запятую, точку с запятой, двоеточие, скобки, тире, вопросительный и восклицательный знаки и многоточие. Вторая группа знаков объединена у Э. Партриджа под названием *Allies and Accessories* («Вспомогательные графические средства»). В эту группу включаются такие графические средства, как заглавная буква, курсив, кавычки, дефис, апостроф и красная строка. В третью группу *Orchestration* («Оркестровка») Э. Партридж включает сочетания различных знаков препинания и рассматривает их функционирование в предложении и тексте [Partridge 1983].

Таким образом, анализ справочной и теоретической литературы показал, что

единого подхода к определению состава и места пунктуации и графики в общей системе средств письменного языка не существует, данные термины часто смешиваются и взаимозаменяются.

Для решения данной проблемы, можно предложить следующий подход разграничения понятий графика и пунктуация.

Мы полагаем целесообразным различать графику в широком и узком смысле, где графика в широком смысле является формой реализации печатного текста, его материальной субстанцией и приравнивается, по сути, к средствам письменной речи, а графика в узком смысле представляет собой графическую презентацию той или иной единицы текста, отличающейся от графической презентации всего текста. В этом смысле графические средства носят специализированный оформительский характер. Согласно данному подходу, графику в широком смысле предлагается называть **общеграфическими** средствами оформления письменной речи, а графику в узком смысле – **собственно-графическими** средствами письменной речи.

Основу общеграфических средств составляет орфография, пунктуация и собственно-графические средства, где каждый вид графических средств обладает своими характерными особенностями. Так, орфография основывается на фонематическом достоинстве буквы, а не на ее внешнем виде. Пунктуация базируется на просодических, смысловых различительных и синтаксических принципах. Собственно-графические средства носят специализированный оформительский характер.

Кроме того, в соответствии с отношением общеграфических средств к алфавитным элементам, в данной классификации выделяют буквенные и небуквенные графические средства.

К буквенным средствам относятся алфавитные знаки, схема расположения которых предполагает наличие определенных системно-функциональных связей. В

состав буквенных средств входит орфография, которая определяет передачу звуков буквами и собственно-графические средства, касающиеся внешнего вида букв, их начертательного изобразительного исполнения, куда относятся шрифтовые выделения, использование различного кегля заглавных или строчных букв и разнообразных типов жирности букв.

К небуквенным средствам относятся пунктуационные знаки (знаки препинания), а также собственно-графические средства, которые не касаются буквенного начертания (оформления), а являются своего рода пространственно-выделительными средствами. К ним относятся подчеркивание, использование пробелов (интервала и разрядки) и композиционное построение текста (организация абзацевого и межабзацевого пространства и использование красной строки).

Таким образом, пунктуация как графическое средство письменного языка наряду с орфографией и графикой (собственно-графическими средствами) участвует в формировании письменной речи. При этом, если собственно-графические средства связаны с внешним оформлением письменной речи и призваны уточнять, нюансировать письменные сообщения, то орфография и пунктуация характеризуют внутреннюю сторону языковой единицы и обладают высоким весом синтаксической, семантической и прагматической нагрузки, причем пунктуация отличается от орфографии своим небуквенным (внеалфавитным) характером.

В этой связи встает вопрос об определении состава пунктуационных средств письменного языка.

В соответствии с представленным подходом к систематизации средств письменного языка, мы отграничиваем от пунктуационных знаков собственно-графические средства, к которым, как указывалось выше, будут относиться пробелы, абзацный отступ, красная строка, подчеркива-

ние, шрифтовые выделения, использование заглавных букв и различных типов жирности букв.

На наш взгляд, к числу пунктуационных знаков не может быть причислен апостроф [Максимова 2005]. Согласно определению О.С. Ахмановой, апостроф представляет собой «надстрочную запятую, употребляемую на письме: а) для отделения частиц в иноязычных собственных именах, к примеру: О'Коннор; б) для указания на палатализацию согласных в фонетической транскрипции; в) вместо выпавшего, редуцированного до нуля гласного» [Ахманова 1969: 52]. Мы считаем целесообразным отнести апостроф к системе орфографических средств письменного языка, основанием чему послужили ряд причин:

1. Апостроф не может входить в состав пунктуационных знаков, так как согласно определению пунктуации, «главное назначение пунктуации – членение и графическая организация письменного текста» [БЭС 2000: 407], а знак апострофа не удовлетворяет данному положению о членении текста.

2. Апостроф также не может быть причислен к группе собственно-графических средств письменной речи в связи с тем, что в функцию апострофа не входит оформительская организация письменного текста.

3. Исходя из определений орфографии [Ахманова 1969: 294-295, РЯ 1979: 184-185, БЭС 2000: 350], последняя имеет дело со звукобуквенными соответствиями. В соответствии с нормами функционирования апострофа в английском языке, данный знак служит для оформления слова, для его правильного написания. Отсутствие апострофа или неправильная его позиция ведут к искажению смысла, например: *the boy's book – the boys' book*. В этом плане апостроф может относиться к орфографии как разделу языкознания, который изучает систему правил, обеспечивающих единообразное написание.

Следовательно, апостроф следует отнести к группе орфографических средств письменного языка. Однако, в силу специфики своего использования (в качестве знака для обозначения пропущенных букв), апостроф занимает особое место в системе орфографии и может быть определен как специфический графический знак орфографических средств письменного языка.

В пунктуационную систему средств письменного языка, в соответствии с нашей точкой зрения, также не может входить и дефис. По определению О.С. Ахмановой, дефис представляет собой «знак в виде короткой горизонтальной черты, употребляемой в некоторых типах слов и словосочетаниях» [Ахманова 1969: 130]. При этом отмечается, что дефис используется и как знак переноса. В связи с этим в лингвистике существует точка зрения [Максимова 2001], согласно которой дефис может быть репрезентирован в двух статусах: 1) как лингвистический знак, формирующий структурно-семантическое единство с присущими ему грамматическими и смысловыми нагрузками (например: *ill-bread, post-war, sky-blue, T-shirt, expressman, ping-pong, good-for-nothing* и т. д.) и 2) как графический (типографский) знак, употребляемый при переносе слова. Двойственный характер дефиса дает основание отнести данный знак к двум разрядам орфографических средств письменного языка: к орфографии (в качестве лингвистического знака) и к собственно-графическим средствам (в качестве типографического знака переноса).

Таким образом, отграничив от пунктуационных знаков собственно-графические средства, а также апостроф и дефис, мы получим состав пунктуационных средств письменного языка, в который войдут следующие знаки: точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, круглые скобки, кавычки.

Многообразие типографских возможностей, появившихся в распоряжении составителей текстов, вызывают графические изменения в оформлении текстов. Быстрое развитие компьютерных технологий также влияет на их графическое оформление. Язык, существующий в Интернете в основном в письменном варианте, в условиях интерактивной сетевой коммуникации приближен к устной её разновидности. Однако письменная форма коммуникации в on-line общении привела к невозможности фонетического оформления речи, а также невозможности применения паралингвистических средств при контактном общении (мимики, жестов, интонации, громкости голоса и т. д.). Данные ограничения потребовали введения особых невербальных компенсаторов.

Одним из наиболее часто употребляемых средств, характерных для языка Интернета (в чате, например) является использование графона, получившего название «эмотикон» («смайл», «смайлик» – от англ. smile), служащего для более точной передачи эмоций. Четкого определения эмотикона не существует, как не существует и их классификации. Понятие «эмотикон» можно интерпретировать как рисунок или определенное сочетание пунктуационных и других знаков, созданные для графического обозначения выражений лица, мимики, и используемые преимущественно представителями чат сообщества. В связи с этим можно выделить два вида эмотиконов.

К первому типу можно отнести графические изобразительные эмотиконы (графические образы), являющиеся цельными рисунками, передающими те или иные эмоции или состояния говорящего, например:

Удивление

Мне плохо...

Ярость

Пользователь спит

Второй тип эмотиконов представляет собой эмотиконы-конструкты, т. е. рисунки, составленные из отдельных элементов в виде знаков препинания и/или других графических средств (букв, символов и т. п.). Для того чтобы понять смысл данного типа эмотикона необходимо рассматривать его не как группу графических символов, а как единый рисунок. Лишь наклонив голову влево или развернув лист на 90 градусов можно увидеть образуемый сочетанием знаков рисунок.

:) ☺

:(☹

К настоящему моменту разработана широкая система знаков, заменяющих в письменной речи различные эмоции, выражения лица, жесты, состояния тела, например:

:-(
Печаль:~/
Скепсис:@ -
крик

Заметим, что знаки препинания, используемые в эмотиконах, более не несут своего исконного значения и используются лишь как начертательные символы. То есть можно назвать данный тип смайликов *псевдопунктуационными*, которые состоят из последовательно печатаемых пунктуационных знаков.

Вторая группа эмотиконов может подразделяться на ряд подгрупп, основываясь на том, какие символы являются компонентами эмотикона. Исходя из данного критерия, нами было выделено три группы эмотиконов:

– эмотиконы, состоящие только из пунктуационных знаков:

(-: Левша
 :-(' Плачущий
 – эмодзи, в состав которых помимо пунктуационных знаков входят математические, технические символы, цифры:
 :-~) Замерзший
 :-* Съел что-то кислое
 3:o[Клоун
 – эмодзи, в состав которых наряду с пунктуационными знаками употребляются буквы алфавита:
 (I Яйцеголовый

К:Р Непослушный ребенок
 – эмодзи, в состав которых входят пунктуационные знаки, символы и буквы алфавита:
 C=:-) Шеф
 *<:-) В шапочке Санта Клауса
 В связи с представленным подходом к определению статуса графических средств оформления письменной речи вышеизложенную классификацию можно представить в виде следующей схемы:

Схема 1

Графические средства оформления письменной речи в современном английском языке

Таким образом, анализ лингвистической литературы выявил потребность в корректировке существующей системы невербальных графических знаков. Нами были изучены возможности графического оформления текстовых отрывков английской художественной литературы, уточнены и расширены границы их примене-

ния в письменной коммуникации. Анализ показал, что английский язык располагает широким спектром пунктуационно-графических средств, формирующих систему, каждый элемент которой воздействует на усиление коммуникативной направленности письменного сообщения.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Графические стилистические средства / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1973. – № 3. – С. 13–20.
2. Леонтьев, А. А. Функциональная классификация русских знаков препинания [Электронный ресурс] / А. Леонтьев // Русский язык. Издательский дом «Первое сентября». – 2001. – № 7. – URL: <http://rus.1september.ru/2001/07/10>
3. Максимова, Т. Д. Некоторые тенденции использования дефиса в современной английской орфографии / Т. Д. Максимова // Мир языка и межкультурная коммуникация: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – Ч. 2. – С. 6–11.
4. Максимова, Т. Д. Апостроф как графический знак / Т. Д. Максимова, Н. В. Майзенгер // Взаимодействие направлений в современной лингвистике: сборник материалов конференции к юбилею профессора Марка Яковлевича Блоха. – Барнаул, 2005. – С. 59–61
5. Реформатский, А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем / А. А. Реформатский // Исследования по структурной типологии. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. – С. 213–223
6. Шварцкопф, Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Щерба, Л. В. Теория русского письма / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1983. – 134 с.
8. Axelrod, Rise B. The St. Martin's Guide to Writing / Rise B. Axelrod, Cooper Charles R. – Short Third Edition. – New York: St. Martin's Press, 1985. – 687 p.
9. Corbett, Edward P. J. The Little English Handbook: Choices and Conventions / Corbett Edward P.J., Finkle Sheryl L. – Sixth edition. – New York: Harper Collins Publishers, 1992. – 256 p.
10. Elsbree, L. Health's College Handbook of Composition / L. Elsbree, F. Bracher, N. Altizer. – 9th edition. – Lexington, Massachusetts: D. C. Health and Company, 1977. – 430 p.
11. Metcalfe, J. E. Correct English / J. E. Metcalfe, C. Astle. – London: Cassel Wellington House, 1985. – 337 p.
12. Partridge, E. You Have a Point There. A Guide to Punctuation and Its Allies / E. Partridge. – London: Routledge and Kegan Paul, 1983. – 230 p.
13. Troyka, L. Q. Handbook for Writers / L. Q. Troyka, E. R. Gordon, A. B. Dobie. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1990. – 810 p.
14. West, M. Deskbook of Correct English / Michael West, P. F. Kimber – Leningrad: Lan, 1963. – 256 p.
15. Witt, M. The Bellwether Handbook for Writers / Margaret Witt. – Denver, Colorado: Prentice Hall, 1991. – 220 p.
16. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов: словарь / О. С. Ахманова. – 2е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
17. [БЭС] Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
18. [РЯ] Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
19. [БСЭ] Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – М.: Советская энциклопедия, 2001 – URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Punktuacija-52534.html
20. [ЛЭ] Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: http://enc-dic.com/enc_lit/Punktuacija-3855/

УДК 811.111'37
ББК 81.432.1-002

В.Д. Максимов, Т.Д. Максимова
Барнаул

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ФОНОВЫСКАЗЫВАНИЙ

Ключевые слова: фононим, акустический, фонемическое высказывание, аудитивное высказывание, топология.

Key words: phononum, acoustive, phonemic utterances, auditive utterances, typology.

Язык концептуализирует звуковую материю онтологии мира двояко, помещая её то в предметную, то в перцептуальную область. В конкретном коммуникативном акте срабатывает фактор вербальной онтологии, принуждая говорящего определиться с выбором модели предложения. Выбирая одну из альтернативных синтаксических форм, говорящий связывает их семантику с определённым видением мира (его эпистемологией). Этим он демонстрирует «смысл альтернативности как фундаментального принципа устройства языка» [Переверзев 2000: 260].

Все фонические суждения в виде фоновысказываний различаются между собой по способу отражения звуковой действительности. Она может быть обозначена напрямую через соответствующие номинализации фоно-акустической ситуации, либо быть опосредованной экспериенциальным модусом восприятия этой ситуации. По существу речь идёт о представленности в языке двух фреймов когниции: «звукового универсума» и «слухового восприятия». Прямое языковое кодирование звуковой онтологии порождает фонические высказывания, а опосредованное кодирование звуковых событий вызывает к жизни перцептивные высказывания. Первые отражают в языке звуковой образ мира, вторые – акустическую картину мира. На лексическом уровне звуковой образ мира представляют фононимы (звукообозначения в традиционной терминологии), а акустическая картина мира репрезентируют акустивы или аудитивы. Цель данной статьи – попы-

таться составить типологию фонических и перцептивных высказываний современного английского языка. Не последнюю роль в этом отношении призваны сыграть фононимы и акустивы, поэтому вначале проанализируем их лингвистическую сущность.

К числу фононимов мы относим: а) всю фонолексику английского языка (фонолексемы, т. е. звукообозначения в форме слова) и б) фонофраземы, т. е. словосочетания, фразеологизмы и идиомы, объективирующие концепт ЗВУКОВОЙ ОБРАЗ МИРА. Приведём некоторые примеры фононимов и фонофразем:

- субстантивные фононимы – *sound, noise, din, ado, peal, echo, uproar, racket, moan, groan, hissing* и т. п.;

- адъективные фононимы – *low, dull, muffled, gentle, soft, mellifluous, husky, rough, merry, roaring, whistling, sudden* и т. п.;

- глагольные фононимы – *to resound, to clang, to boom, to thunder, to fulminate, to murmur, to whistle, to bark, to sing, to recite, to shout, to yell, to hiss* и т. п.;

- адвербиальные фононимы – *softly, loudly, calmly, silently, sharply, quietly, harshly, noisily, suddenly, politely, slowly, angrily*, и т. п.;

- звукоподражательные междометия – *woof, bang, flop, beep, boom, swish, bash, ha, Hip, hip, hooray! shoo, sh-sh, tut-tut* и т. п.;

- фразеологические единицы типа *in a whisper, between one's teeth, a voice in the wilderness, to split the ears, to rend the head, at the top of one's voice, to lay an egg, to utter a sound, to make noise, to kick up a row* и т. п.

Представленность фононимов и акустивов в высказываниях с семантикой звуча-

ния, которые мы называем фоновысказываниями или синтаксическими фононимами, использовалась нами в качестве критерия для составления синтаксической типологии английских фоновысказываний. Как указывалось выше, они бывают двух типов: фонические и перцептивные. Предложения, имеющие в своём составе фононимы, мы относим к собственно **фоническим**. Перцептивные предложения, маркированные акустивами (например, глаголами аудиального восприятия в позиции предиката), – к **аудитивным**. Предложения-высказывания названных типов являются по сути номинальными сложными языковыми знаками стереотипной фоно-акустической ситуации, в которой происходит референтное звуковое событие. Репертуар структурно-семантических схем этих сентенциональных языковых знаков с семантикой звучания обширен и разнообразен, но поддаётся, как будет показано ниже, не только обобщению, но и систематизации.

1. Фонические высказывания

Фонические высказывания разнообразны по содержанию и архитектонике и значительно превышают аудитивные синтаксические единицы по частотности. С учётом их пропозитивного контента и структурной организации среди них можно выделить следующие группы:

а) *Процедурные фоновысказывания*. Их смысл сфокусирован на каузаторе звука и самом звуковом действии или событии. Коммуникативная задача такого типа высказываний состоит, прежде всего, в описании процесса производства или извлечения звуков:

(1) *His well-worn Nike highboots squeaked on the clean linoleum as he ran to the door* (J. Grisham).

б) *Экзистенциальные фоновысказывания*. Они начинаются с вводного элемента *there* и сообщают адресату (слушателю), что каузатор звукового события неизвестен или нерелевантен для участни-

ков данной коммуникативной ситуации. Например:

(2) *There was a knock at the door* (J. Darling).

Предложения с вводным *there* следует, видимо, в основной массе относить к фоническому типу, т. к. среди нескольких тысяч примеров *there*-предложений нам встретилось только 10 аудитивных высказываний с *hear*-предикатом типа:

(3) *Forthwith there was heard a great buzzing in the air* (D. Lodge).

в) *Автономно-фонические фоновысказывания*. В таких синтаксических единицах звуковое событие приобретает гипостазированное значение. Параллельно с этим явлением идут процессы персонификации и анимизации. Например:

(4) *Music and laughter came from the floor above* (S. Kinsella).

(5) *An odd piercing cry reached his ears over the rumbling din* (C. Cussler).

Реификация звуков (уподобление их материальным предметам), так же как и **анимизация** звуков (уподобление их живым существам) происходят в «интерьере» высказывания с решающим участием членов нексусного узла. В мысленном опредмечивании (гипостазировании) звуковых событий участвуют такие глаголы, как *to deliver (a speech), to drop (a word), to make (a noise/sound), to put (into words); to hammer, to knock; to pierce* и др. В анимации («оживлении») звуковых концептов «заняты» многие глаголы движения типа *go, come, fly, drift, float, carry, travel, roll, reach* и др.

г) *Характеризующие фоновысказывания*. Они описывают и дают оценку продуценту, реципиенту и/или самому звуковому явлению и строятся в основном вокруг глагола-связки *to be*:

(6) *The voices in the hall are male, and thick as soup* (J. Darling).

д) *Иконические фоновысказывания*. Они сформированы по модели звуковой триады «каузатор – актер – реактор», зеркально отражая структуру ФАС со всеми входя-

щими в её состав элементами (подробнее о звуковой триаде см. [Максимов 2013: 41]). Например:

(7) *Hunter rapped his **knuckles** against the **table** and rose to his feet* (C. Cussler).

(8) *He tapped the **chalk** on the **blackboard*** (R. Cook).

2. Аудитивные высказывания

Аудитивные высказывания профилируют аудиальную модальность в актах языковой репрезентации звукофферы. Такие речения информируют слушателя прежде всего о реципиенте и только во вторую очередь о каузаторе и самом звуковом событии:

(9) *He heard a loud crash, and a moment later Groza began screaming out in agony* (S. Sheldon).

Слуховое восприятие – это сложная «перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность» (И.А. Зимняя) языковой личности. Эта деятельность состоит в распознавании знакомых голосов и шума, в идентификации незнакомых звуковых сигналов, в определении их источника, степени их опасности для реципиента, в выработке поведенческой и речевой реакции на услышанное, а также в прогнозировании развития звукового события в условиях фоно-акустической ситуации.

Слуховое восприятие является одним из способов косвенной репрезентации звуковой материи в языке наряду с другими непрямыми номинациями звука, такими как метафорические средства, перифрастическая. Объективация концептов ЗВУКОВОСПРИЯТИЕ или АУДИОПЕРЦЕПЦИЯ осуществляются в языке при непосредственном участии категории перцептивности. Вслед за И.Ю. Колесовым [Колесов 2008: 159], мы считаем, что перцептивность как категория семантики конкретного языка связана с отражением в сознании говорящих на данном языке ситуации восприятия некоторым субъектом какого-либо объекта (или объектов) реального мира при помощи его сенсор-

ной системы. Содержание результатов познания и осмысления человеком данного фрагмента его деятельности – проявления слуховой способности – отражается в номинации самих процессов восприятия, участников и обстоятельств данных событий в формах лексикализованных концептов, например: *ear, hearing, listen, eavesdrop, mishear, deaf* и т. п. Лексика различных частеречных классов в данном аспекте группируется в семантическое поле слухового восприятия. Все лексические единицы, вербализирующие аудиальную перцепцию, компоненты этой деятельности, самих перцептивных событий и участников ФАС, именуется нами **акустивами**. Приведём некоторые примеры лексических (в частеречном разбиении) и фразеологических акустивов.

Субстантивные акустивы: *acoustics, audience, audio carrier, audio filter, audio pads, audiovisuals, audio switch, auditions, auditorium, bugging device, deaf-aid, detectaphone, door buzzer* и др.

Глагольные акустивы: *to absorb, to audition, to be lost (on smb's ears), to be subjected (to a noise), to bug (a wall, etc.), to capture (a sound, etc.), to catch (smb's voice), to overhear, to mishear, to eavesdrop* и др.

Адъективные акустивы: *acute, attentive (about ears), audial, audible, auditory, aural, binaural, cloth-eared, deaf, earless, keen (hearing), muffled* и др.

Адвербиальные акустивы: *almost, barely, carefully, clearly, contentedly, faintly, half (listening, etc.), hard (to listen, etc.), incoherently, intently, ostentatiously, secondhand* и др.

Фразеологизированные акустивы: *to absorb every sound; to be all ears; to be deaf to a challenge/an appeal; to bend a willing ear; to chew off an ear; to cling to every word; cloth ears; to cock an ear; to cup one's ear (with one hand)* и др.

Если описать этапы аудиальной перцепции в типичной ситуации общения, то мы получим определённые типы фоновысказываний как лингвистическое свидетель-

ство последовательного алгоритмического характера этого процесса [Колесов 2013: 103-104].

1. Первая фаза – привлечение (вольное или невольное) в н и м а н и я реципиента к звуковому или шумовому событию: *some sound or noise attracted someone's attention; to pay attention to a rustle or a squeak; to hear/to pick up/to catch a commotion; to concentrate on a possible source of disquiet.*

(10) *She thought she had heard amiss* (S. Maugham).

(11) *A soft, distant, but peculiar thud drew Hatch's attention* (S. Kinsella).

2. Вторая фаза – попытка определить место положение источника звука:

(12) *There was a rustle somewhere to their right* (J. Rowling).

(13) *The sound had seemed to issue from below their feet* (J. Rowling).

3. Третья фаза – попытка реципиента выяснить, достоин ли это звуковое событие его внимания (опасно оно или нет, интересно или нет): *to distinguish, to decode, to decipher, to make out (the sense if any), to understand the message* и т. п.

(14) *I half caught her words and could not credit* (S. Maugham).

4. Четвёртая фаза – попытка реципиента определить: является ли этот звук/шум знакомым или новым сенсорным опытом для него:

(15) *Then she heard the trumpet, and recognized it* (J. Rowling).

(16) *He recognized her voice immediately* (M. Puzo).

5. Пятая фаза – и д е н т и ф и к а ц и я каузатора звука (при успешном исходе акта перцепции):

(17) *The sound of his voice and the words told her who it was* (S. Maugham).

Все аудитивные высказывания современного английского языка можно разделить на шесть структурно-семантических классов.

1. *Процедурные высказывания.* Они опираются на фрейм «звуковосприятие» и

конструируются по семантической модели «КТО слушает/слышит ЧТО». В этих случаях носители английского языка часто употребляют синтаксическую структуру с Complex Object:

(18) *We heard her singing* (J. Coe).

(19) *She could hear his steps pursuing her in the gloomy stillness of the early morning* (I. Murdoch).

2. *Илицитные высказывания* (от англ. *to elicit* – извлекать). Такие высказывания называют лишь часть когитума (разума человека), вызывают выводное знание, стоящее за синтаксическим номинатором:

(20) *She was awakened by an awful noise in the corridor* (J. Coe).

(21) *The others were not within earshot* (S. Faulks).

3. *Дескриптивные высказывания.* Они вместо номинирования звукового события описывают ту последовательность действий, которую услышал перцептор:

(22) *He had heard his parents come and go half an hour before* (S. Faulks).

4. *Характеризующие высказывания* профилируют качество звучания или описывают свойства участников фоно-акустической ситуации:

(23) *Her voice sounded distant and without authority* (A. Rice).

5. *Информативные высказывания* сообщают о факте аудиальной перцепции, а не о конкретной фоно-аудиальной ситуации:

(24) *I hear Willie Sutherland's writing a new play for you* (R.A. Sisson).

6. *Волитивные высказывания* построены на семантике глагола *to hear*, означающего в данном контексте эмфатическое выражение несогласия:

(25) - *Only you must let me pay something for them [ear-rings].*

- *I'll not hear of it.* (I. Murdoch).

3. Заключение

Таким образом, мы рассмотрели когнитивные основы концептуальной мотивированности в сфере лексикализации концептов ЗВУКОВОЙ ОБРАЗ МИРА и АКУСТИЧЕ-

СКАЯ КАРТИНА МИРА в их взаимодействии и взаимопересечении (overlapping). На лексическом уровне эти концепты реализуются фононимами и акустивами. В составе фоновысказываний они сотрудничают в семантическом и функциональном плане: так, например, в позиции подлежащего могут оказаться как имена субъектов фонации, так и экспериенты акустического восприятия.

(26) *The birds were creating a disturbance heard for nearly a block* (C. Cussler).

Использование антитезы понятий «звуковой универсум – слуховая перцепция», «фонация – аудиция», «звуковой образ мира – акустическая картина мира», а так-

же фреймов «звукопроизводство» и «звукосприятие», оказались достаточно эвристичным научным методом, позволившим размежевать синтаксические модели фоновысказываний на фонические и аудитивные. В свою очередь фонические модели конструируют определённые структурно-семантические типы синтаксических фононимов: процедурные, экзистенциальные, автономные, характеризующие и автономные, в то время как перцептивные модели лежат в основе процедурных, илицитных, дескриптивных, характеризующих, информативных и волитивных фоновысказываний.

Библиографический список

1. Колесов, И. Ю. Языковая репрезентация визуальной и аудиальной модальностей восприятия / И. Ю. Колесов, В. Д. Максимов. – Барнаул, 2013. – 198 с.
2. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : монография / И. Ю. Колесов. – Барнаул, 2008. – 354 с.
3. Максимов, В. Д. Способы вербализации и категоризации звуковой материи в современном английском языке : монография / В. Д. Максимов. – Барнаул, 2013. – 158 с.
4. Переверзев, К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии / К. А. Переверзев // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 255–268.

Список источников иллюстративного материала

1. Coe, J. What a Carve Gr! / J. Coe. – L. : Penguin Books, 1995. – 501 p.
2. Cook, R. Coma / R. Cook. – N.Y. : Signet, 1977. – 385 p.
3. Cussler, C. Sahara / C. Cussler. – N.Y. : Pocket Books, 2005. – 568 p.
4. Darling, J. The Taxi Driver's Daughter / J. Darling. – L. : 2004. – 264 p.
5. Faulks, S. A Week in December / S. Faulks. – L. : Vintage Books. – 392 p.
6. Grisham, J. Bleachers / J. Grisham. – N.Y. : Random House, 2004. – 229 p.
7. Kinsella, S. Can You Keep a Secret? / S. Kinsella. – L. : Black Swan, 2003. – 364 p.
8. Lodge, D. Changing Places / D. Lodge. – L. : Penguin Books, 1978. – 215 p.
9. Maugham, W. S. The Razor's Edge / W. S. Maugham. – М. : Менеджер, 1999. – 320 p.
10. Murdoch, I. The Italian Girl / I. Murdoch. – М. : Олма-Пресс, 2003. – 191 p.
11. Puzo, M. The Godfather / M. Puzo. – L. : Pan Books Ltd, 1970. – 448 p.
12. Rice, A. Lasher / A. Rice. – N.Y. : Ballantine Books, 1995. – 628 p.
13. Rowling, J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J. K. Rowling. – L. : Bloomsbury Publishing Plc, 2007. – 607 p.
14. Sheldon, S. Rage of Angels / S. Sheldon. – L. : Harper Collins Publishers, 1993. – 504p.
15. Sisson, R. A. The Bretts / R. A. Sisson. – L. : Penguin Books, 1987. – 426 p.

УДК 81.111'38
ББК 81.432.1-55

М.Н. Николаева
Москва

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ БЛЮД БРИТАНСКОЙ КУХНИ

Ключевые слова: блюда британской кухни, национально-культурный компонент значения, стилистические особенности.

Key words: British cuisine dish-names, national-cultural component of the meaning, stylistic peculiarities.

В конце 80-х годов прошлого века в лингвистике произошла смена теоретико-лингвистической парадигмы. Интересы лингвистов стали фокусироваться на том, что Э. Бенвенист называл «человек в языке». Антропоцентризм стал одним из главных параметров современной лингвистики [Кубрякова 1994].

В последние десятилетия акцентировалось внимание на изучении национальных особенностей языкового сознания коммуникантов – представителей различных лингвокультурологических общностей. В качестве направления современных лингвистических исследований выделяют лингвокультурологический подход к языку, в рамках которого изучается взаимоотношение языка и культуры, формы отражения культуры в языке, коммуникативное поведение разных народов и др. Необходимость исследования национально-культурного аспекта языка для понимания народов, диалога национальных культур стала общепризнанным фактом.

Сложность изучения любого иностранного языка состоит в том, что огромное количество слов и словосочетаний кроме основного словарного значения имеет ряд дополнительных значений или коннотаций разного плана. Для изучающих иностранный язык знание лингвокультурологических и стилистических особенностей лексики, обозначающей названия блюд британской кухни, необходимо. Этим соображением объясняется цель данной статьи, заключающаяся в описании наци-

онально-культурного и стилистического компонентов значения слов и словосочетаний лексико-тематической группы «Британская кухня» в английском языке.

Одной из разговорных повседневных тем, которая непосредственно связана с человеком и его жизнедеятельностью, является тема «Еда и продукты питания» (“Meals and Food”). Эта тема, по мнению многих лингвистов и преподавателей иностранных языков, может пробудить интерес, или, образно выражаясь, «усилить аппетит» изучающих к иностранному языку, к межкультурной коммуникации. Каждая страна имеет свои традиции, связанные со временем принятия пищи, с особенностями приготовления блюд и их названиями, а также с понятиями, лежащими в основе названий блюд традиционной кухни.

Британская кухня – это важный компонент языкового и межкультурного общения при изучении английского языка. Для того чтобы понять ту или иную нацию, надо познакомиться с национальной кухней, попробовать (в буквальном и переносном смысле) национальные блюда.

Британская еда пользовалась плохой репутацией за пределами страны довольно долго. Иностранцы всегда жаловались на еду, которую они заказывали в ресторанах и кафе Великобритании. Но, несмотря на жалобы иностранцев о невыразительной кухне в Англии, процесс приготовления пищи вызывает огромный интерес среди самих британцев. Множество кулинарных книг, журналов, газет, Интер-

нет-сайтов регулярно печатают как иностранные рецепты приготовления блюд, так и рецепты «старой доброй Англии» и всех ее регионов.

В практике перевода с иностранного языка на родной мы постоянно сталкиваемся с проблемой лингвистического освоения чужой действительности. Как следствие, нам приходится обращать внимание на перевод слов и словосочетаний с национально-культурной спецификой, часто называемых «реалиями».

Под термином «реалия» понимают лексические единицы с национально-культурной семантикой, то есть названия присутствующих только данному народу предметов материальной и духовной культуры, а также имена собственные (топонимы и антропонимы) [Томахин 2000: 6].

Существуют разные трактовки понятия «реалия» в переводоведении и лингвострановедении. В переводоведении реалии-слова – это безэквивалентная лексика. В лингвострановедении термин «реалия» понимается шире, это не только понятийно-безэквивалентные слова как в переводоведении, но и слова, которые, будучи понятийно-эквивалентными, являются фоново-безэквивалентными, то есть словами с непонятными фоновыми семантическими долями, имеющими национально-культурную специфику [Верещагин 1980: 200].

Из числа существующих способов передачи иноязычных реалий на русский язык, таких как транслитерация; транскрипция; приближенный (приблизительный) перевод (при помощи аналога); калькирование; описание, или разъяснительный перевод, при работе с реалиями, относящимися к тематической группе «Британская кухня» чаще всего прибегают к разъяснительному переводу. Описательный, или разъяснительный перевод, по мнению Г.В. Томашина, имеет то преимущество, что он исключает неполное понимание, присутствующее при транслитерации и калькировании, но его недостатком является то, что реалия

переводится не аналогичной по структуре единицей другого языка, а пространственным описанием [Томахин 2000: 9].

Британская кухня включает в себя блюда, приготовляемые в Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. Иногда названия блюд не дают четкого представления о самом виде еды, его вкусовых особенностях. Среди названий британских кулинарных блюд встречается много реалий. Простой буквальный перевод названий блюд не всегда способствует их адекватному пониманию, а иногда ставит в тупик даже тех, кто в достаточной степени овладел произносительными и грамматическими навыками изучаемого языка, но мало знаком с лингвокультурной информацией, представленной национально-культурным и стилистическим компонентами значения языковых единиц, в нашем случае, названий кулинарных блюд.

Нам кажется целесообразным начать анализ собранного языкового материала названий блюд британской кухни с реалий, так как в значении этих единиц достаточно ярко выражен национально-культурный компонент.

Среди названий английских блюд, которые являются британскими реалиями и могут представлять определенные трудности для понимания русскоязычных студентов, необходимо прежде всего назвать такую реалию, как *pudding* (пудинг). Для изучающих английский язык в качестве иностранного, эта многозначная единица относится к безэквивалентной лексике и требует описательного перевода.

Это слово имеет древнее происхождение. Этимологический словарь английского языка Chambers's, 1935 года выпуска, указывает на кельтское происхождение этого слова и считает слова *poten* в валлийском (уэльском) языке, *putog-pot* в ирландском, *Pudding* в немецком, *boudin* во французском и *botulus* в латинском языке родственными словами. Словари современного английского языка, такие как Longman Dictionary of

Contemporary English (LDCE) и Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MED) дают несколько значений этого слова. В словаре LDCE содержится три значения этого слова, первое из этих значений имеет помету *BrE* (британский английский): '1. *BrE* (a) sweet food served at the end of a meal; dessert; 2. (usually in combination) a usually solid hot sweet dish based on pastry, rice, bread, etc. with fat and fruit or other substances added; 3. (usually in combination) an unsweetened dish of a mixture of flour, fat, etc., either covering or enclosing meat and boiled with it' [LDCE 1992:]. Как видим, эта лексическая единица содержит национально-культурный компонент значения, осознаваемый носителями этой культуры и обозначенный словарной пометой *BrE*.

Словарь английского языка MED приводит четыре значения слова *pudding*, при этом три значения маркированы как *BrE*, а одно из значений является стилистическим, оно указывает на то, что слово *pudding* также является единицей британского сленга и употребляется в переносном значении для выражения уничижительной характеристики человека. Так в словаре встречаем следующие дефиниции: '1. a soft sweet food that you eat at the end of a meal; 2. *BrE* the last part of a meal when you eat sweet food: dessert; 3. *BrE* a meal made of soft pastry cooked in a bowl with meat; 4. *BrE informal* an insulting word for a person you think is stupid and fat' [MED 2003:].

Общими компонентами дефиниций является наличие характеристики пудинга как «сладкого блюда, десерта» (первое и второе значения в обоих словарях – LDCE и MED), приготовленного с использованием слоеного теста *pastry* (второе значение в словаре LDCE и третье значение в словаре MED), в пудинге может присутствовать в качестве начинки мясо 'meat' (третье значение в обоих словарях). Также общим для этих дефиниций является наличие пометы *BrE*, которая свидетельствует о национально-культурной специфике этой лек-

сической единицы. Как видим, под словом *pudding* может скрываться десерт, сладкое блюдо с использованием слоеного теста, а также несладкое блюдо с использованием пресного или слоеного теста с добавлением животного жира и мяса.

В составе некоторых словосочетаний со словом *pudding* в качестве основного компонента значения присутствует понятие этого кушанья и как сладкого блюда, десерта, и как несладкого блюда с разной начинкой. Например, *Christmas pudding* (рождественский пудинг) – «это сытное сладкое блюдо с добавлением большого количества сухофруктов и бренди, который перед подачей к столу поджигают; это блюдо подается горячим в конце рождественского обеда». *Plum pudding* – «плам-пудинг, изюмный пудинг – является традиционным рождественским блюдом» [ЛС 1978: 327]. В этом же словаре (Лингвострановедческий словарь А. Рума) указывается, что слово *plum* (слива) в кулинарии имеет значение «изюм, коринка, сабза» (многие сладкие блюда в Англии содержат различные сорта сушеного винограда), например, *plum cake* – «кекс с изюмом и коринкой», *plum duff* – «вареный пудинг с коринкой» [ЛС 1978: 326]. В словаре английского языка LDCE *plum pudding* имеет пометы *BrE old-fash* (старомодное название для *Christmas pudding*). Сочетание *black pudding* (кровяная колбаса) также имеет помету *BrE* и является лексической единицей с национально-культурным компонентом значения. Так, *black pudding* обозначает разновидность плотной колбасы темного цвета, приготовленной из жира, растительного белка и крови животных (чаще всего, свиней). Это блюдо популярно на севере Англии. В составе названия *black pudding* наблюдается стилистическое использование колористического эпитета 'black' для создания образа таинственности, загадочности и необычности (ср.: понятие *Black Night* – «Черный Рыцарь» в английском фольклоре). Дословный перевод

этого названия на русский язык словосочетанием «черный пудинг» не дает ясного представления о самом виде еды. Только после ознакомления со словарной дефиницией, содержащей слова *blood* (кровь) и *sausage* (колбаса), можно понять, что явилось основанием для русскоязычного перевода этого понятия, как кровавая колбаса.

В названии *Yorkshire pudding* (йоркширский пудинг) в эксплицитной форме присутствует единица с национально-культурным компонентом значения, топоним *Yorkshire*, являющийся названием графства на северо-востоке Англии. Однако в словарной дефиниции этого понятия в современных англоязычных словарях не содержится никаких указаний на географическую территорию появления или распространения этого блюда. В словарях дается только описание этого блюда, так в словаре LDCE это – «a baked mixture of flour, milk, and egg, usually served with or before beef». В Лингвострановедческом словаре А. Рума (ЛС), а также в Кратком англо-русском лингвострановедческом словаре В.В. Ощепковой, И.И. Шустиловой (КЛС) словосочетание *Yorkshire pudding* является реалией британской действительности с соответствующей пометой *brum*. Перевод этого понятия на русский язык в словарях В.В. Ощепковой, И.И. Шустиловой и А. Рума также носит разъяснительно-описательный характер толкования значения, как и в британских толковых словарях.

В английском языке существует еще одно словосочетание, являющееся названием кондитерского изделия британской кухни, в составе которого присутствует лексическая единица – топоним *Yorkshire*, а именно *Yorkshire parkin*. Это словосочетание выражает понятие, в значении которого эксплицитно и имплицитно отражена национально-культурная специфика этого словосочетания-реалии. Эта реалия переводится на русский язык следующим образом: «это – йоркширский имбирный пряник, традиционно съедаемый 5 ноября

в день празднования Ночи Гая Фокса (*BrE Guy Fawkes' Night*)». В названии и интерпретации значения этого кондитерского изделия присутствуют несколько компонентов значения, обладающих национально-культурной спецификой, в частности, это *Yorkshire*, *Guy Fawkes' Night*, *Guy Fawkes*, *parkin*. В английском языке *parkin* – «это 1. паркин, овсяное печенье на патоке (в Шотландии); 2. паркин, имбирная коврижка (на севере Англии)» [ЛС 1978: 313].

В англоязычном словаре MED даются еще два словосочетания со словом *pudding*: *milk pudding* и *rice pudding*, являющиеся названиями разных видов пудинга. *Milk pudding* – это печеный пудинг (*'BrE a sweet food made by cooking a mixture of milk, sugar, and rice or a similar grain in the oven'*). *Rice pudding* – это рисовый пудинг, другими словами, молочная рисовая каша (*'a sweet food made from rice cooked with milk and sugar'*). Словосочетание *milk pudding* имеет помету *BrE*, свидетельствующую о национально-культурной специфике этого понятия, а само блюдо является британской реалией.

В отличие от названий блюд британской кухни, в которых присутствует топоним *Yorkshire* в эксплицитной форме, но при этом одновременно в дефиниции этого понятия отсутствует указание на мотивацию названия данного блюда, в Великобритании есть несколько названий блюд, где актуализация национально-культурного компонента значения наименований происходит и в эксплицитной, и в имплицитной формах. Сюда можно отнести название *banbury cake* – «банберийская слойка (открытая, овальная, с начинкой из изюма, цукатов и цедры) [по названию г. Банбери, графство Оксфордшир, где ее выпекают уже 400 лет]» [ЛС 1978: 46]. Город Банбери в графстве Оксфордшир, в прошлом являлся центром пуританства (*Puritans*), английского протестантства XVI–XVII вв. Можно предположить, что это сладкое изделие появилось во времена пуритан [КЛС 1999: 20; 117].

Среди названий кулинарных блюд, встречающихся на территории Шотландии, можно назвать, прежде всего, шотландское национальное блюдо *porridge* (поридж, овсяная каша, овсянка); в Scottish Gaelic английскому слову *porridge* соответствует существительное женского рода *lite*.

В англоязычном этимологическом словаре Chambers's словарная статья, посвященная слову *porridge*, содержит следующую информацию: '*porridge* – a kind of pudding usually made by slowly stirring oatmeal amongst boiling water: a kind of broth' (подчеркнуто нами – М.Н.). Это слово появилось в английском языке в среднеанглийский период, оно было заимствовано из старофранцузского языка, где оно имело орфографическую форму *porree*. В свою очередь, в старофранцузский язык это слово пришло из «вульгарной, народной» латыни в форме *porrata* со значением «бульон, приготовленный с добавлением лука-поррея (*leeks*)», а в «вульгарной народной» латыни это слово образовалось от слова *porrum* в значении 'a leek' (лук-порей), заимствованного из классической латыни. Суффикс *-idge* (= *-age*) появился в результате ошибочного смешения со словом *pottage* в значении 'a thick soup of meat and vegetables' (густой мясной суп с овощами) [Chambers's 1935: 387; 389].

В англоязычном словаре MED дается следующее определение этого понятия: *porridge* – '*BrE* – a hot food made from oatmeal and milk or water, often eaten at breakfast' [MED 2003: 1095]. Как видим, слово *porridge*, будучи понятийно-эквивалентным, является фоново-безэквивалентным, то есть словом с непонятными фоновыми семантическими долями, имеющими национально-культурную специфику.

Название шотландского мясного блюда *Steak Balmoral* («стейк, бифштекс балморал, приготовленный в соусе с добавлением шотландского виски») содержит две реалии – *Balmoral* и *steak*. В Лингвострановедческом словаре А. Рума содержатся

две словарные статьи со словами *Balmoral*, как имя существительное собственное, и *balmoral*, как имя существительное нарицательное. *Balmoral* – «Балморал (замок в графстве Абердиншир; построен королевой Викторией. С 1852 года является официальной резиденцией английских королей в Шотландии (полное название *Balmoral Castle*)». Слову *balmoral* соответствует значение «1. балморал, шотландская шапочка без полей; 2. балморал, грубый башмак на шнуровке; 3. балморал, пестротканая шерстяная юбка {название по замку Балморал}» [РС 1978: 46]. *Steak Balmoral* – название фирменного блюда ресторана *Witchery* в Эдинбурге, вероятнее всего, носит претенциозный характер. Через аллюзивное употребление названия королевской резиденции в наименовании блюда имплицитно подразумевается мысль, что такое блюдо едят даже в королевской семье.

В английских словарях MED и LDCE, а также в англо-русских лингвострановедческих словарях лексическая единица *steak* представлена в двух значениях, одно из которых содержит помету *BrE*, свидетельствующую о наличии национально-культурной специфики у этого понятия. Например, это можно наблюдать в следующей дефиниции из английского словаря MED: *steak* – '*BrE* – meat from a cow that is cut into small pieces and used for making things like stew (=a thick soup)' [MED 2003: 1402].

Название шотландского национального блюда *haggis* относится к понятийно-безэквивалентной лексике и связано с реалией Шотландии. Отнесенность этого блюда к Шотландии эксплицитно отражена в дефинициях в англоязычных словарях, а также в англо-русских лингвострановедческих словарях. Например, в MED: *haggis* – это 'a Scottish food made from the inner organs of a sheep that are cut up, mixed with grain, and pushed into a bag to be cooked. The traditional bag is made from a sheep's stomach' [MED 2003: 639], а в словаре LDCE: *haggis* – это 'a food eaten in Scotland, made

from the heart and other organs of a sheep cut up and boiled inside a skin made from the stomach' [LDCE 1992: 469] (подчеркнуто нами – М.Н.). В русском языке встречается следующий перевод названия этого блюда: *haggis* – «хаггис (хэггис), ливер в рубце; бараний или свиной рубец». Такой перевод, к сожалению, не дает полного понимания значения, лежащего в основе наименования и специфики данного продукта. *Haggis* представляет собой «шотландское блюдо из бараньей или телячьей печени, сердца и легких; заправляемое овсяной мукой, околопочечным салом, луком и перцем и сваренное в бараньем или телячьем рубце (или в свином желудке или кишках)» [ЛС 1978: 198]. Обычно это блюдо подается на Сочельник (24 декабря), а также в день рождения шотландского поэта Роберта Бернса (25 января). Это традиционное блюдо включает в себя сам рубец с потрохами, турнепс, картофель, брюкву. Как правило, это очень острое блюдо, поэтому оно всегда запивается виски. Блюдо, как правило, вносится в зал в сопровождении музыканта в шотландском национальном костюме, играющего на волынке, национальном музыкальном инструменте Шотландии, при этом волынщик читает хвалебную поэму этому блюду, сочиненную Р. Бернсом.

В этимологическом словаре указывается, что слово *haggis* является производным от шотландского слова *hag*, которое означает *to chop* (рубить, резать), в английском языке шотландскому слову *hag* соответствует *hack* (резать, нарезать неровными кусками).

Среди названий британских блюд доля валлийских блюд в английской транслитерации невелика. Это можно объяснить тем, что в последнее время наблюдается успешное возрождение валлийского языка в качестве национального языка валлийцев, и многие кулинарные блюда Уэльса носят валлийское название и написание, и, как следствие, не известны большому числу людей, не владеющим валлийским языком за пределами Уэльса. В валлийской кухне

широко представлены блюда из морепродуктов или овощей. Это обусловлено географическим положением Уэльса и его выходом к морю. Например, *Laverbread – Welsh* (валл.) – «лейвербрэд, блюдо из жареных красных водорослей», иногда его называют «валлийской /уэльской икрой» (*Welsh caviar*); по вкусу напоминает соленый шпинат, варится в кастрюле вместе с рыбой, как правило, подается с гарниром, например с картофельным пюре. Эта лексическая единица является валлийской реалией с национально-культурным компонентом значения и относится к фоновому-безэквивалентной лексике. В англо-русском лингвострановедческом словаре (ЛС) название этого блюда имеет отдельное написание и имеет помету *валл.* (валлийский, уэльский). Еще одним валлийским блюдом из морепродуктов, в названии которого представлена топонимическая единица, является *Bangor mussels / Welsh mussels* – бангорские / уэльские моллюски. *Bangor* (Бангор) – «это город на побережье Уэльса в проливе Святого Георга», очевидно, это место, где добывают этот деликатес.

Такое национальное валлийское блюдо, как *Welsh rarebit / Welsh rabbit*, переводится на русский язык сочетанием «валлийский кролик». Это блюдо представляет собой поджаренный тост, гренки по-валлийски (с расплавленным сыром, иногда с добавлением масла или молока; подаются горячими с пивом и специальным соусом *Worcestershire sauce*). Этот соус готовят из уксуса, специй и сои. В английском словаре MED дается следующее определение «валлийского кролика»: *Welsh rarebit* – это 'a meal of cheese sauce poured over bread and cooked' [MED 2003: 1628]. Название *Welsh rabbit* является усеченной формой написания *Welsh rare bit*. Буквальным переводом полного названия этого блюда является «валлийская / уэльская редкость, редкий кусочек». С названием этого блюда связана следующая история: во времена У. Шекспира только богатые люди могли

позволить себе кролика на обед, поэтому плавленый сыр на тосте был своего рода «кроликом» для бедных.

Название национального валлийского блюда *Cawl* мало известно широкой публике, так как дано в валлийском написании. В английском языке ему соответствует слово 'soup' (суп) с обобщающим значением. *Cawl* (в транскрипции – 'каул' – М.Н.) представляет собой традиционный суп из ягненка с картофелем, луком-пореем (символом Уэльса), морковью, репой, редькой, луком, иногда зеленым горошком, цветной капустой и бобами. Как видим, здесь сама форма написания названия блюда на валлийском языке передает национально-культурную специфику данной реалии.

С полуостровом Корнуолл связано происхождение кулинарного блюда *Cornish pastry* – 'BrE a small pie for one person, with meat and potatoes inside' [MED 2003: 311]. В русском языке это название переводится как «корнуэлльский пирожок» (горячий, жареный; с начинкой из мяса, почек, капусты и картофеля). Первоначально он выпекался в графстве Корнуолл. Когда-то это блюдо было главной едой среди шахтеров и рыбаков Корнуолла, где-то около 170 лет назад. Такую выпечку можно было легко взять с собой на работу. Слово *pastry* («выпечка, слоеное тесто») сейчас относится к любому виду пирогов – с мясом, джемом и др., включая и пироги без начинки.

Среди кулинарных блюд, имеющих в своем названии указание на ирландское происхождение, необходимо назвать такие блюда, как *Irish stew* (ирландское рагу) и *Irish coffee* (ирландский кофе), известные не только в Великобритании, но и за ее пределами. Буквальный перевод названия *Irish coffee* можно отнести к ложным друзьям переводчика. Это название, по сути, вовсе не кофе, а алкогольный коктейль из смеси ирландского виски, в который добавляется кофе с сахаром и взбитые сливки.

В английском языке, как уже было упомянуто выше, существует много блюд и видов еды, в состав названий которых входят

имена собственные, чаще всего топонимы, отражающие национально-культурную специфику понятия. Например, в названии многих твердых и мягких сыров содержатся географические понятия, обозначающие местность, где был впервые произведен данный вид сыра, например: *Caerphilly* (белый сыр, изготавливаемый в городе Керфиле в Южном Уэльсе), *Cheddar*, *Cheshire*, *Derby*, *Lancashire*, *Leicester*, *Stilton* и др. Часто само слово *cheese* в названии опускается.

В английском языке существует много просторечных и сленговых названий традиционных британских блюд. Многие названия представляют собой образные художественные сравнения или метафоры, расшифровка смысла которых иногда является довольно сложным процессом. Например, *Bloodhounds in the hay*, буквально «охотничьи собаки на сене», на самом деле это – «булочки с сосисками и кислой капустой». Название блюда *A splash of red noise* – это не метафорическое название «всплеск красного шума», а «томатный суп, суп из помидоров». Под метафорическим названием *Canary Island* (буквальный перевод «Остров канареек») скрывается понятие «газированный напиток с ванилью и шоколадным мороженым».

Название *Singing Hinny* – буквально «поющий мед» содержит эпитет, семантически не связанный с объектом характеристики, в данном случае, словом *мед* (*hinny* – это диалектный вариант *honey*). Это блюдо представляет собой смородиновый пирог с рисом и чечевицей, выпеченный на сковороде. Его готовят в основном в Шотландии и Северной Англии.

Spotted dick (spotted dog) – «пятнистая собака», это метафорический перевод разговорного названия такого кулинарного блюда, как «вареный пудинг с изюмом».

Просторечное образное название блюда, содержащее аллюзии на библейские имена, *Adam and Eve on a raft* (буквально «Адам и Ева на плоту») означает в английском языке «две сосиски на блине».

Bangers and mash – это просторечное название блюда, содержащее слово *banger*,

которое является сленговой единицей, означающей «сосиска, колбаска». Полностью название этого блюда имеет следующую трактовку: «это – жареные свиные или говяжьи сосиски; они подаются с тушеным картофелем, с соусом и с луком». Очень простая и распространенная еда в Англии.

И, наконец, название блюда *Toad-in-the-hole*, представляющее собой с точки зрения стилистики метафорический эпитет. Буквальным переводом названия этого блюда является «жаба в норе». Однако в дефиниции этого понятия нет никакого намека на это земноводное. Под названием этого блюда скрываются обыкновенные сосиски, запеченные в тесте. С разнообразным гарниром это блюдо является любимым блюдом английских школьников.

Каждый народ воспринимает мир по-своему, отражая это восприятие через

свой язык, свою национальную культуру. Как видим, познание другой иноязычной культуры может быть также осуществлено через знакомство с лексикой, обозначающей блюда национальной кухни. В нашей статье была представлена лишь малая часть примеров названий традиционных британских блюд, однако ясно, что понимание наименований и понятий, лежащих в основе их номинации, возможно только после ознакомления с экстралингвистической, лингвокультурной и стилистической информацией.

Отсутствие знаний национальных реалий, особенностей поведения людей, принадлежащих к различным культурам, их традиций и обычаев и многих других моментов приводит к снижению эффективности общения между людьми, как представителями разных культур, разного этноса.

Библиографический список

1. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
2. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1994. – Т.53. – № 2. – С. 3–15.
3. Томахин, Г. В. США : Лингвострановедческий словарь / Г. В. Томахин. – М. : Рус. яз., 2000. – 576 с.
4. [КЛС] Ощепкова, В. В. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь : Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия / В. В. Ощепкова, И. И. Шустилова. – М. : Флинта: Наука, 1999. – 176 с.
5. [ЛС] Великобритания : Лингвострановедческий словарь / А. Р. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др. – М. : Рус. яз., 1978. – 480 с.
6. [Chambers's] Chambers's Etymological Dictionary of the English Language. Enlarged Edition. – L., Edinburgh : W. & R. Chambers, Ltd., 1935. – 694 p.
7. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English / Словарь современного английского языка : В 2-х т. – М. : Рус. яз., 1992.
8. [MED] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – L. : Bloomsbury Publishing Plc., 2003. – 1690 p.

УДК 811.111(091)

ББК 81.432.1-03

С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина
Новосибирск

СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ РЕПЛИКАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Ключевые слова: мемы, репликаторы, монокультуры, формула.

Key words: memes, replicators, monoculture, formula.

Как известно, земная жизнь основана на размножении репликаторов определенного типа – полинуклеотидов РНК и ДНК. Но это далеко не единственный тип репликаторов, существующий в природе. В культурной эволюции важную роль играют мемы – «еди-

ницы культурной информации, которые используют наш разум для собственного выживания и размножения, как гены используют клетку» [Марков, Наймарк 2014: 28].

В исследованиях отдельных жанров виды изменений в контекстах предстают

* «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130)»

в гораздо меньшей степени выражено структурно, чем во всей традиции взятой в целом. Этому имеется прямая аналогия в биогенетике: в смешанных культурах виды изменяются сильнее, чем в монокультурах.

Так, проведенный анализ отдельного направления развития культурного текста – жанра «Англосаксонских хроник» – показал, что изменения мемов, или их мутация, имеет определенные пределы. Так, базовый алгоритм хроник показывает особое близкое представление информации в виде отчета о событиях, имевших место в определенный год. События летописей описываются как имевшие место «здесь» *her*. Любопытно, что референционное поле языка устроено иначе, поскольку событие *ðær* «там» становится в языках основным способом репрезентации ситуации в отличие от летописи. Ср. англ. *there is*, нем. *es gibt* и т. д. Как бы то ни было, но в хрониках наблюдаются следующие виды трансформаций: «*Her on þysum geare* («Здесь в этом году»), *On þysum geare* («В этом году»), *Hoc anno* («В этом году»), *Her eac* («Здесь также»), *Hic* («Здесь»), *ond þæs ilcan geares* («и того же самого года»), *on þys ilcan geare* («в тот самый год»), *ond on þan ilcan sumera* («и в то же лето»), *ond þa* («и тогда»), *binnan sefon nihton þæs* («в течение семи ночей после того»), *þa æfter þisum gefeohte* («Тогда после этой битвы»), *þa sona æfter þæm* («Тогда скоро после того»), *7 þes umb ...* («И после того, через столько-то времени»)» [Гимон, Метлицкая, 2010: 341-344].

Так, *Her on þysum geare* является базовой формулой (где *Her* – господствующий компонент, а *on þysum geare* – коммуникативное расширение), тогда варианты формулы, встречающиеся независимо – *On þysum geare* и *Hoc anno* (латинский вариант формулы) – представляют собой формы передачи базовой формулы *Her on þysum geare*. Взаимозаменяемые части *Her eac / Hic* и *ond þæs ilcan geares / on þys ilcan geare / ond on þan ilcan sumera* – это разновидности базовой

формулы *Her on þysum geare*, или это мутация мема. Здесь и далее оригинал надписей приводится по: [The Parker Chronicle: URL].

675 г. “< ... > 7 þy ilcan geare Wulfhere forþferde, 7 Eþelred feng to rice” – «< ... > И в тот самый год (и того же самого года) Вулрехере умер, и Этелред наследовал королевство»;

716 г. “*Her Osred Norþanhymbra cyning wearð ofslagen besuðan gemære < ... > 7 eac on þam ylcan geare Ceolred Myrcna cyning forðferde < ... >*” – «Здесь (в этом году) Осред, король Нортумбрии, был убит на южной границе < ... >, и также в этом же году Кеолред, король Мерсии, умер < ... >»;

976 г. “*Her on þys geare wæs se miccla hungor on Angelcynne*” («Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»;

1005 г. “*Her on þisum geare wæs se micla hungor geond Angelcyn < ... >*” – «Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»;

1048 г. “*Her on þisum geare wæs mycel eorðstyrung wide on Englalande < ... >*” – «Здесь (в этом году) было сильное (страшное) землетрясение по всей Англии < ... >»;

1053 г. “< ... > *Ðæs ylcan geares gefor Wulf-sie bisceop on Licedfelda, 7 Leofwine abbud on Cofantreo feng to ðam bisceoprice < ... >*” – «< ... > В этом же году (и того же самого года) ушел (на небеса) Вулфсен, епископ Личфилда, и Леофвине, аббат Ковентри, наследовал епископство < ... >».

Итак, *Her on þysum geare* служит коммуникативным задачам в синтагматике, то есть допускает необходимое расширение для ее передачи, а в парадигматике *Her on þysum geare* предстает в диахронии как оформленный языковой продукт (ἔργον).

Исследовав пространство мутации формул во всей англосаксонской традиции, нам удалось установить основные виды трансформации культурной информации, или мутации мемов. В свое время С.Г. Проскурин [Проскурин 1990: 44] определил три основные вида трансформаций формул и

клишированных выражений, которые экстрагируются в рамках англосаксонской традиции, на материале микромотивов в поэтических и прозаических текстах. Сами эти трансформации показывают развитие отношений в контексте культуры:

«А) переосмысление конвенциональных формул, то есть тип «одна формула: два смысла» ср. *ne...middangeardes men mundgripe maran* (B., 751-753) – «Нет в среднем мире ... людей с хваткой руки сильней» (о культурном герое англосаксов Беовульфе); *ne maerra man geond middangeard* (Men., 161) – «Нет славней человека в среднем мире» (об Иисусе Христе) (микромотив «человек в среднем мире»);

Б) лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры, т. е. сохранение означаемого (и связанного с ним культурного нексуса) при обновлении означающего, ср. *middangeard beofað* – «средний мир дрожит», *beofað ealle beorhte gesceaft* – «дрожит все яркое творение» (микромотив «конец мира»);

В) порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам, ср. *weorold wended* – «мир вращается (по кругу)»; *weorold gewited* – «мир уходит» (микромотив «движущийся мир»)» [Проскурин 1990: 44].

В проведенном А.В. Проскуриной исследовании определен также и четвертый тип трансформации формул и клише – «тип Г», который представляет собой описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом. В чем-то он напоминает «тип Б», но нексус (то есть закрепленный культурный смысл) не сохраняется, а сама формула обозначает разные явления в рамках одной темы.

Г) “*Her sunne aþiestrode*” – «Здесь солнце померкло»; “*Her se mona aþistrode*” – «Здесь луна померкла».

Как показал анализ, «тип А» в «Англосаксонских хрониках» не представлен,

вероятно, он редко встречается в рамках одного жанра. Несомненно, что «тип А» присутствует в самой традиции, но для этого нужно тестировать формулы «Англосаксонских хроник» на базе других жанров, и тогда, возможно, выражения, присутствующие в «Англосаксонских хрониках», могут встречаться в тексте других произведений.

Когда формула начинает употребляться в контекстах разных жанров, она переосмысливается и начинает иметь вид – «одна формула, два смысла». Сравните: “*Land of Nod: And Cain went out from the presence of the Lord, and dwelt in the land of Nod, on the east of Eden*” (Gen. 4:16) – «И пошел Каин от лица Господа, и поселился в земле Нод, на востоке от Едема». В ином текстовом пространстве эта формула используется в значении «время сна». Согласно Oxford English Dictionary, первое употребление этой формулы в таком значении восходит к 1738 г. Именно тогда был создан диалог Джонатана Свифта, известный под именем «Вежливый разговор Свифта» (Swift’s *Polite Conversation*) [Crystal 2004: 32]. На самой последней странице этого сочинения, когда описываемая в нем вечеринка подходит к концу, леди Ансвералл говорит: «Время для честного народа идти спать», и полковник Атвит отвечает: “*I’am going to the Land of Nod*” – «Я собираюсь в страну сна». Шаг от библейской формулы «страна Нод» к идиоматическому обороту «страна сна» проходит благодаря семантическому сдвигу в значении *nod* «кивок головы» > «сон». Но такие преобразования в хрониках не фиксируются.

Как уже отмечалось выше, тип «Б» представляет собой описание одних и тех же явлений, причем, означающее меняется, а означаемое остается неизменным. Заметим, что данный тип характеризуется тенденцией обновления за счет все большего и большего числа эвфемизмов. Так, в записях за 1053 и 1060 годы используется лексическая замена термина *forþferde* – «умер»

(1053 gefor – «умер (ушел на небеса)»; 1060 gewat – «умер (отправился на небеса)»): 1053 “Her < ... > Ðæs ylcan geares gefor Wulfsie bisceop on Licedfelda, 7 Leofwine abbud on *Cofantreo feng to ðam bisceoprice* < ... >” («Здесь < ... > В этом же году ушел (на небеса) Вулфсен, епископ Личфилда, и Леофвине, аббат Ковентри, наследовал епископство < ... >»); 1060 “Her < ... > 7 Kynsie arcebisceop on Eoferwic gewat on .xi. Kalendas Ianuarii, 7 he ligeð on Burh, 7 Ealdred bisceop feng to þam rice, 7 *Waltere feng to þam bisceoprice* on Herefordscire < ... >” («Здесь < ... > И Кюнси, архиепископ Йорка отправился (на небеса) на 11-ые календы января, и он покоится в Питерборо, и епископ Эалдред наследовал епископство в Херефордшире < ... >»).

В формулах и клише, изменявшихся по типу «В», регистрируется вариант исходной формулы, по отношению к которой устанавливаются новые инновационные формулы. Так, нами определена формула *Her se ead'ga Petrus se apostol gesæt bisceopsetl* «Здесь блаженный апостол Петр основал епископский престол». А также ее варианты в Хрониках: 35 год “*Her se ead'ga Petrus se apostol gesæt bisceopsetl in Antiochia þære ceastre*” («Здесь блаженный апостол Петр основал епископский престол в городе Антиохии»); 44 год “*Her se ead'ga Petrus se apostol gesæt bisceopsetl on Rome*” («Здесь блаженный апостол Петр основал епископский престол в Риме»).

По отношению к установленной архаической формуле определяются инновационные клише: *Sum onfeng biscepe / bisceopdome / bisceoprices* (кто-то наследовал епископство), *Sum feng to arcebisceoprice / arcestole* (кто-то наследовал архиепископство), *Sum feng to abbodrice* (кто-то наследовал аббатство), *Sum feng to rapdome* (кто-то наследовал папство). Иногда они регистрируются как часть более широкой последовательности из клише *Sum forþferde, 7 Sum (on)feng to ...* (кто-то умер, и кто-то наследовал...). 167 год (“Her *Eleutherius on Rome onfeng bisceopdom* 7 þone

wuldorfæstlice .xv. winter geheold < ... >” («Здесь Элеофериус наследовал епархию в Риме и управлял ею в великой славе в течение двенадцати лет»)). В записи 961 года (“Her < ... > 7 *Sancte Dunstan feng to arcebisceoprice*” («Здесь < ... > И Святой Дунстан наследовал сан архиепископа < ... >»)) устанавливается новое клишированное выражение *Sum feng to arcebisceoprice / arcestole* (кто-то наследовал сан архиепископа). Запись за 1107 год (“On þisum geare < ... > Ernulf þe ær wæs prior on Cantwarbyrig feng to þam abbodrice on Burh <...>” (« В этом году < ... > Эрнульф (который до этого был настоятелем Кентербери) наследовал аббатство Питерборо < ... >»)) имеет в своей основе клише: *Sum feng to abbodrice* (Кто-то наследовал аббатство). А в записи от 592 года (“Her *Gregorius feng to rapdome on Rome* < ... >” («Здесь Григорий наследовал папство в Риме < ... >»)) отмечается клише *Sum feng to rapdome* (кто-то наследовал папство).

Далее появляются грамматически осложненные клише, представляющие собой более позднюю новацию по отношению к уже открытым клише: *Sum gehalgian / (ge)halgod(e) to bioscop(e) / biscepe* (Кто-то был посвящен в сан епископа), *Sum (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebisceop* (Кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа), *Sum wæs gehadod to bisceop* (Кто-то был рукоположен (посвящен) в сан епископа), *Sum (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebisceop* (Кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа), *Sum wæs gehadod to bisceop* (Кто-то был рукоположен в сан епископа).

Резюмируя сказанное, подведем итог. Большое количество примеров в «Англо-саксонских хрониках» представлено «типом Б». «Тип В» включает целую серию инновационных клишированных выражений, устанавливаемых на базе архаических формул в рамках заданной темы. «Тип Г» представлен всего двумя примерами с одними и теми же предикатами, но разными субъектами (см. выше). В рамках

нашего исследования мы определили доминирующие типы формульных единств и клише, представленных в моножанре «Англосаксонских хроник», а это – типы трансформаций «Б», «В» и «Г». Таким образом, виды трансформаций, или мутации, мемов в рамках моножанра гораздо уже, чем мутации в рамках всей традиции, где нами фиксируются типы трансформации «А», «Б», «В», «Г». В заключении статьи приведем параллельную аналогию из биогенетики об эволюции микробов.

«В 2012 году биологи из Имперского колледжа Лондона предприняли одну из первых попыток сравнить эволюцию микробов в монокультурах и смешанном сообществе. <...> Бактерий из природных местообитаний выращивали в лаборатории либо по отдельности, в монокультурах, либо вместе, в смешанной культуре. Кормили микробов «буковым чаем» – экстрактом буковых листьев. Понятно, что

склянки с буковым чаем в лаборатории и естественные лужи в корнях буков – не одно и то же. Изменение условий при перемещении из естественной среды в искусственную должно было подстегнуть эволюцию подопытных бактерий. Бактерии эволюционировали в буковом чае в течение восьми недель, что соответствует 70 поколениям.

Эволюция в монокультурах привела к следующим результатам. Один из видов (Е) не смог приспособиться к жизни в буковом чае, его численность стала быстро снижаться, поэтому его исключили из анализа. Вид А размножался в чае в начале и конце эксперимента с одинаковой скоростью, т. е. его приспособленность не изменилась. Виды В, С и D успешно адаптировались к искусственной среде и к концу эксперимента стали размножаться в чае быстрее, чем в начале» [Марков, Наймарк 2014: 226].

Библиографический список

1. Гимон, Т. В. Хронологические указания Англо-Саксонской хроники: конец IX – первая половина XII в. / Т. В. Гимон, З. Ю. Метлицкая // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – С. 331–354.
2. Марков, А. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий / А. Марков, Е. Наймарк. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 656 с.
3. Проскурин, С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей : дис. ... канд. филол. наук / Проскурин Сергей Геннадьевич. – М., 1990. – 216 с.
4. Crystal, D. The Stories of English / D. Crystal. – London : Penguin Books, 2004. – 565 p.
5. The Parker Chronicle. The Anglo-Saxon Chronicle : An Electronic Edition. – Vol. 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html>

УДК 811.111

ББК 81.432.1

И.Г. Серова
Барнаул

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРСУАЗИВНОГО ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО НАРЕЧИЯ *SURELY*

Ключевые слова: этнолингвистический анализ, основные семантические молекулы, эпистемическая модальность, эпистемические выражения, эпистемические наречия.

Key words: ethnolinguistic analysis, key semantic molecules, epistemic modality, epistemic phrases, epistemic adverbs.

В современном английском языке достаточно распространено употребление эпистемических выражений, которые представлены разными лексико-грамматическими классами.

Особый интерес вызывают наречия. Анна Вержбицкая включает в категорию эпистемических наречий наряду с наиболее употребительными *probably*, *possibly* и др. наречия со зна-

чением несомненности *surely, of course, indeed* [Wierzbicka 2006: 287].

Предметом исследования является этнолингвистический и семантический потенциал персуазивного эпистемического наречия *surely*. Термин «персуазивный» был предложен Вольфгангом Гладровым, который различает два типа эпистемических выражений: презумптивные (выражающие предположения и неуверенность) и персуазивные (выражающие убеждения в истинности сказанного) [Гладров 2009: 287]. Специфика культуры этноса находит наиболее полное отражение в структуре и конституирующих признаках предложения, что обуславливает необходимость анализа предложения и его категорий в этно-культурном ракурсе [Козлова 2009: 121]. Структура предложения, в котором употребляется наречие *surely*, очень часто (более 60% случаев) представляет собой вопросительное предложение, т. е. форму мысли, целью которой становится желание получить интересующую информацию, обратиться к собеседнику (читателю) за поддержкой, убедить его/её в своём мнении и убедиться в истинности сказанного. В качестве материала исследования использовались примеры, предложенные национальным корпусом английского языка The British National Corpus [BNC: URL].

Структурно проанализированные предложения можно разделить на две основные группы: вопросительные и повествовательные. Особенно интересными представляются вопросы, так как сам факт использования наречия *surely* в вопросительном предложении несколько противоречит его значению. Согласно данным английских толковых словарей, семантическими компонентами лексемы *surely* являются следующие: [with assurance], [confidently], [without doubt], [certainly]. Однако анализ примеров показал, что в большинстве случаев наряду с указанными семантическими молекулами актуализируются и некоторые другие, например [hesitation], когда уверенность говорящего подвергается им самим сомнению, выдвигаются условия, ограничивающие утверждение и т. д. (примеры 1–3).

*If she tried hard enough, **surely** she could make it all, the car and the people, vanish into thin air, like one of her fantasies?*

*'But his being here is coincidence, **surely**?*

*The police will have interviewed him, **surely**.*

Сравним предложения (2) и (3). Формально единственным отличием (принимая во внимание структуру) представляется вопросительный знак в примере (2). Но в данном случае целью высказывания является желание получить подтверждение, согласие/несогласие относительно сказанного. Степень уверенности говорящего, несмотря на использование наречия *surely*, заметно отличается. Автор, с одной стороны, использует наречие *surely*, демонстрируя уверенность в сказанном, однако, с другой стороны, ставит в конце предложения знак вопроса. Актуализируются следующие семантические молекулы: [agreement], [disagreement], [doubt]. Использование эпистемического наречия *surely* делает высказывание более интерактивным и ориентированным на говорящего, а не на предмет разговора. Графические символы (вопросительный знак, тире) отображают мелодику речи, которая организует фразу, расчленяя её на синтагмы и ритмические группы, одновременно связывая её части.

В английском языке разные по коммуникативному типу высказывания (вопрос, побуждение, повествование, восклицание) оформляются не только мелодически, но и грамматически. В этом смысле пример (4) не вызывает никаких противоречий. Это разделительный вопрос, который, с одной стороны, позволяет говорящему выразить уверенность в сказанном. С другой стороны, такая форма высказывания даёт возможность обратиться к собеседнику за необходимой поддержкой.

***Surely** this isn't necessary, is it?*

Однако стоит отметить, что так называемый полный разделительный вопрос встречается значительно реже, чем предложения, просодическая мелодика которых только графически отображается

вопросительным знаком в конце предложения (примеры 5–6). Грамматически они представляют собой повествовательные предложения. Но структуру полного разделительного вопроса легко восстановить:

*Surely you are not concerned about these things? / *Surely you are not concerned about these things, are you?*

*Surely he couldn't be jealous of Tamar's grand lifestyle? / *Surely he couldn't be jealous of Tamar's grand lifestyle, could he?*

Структурная «неполнота» данной синтаксической конструкции (эллипсис) является характерной особенностью англоязычного синтаксиса, стремящегося к компрессии. Особенности исторического, научно-технического и культурного развития Великобритании привели к необходимости предельно кратко и точно выражать свою мысль [Козлова 2009: 122].

В других примерах, помимо использования вопросительного знака в конце предложения, в структуру предложения включается условное придаточное, т. е. автор определяет истинность высказывания и степень своей уверенности, ограничивая высказанную идею определённым условием, при этом наречие *surely* используется в главном предложении в сильной позиции (примеры 7–9):

If he's stopped loving me, surely he would have left me by now?

But if they are described in stories, then surely they must have lived once upon a time?

If she was to indulge in escapism, surely here would be as good a place as any?

Во всех проанализированных предложениях персуазивное эпистемическое наречие *surely*, как правило, занимает сильную позицию – в самом начале или в самом конце предложения. В абсолютном большинстве примеров, использование *surely* вводит высказывание и акцентирует внимание собеседника на том, что говорящий уверен в том, что он говорит.

Кроме условных придаточных, структура предложений, в которых используется персуазивное эпистемическое наречие

surely, может представлять собой сложно-сочиненное предложение, части которого на письме разделены тире (примеры 10–12), как графическое выражение другого важного компонента интонации – паузирования [Маслов 2006: 88]. Первая часть – это некое утверждение, в истинности которого говорящий сомневается, вторая часть – это неполный разделительный вопрос, который вводится наречием *surely*.

She was not entirely convinced — surely London could never have weather as dreary as a northern winter?

Some have called me selfish — but surely those women who leave their jobs to have babies and then return to work are the selfish ones?

It was on the front page of the New York Times — surely you must recall, Jean-Paul?

Структура разделительного вопроса также используется и в ряде других примеров, в которых вторая часть (краткий вопрос к первой части) представлена только одним словом – наречием *surely* (примеры 13–16).

It couldn't be just her intrusion on his evening with the Taylors, surely?

'But Mrs Goreng,' the German said with a mild surprise that only a paranoiac could think assumed, 'you don't have to ask, surely?'

We should tell the Palace, surely?

That should be high on your check-list, surely?

Метод анализа лексем, предложенный Анной Вержбицкой, который позволяет выделить основные семантические молекулы высказывания, подтверждает, что семантика наречия *surely* значительно шире и включает не только семантические молекулы [with assurance], [confidently], [without doubt], [certainly], но и следующие: [agreement], [disagreement], [doubt], [hesitation].

По мнению известного британского лингвиста Дэвида Кристала, «язык – это хранилище истории народа. Это его идентичность» (“Language is a repository of the history of a people. It's their identity”) [Crys-

tal 2003: 20]. Использование персуазивного эпистемического наречия *surely*, позволяет адресату не только выразить свою точку зрения, основанную на знаниях и фактах, умозаключениях и выводах, но и выразить субъективное отношение к предмету выска-

зывания, ориентируясь на реакцию адресанта, на своё место в культуре и истории нации. Семантика лексемы *surely* и структура высказывания с его использованием отражают глубокий этнокультурный потенциал персуазивного эпистемического наречия *surely*.

Библиографический список

1. Гладров, В. Модальные слова. К вопросу о частях речи / В. Гладров // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М. : Языки славянских культур. – 2009. – С. 239–249.
2. Козлова, Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего : монография / Л. А. Козлова. Барнаул : АлтГПА, 2009. – 183 с.
3. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учебник для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. С. Маслов. – 5-е изд., стер. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 304 с.
4. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
5. Wierzbicka, A. English. Meaning and Culture / A. Wierzbicka. – Oxford University Press, 2006. – 352 p.

Список источников иллюстративного материала

1. [BNC] The British National Corpus – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

УДК 801.73

ББК 80.9

Е.В. Тархова
Новосибирск

АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНОГО СИМВОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: символ, художественный текст, анализ, интерпретация текста.

Key words: symbol, fiction text, analysis, text interpretation.

Художественный текст представляет собой развернутое сообщение автора, составленное при помощи простых языковых знаков и сложных эстетических средств языка [Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению: URL]. Тексту свойственны такие черты, как выраженность (элементами языка), ограниченность (наличие четких границ), структурность (внутреннее построение), цельность, связность, информативность и коммуникативная установка. Данные свойства функционируют на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях текста. Первый уровень реализуется в вербальной «ткани» текста, а второй уровень выражен авторской интенцией и подтекстом, который может быть не вербализован и выражен опосредованно [Лотман 1998: 23-28].

Информативность текста не ограничивается фактуальным сообщением и включает в себя концептуальное содержание (идею) и подтекст (скрытое сообщение автора). Одним из средств выражения главной мысли текста является символ. Вербальные, или художественные, символы являются универсальной категорией эстетики, имеющие характеристики знака и образа. С одной стороны, символ является знаком, обладающим многослойной структурой образа, а с другой стороны, символ рассматривается как образ в аспекте «знаковости» символа. Единство означаемого и означающего, соединение предметного образа и глубинных смыслов представляет собой переход образа в символ [Аверинцев 2001: 155-161].

Символ можно понимать как знак, семиотическую единицу, необходимую для об-

разования вербальной идеи [Виноградов: URL]. Связь знака и референта символа является мотивированной и раскрывается через их сопоставление [Ахманова 2005: 404]. По словам Ю.М. Лотмана, символ является «геном сюжета», и у него есть все основания для этого: во-первых, символ имеет комплексность смысловых значений, во-вторых, для него характерна амбивалентность, в-третьих, символ связан с некоторой другой идеей, несущей в себе более глубокую и ценную информацию, что позволяет ему образовывать неограниченный круг смысловых валентностей и вступать в неожиданные связи, меняя текстовое окружение; в-четвертых, символ является архаичной единицей сознания, о чем свидетельствует его нахождение в жизни древних цивилизаций, и несет в себе культурный опыт поколений, являясь наиболее устойчивой диахронической единицей культурного пространства. Кроме этого, символ может существовать вне и до текста, фигурируя в памяти автора и оживая в его художественном произведении [Лотман 2000: 191-199]. Благодаря этим свойствам символ играет главную роль в организации, информативности и коммуникативной установке художественного текста. Таким образом, если текст содержит символ, то для понимания такого текста необходимо правильно его интерпретировать. Декодирование смысла символа требует от читателя глубокого рассуждения, сосредоточенного внимания и богатого культурного опыта.

Существуют разные подходы к анализу и интерпретации художественного текста, в том числе и к употребляемым в нем символам. Психолог и аналитик, К.Г. Юнг, предлагает проводить корреляцию между аналитической психологией и поэтико-художественным творчеством. Главную роль здесь играет его теория архетипов – «манифестаций более глубокого слоя бессознательного», где содержатся коллективные изначальные мотивы и праобразы.

Он полагает, что в основе каждого художественного текста лежат архетипичные образы, к которым относятся, например «старик», «мать», «тьма», «дерево», «гора», «мужчина». На протяжении всей истории общества архетипы передаются от поколения к поколению и повторяют мотивы своего использования. Архетипы в художественном тексте выполняют кармическую функцию, направляя мысли автора, и помогают проанализировать смысл текста, так как каждый художественный образ текста можно соотнести с прообразом коллективного бессознательного. К.Г. Юнг отмечает, что познание архетипического образа происходит бессознательно, и при попытке сознательного понимания образ разрушается, но не исчезает. Архетипы реализуются в большинстве символов, что наблюдается в существовании таких архетипических символов, как Мировое Древо и Мировая Гора [Юнг 1991: 80-105]. Следовательно, чтобы дешифровать смысл символа и значение текста, нужно обратиться к его связи с архетипом.

Некоторые исследователи (В.В. Демичева, О.И. Еременко, Т.В. Яковлева) предлагают проводить анализ художественного текста и его символов в контексте культуры и мифологического континуума. Такой подход именуется лингвокультурологическим [Яковлева 2007: 136-141]. Именно этот подход позволяет правильно понять идею автора и его произведения, так как язык является инструментом оформления, хранения и передачи культурно значимой информации. В художественном символе культурная информация имплицитна и иногда трансформирована, поэтому может быть извлечена опосредованно, например через установление связей и ассоциаций.

Исторический путь анализа предполагает движение от образа к символу, что означает интерпретацию символа изолированно от художественного текста. М.М. Бахтин отвергает такой путь анализа и предлагает ретроспективный путь – от

вербального символа к образу текста. Данный путь помогает более точно и правильно понять смысл художественного текста, ключ к постижению которого находится в интерпретировании содержания образов-символов [Бахтин 1986: 373].

О.Н. Левушкина предлагает осуществлять лингвокультурологический анализ русского художественного текста путем вычленения образов-символов и работы над каждым из них. Из этапов работы над символами она выделяет установление лексического значения слова в современном русском языке, а также в языке, соответствующем эпохе художественного произведения. Важной стадией работы является обращение к этимологии слова, что способствует пониманию первоначальной формы, послужившей для наименования. Дополнительные шаги работы включают в себя выявление мифологического, архетипического и символического значения этого образа в культуре древних славян и христианской культуры. После этого культурные смыслы художественного произведения интерпретируются в соответствии с полученными данными [Левушкина 2009: 106-107].

Для более полного и точного анализа символа в тексте художественного произведения предложенная схема может быть дополнена уточняющими, специфицируемыми шагами анализа, как:

1. выявление художественного символа в тексте и нахождение его символических цепочек:
 - 1.1. подтверждение статуса символа путем его сопоставления с метафорой, аллегорией и художественным образом,
 - 1.2. раскрытие характера выражения символа (косвенная / прямая передача),
 - 1.3. установление способа и средств трансляции символа,
 - 1.4. определение класса символа;
2. рецепция и декодирование символа:

2.1. обращение к этимологии и ряду лексических значений слова,

2.2. установление значения символа с помощью специальной энциклопедии символики,

2.3. определение места данного слова в ядре языкового сознания автора и читателя;

3. узнавание повторного использования символа в тексте и сравнение его смысловых полей;
4. прочтение символа с учетом биографии автора;
5. выявление авторского сообщения и его сопоставление с расшифрованным символом.

В таком случае более явными становятся способности символа к образованию символических цепочек, которые предстают перед читателем на протяжении всего повествования.

Во многих теориях отмечается сходство символа с такими тропами как, например, метафора или аллегория. Кроме того, проводятся параллели между символом и концептом, символом и художественным образом, поэтому возникает необходимость аргументации статуса слова как символа. Также необходимо определить характер выражения символизации (прямой, косвенный), который определяет вероятность ее узнавания и прочтения и создает определенную атмосферу в тексте. Для определения смыслового окружения символа важным представляется анализ контекста его употребления и выявление средств его передачи. Принадлежность символа к какому-либо классу (например, природные, мифологические, религиозные, внешне-технические, человечески выразительные, философские, научные (по классификации А.Ф. Лосева)) говорит о его распространенности в языке и широте его смыслового потенциала. Так, природные символы появились на ранней стадии развития общества, в процессе освоения ими человеком им приписывались сверхъ-

естественные способности, следовательно, эти символы более распространены и обладают богатым рядом значений.

На стадии рецепции и декодирования символа целесообразным представляется выявление этимологии слова и его значений, позволяющее определить его семантические связи. Этой цели служит словарь символов, в котором представлены варианты символического значения слова и его интерпретация в контексте разных культур. Это важно потому, что для восприятия символа место слова-символа в языковом сознании автора и читателя имеет большое значение. Принадлежность слова-символа к одному уровню языкового сознания автора и читателя обеспечивает большую вероятность правильного прочтения и полного понимания символа. Принадлежность символа к разным уровням сознания неизбежно приводит к трудности его восприятия.

Роль символизирующего предмета в культурах адресата и адресанта влияет на дальнейшее развитие символа и его передачу: если символ занимает главную позицию в культуре читателя, то он по-новому зафиксировывает его, возможно, с другим значением. Дальнейшее узнавание символа в тексте и выявление его окружения помогает определить характер повествования, влияющий на прочтение авторского сообщения. В процессе прочтения символа важно также учитывать факты биографии автора, так как события его жизни и их философское переосмысление влияют на формирование символов и художественных образов. Личность автора в разной степени может проявляться в его персонажах. Поэтому осмысление личности автора способствует успешному пониманию символа.

Расшифрованный символ и декодированная идея автора создают целостное восприятие художественного текста и всего произведения.

Благодаря наличию ярко выраженных границ, иконического элемента и синкре-

тической словесно-зрительной формы символ легко вычленяется из текстового окружения. Амбивалентность и способность к трансформации позволяют символу вступать в различные связи и образовывать новые ряды смысловых цепочек глубинного содержания. В них выделяются первичные, вторичные символизации. Сложное многоплановое содержание символа раскрывается на протяжении всего повествования. Текст с символическими цепочками имеет ризоморфную структуру, поэтому только полный анализ всех символических цепочек способствует его полному прочтению и пониманию [Лотман 1992: 244-249].

Каждый символ создает определенный образ, который может иметь различные источники происхождения, как социально-исторические явления ("Late-Victorian father" [Fowles: URL]); библейские мотивы ("his Garden of Eden" [Fowles: URL]); математические образы ("geometric, linear people" [Fowles: URL]); объекты природы ("European man should regard nature <...> as a hostile desert" [Fowles: URL]). Процесс создания образности происходит ступенчато, в виде следующей градации: «образ-индикатор» (использование прямого значения слова) → «образ-троп» (использование переносного значения слова) → «образ-символ» (совокупность значений на основе частных случаев). На первом этапе происходит реализация внутренней формы слова, на второй стадии производится переосмысление слова на основе понимания различных тропов и стилистических фигур, а на третьей ступени проявляется образ, выходящий за рамки контекста и конкретного значения [Валгина: URL]. Продемонстрируем этот процесс на следующем примере:

... *my father decided that we must quit the green paradise and return to the grey limbo* [Fowles: URL].

Образами-индикаторами здесь выступают цвета, имеющие внутреннюю форму и вызывающие определенные ассоциации. Эти же цвета трансформируются в обра-

зы-тропы, представленные метафорами и создающие образ свежести, молодости (green) и образ заурядности, тоски (grey). На третьей стадии реализуется процесс символизации: зеленый цвет именуется собой расцвет жизни, а серый – однообразие и безысходность. Следовательно, символ является наивысшим инструментом порождения образности и мощным способом ее создания, так как представляет собой слияние нескольких смыслов в одном слове. Символ в художественном тексте создает в нем большую плотность информации, или компрессивность, означающую наличие скрытых смыслов и объемного глубинного содержания при сравнительно небольшом повествовании [Ахманова 1966: 380-387].

Несмотря на наличие у символа ярко выраженных границ, его часто смешивают с другими средствами выразительности и с другими категориями эстетики. Сходство символа и метафоры состоит в соединении идеи и предмета. Их главное отличие заключается в том, что функция символа является замещающей, и заключается в переосмыслении объекта (слова) и расширении его экстенционала путем переноса идентификатора (символьного слова) на другой объект, не связанный с ним отношениями подобия, тождества или смежности. Там, где метафора создает конкретный образ, символ расширяет границы образа, имплицитно другое содержание [Лосев 1971: 3-6].

You are an island that has not sunk [Fowles: URL].

В данном примере слово *island* является метафорой, так как создает образ одинокого, но стойкого человека. В нижеследующем предложении слово *island* используется как символ, поскольку употребляется с расширенным содержанием как репрезентант убежища и места для избранных.

Each in his little bed conceived of islands ... where love was innocent, being far from cities [Fowles: URL].

От аллегории символ отличается способностью к извлечению формы из образа и

многозначностью, например, весы – правосудие (аллегория), сад – рай, гармония, убежище, красота (символ).

Различие символа и художественного образа проявляется в конкретности и яркости последнего и абстрактности и редуцированности первого. При этом существует понятие «образ-символ», сочетающее в себе свойства обоих объектов [Арутюнова 1999: 337-341].

Существуют два способа передачи символа: прямой и косвенный. При прямой репрезентации символа автор использует соответствующее ему слово. Например, в эссе “The Tree” Джон Фаулз использует слова *tree* и *garden* с символьной интерпретацией как прямую номинацию символа:

(4) ... *a longing to escape from those highly unnatural trees in our back garden* <...> *that minute garden, a physical sanctuary* [Fowles: URL].

Косвенная передача символа представляет собой особую языковую стратегию, направленную на «погашение» семантического значения слов и создание определенного смысла [Гоготишвили 2006: 73-78]. Рассмотрим следующий пример:

(5) *Slinking into trees was always slinking into heaven* [Fowles: URL].

Здесь представлена косвенная передача символа «Сад», которая создается контекстуально с помощью слова *trees* и символьного значения слова «Сад» как особого места уединения, в котором существует морально и этически ограниченная свобода, открывающая красоту мира, дающая ощущение душевного покоя и осознание радости бытия.

При этом вполне допустимо, что в коде иной языковой культуры этот символ может иметь как прямой, так и косвенный репрезентант.

Символ может быть включен в сложный стилистический контекст. В таком случае чаще используются эпитет, метафора, метонимия, аллитерация, ассонанс. Данные приемы направлены на создание у читателя опре-

деленных ассоциаций и эмоций, которые способствуют извлечению из сознания зафиксированного образа, и позволяют декодировать сообщаемый смысл.

Сам символ также образуется на основе метафорического переноса и отношений «предмет – признак» (метонимия) и «признак – предмет» (синекдоха) [Тодоров 1982: 242]. Примером такого символа может выступать следующее соответствие “*garden – green paradise*”. Здесь слово *paradise* является метафорой для слова *garden*, в то время как зеленый цвет символизирует природу (стилистический прием – метонимия), функтором которой является сад (стилистический прием – синекдоха).

В зависимости от признака можно выделить несколько классификаций символа. В художественном тексте часто выделяют традиционные и индивидуальные символы с авторской символической интерпретацией. Традиционные символы представляют собой «устойчивые, одноплановые и однозначные художественные образы, закрепленные традицией употребления». Эти символы подразделяются на классические (например, крест – символ смерти), национальные (хлеб-соль в русской культуре как символ гостеприимства) и библейские (оливковая ветвь – символ мира) [Валгина: URL]. Традиционные символы распространены в языке, не вызывают разночтения и передаются адресату без осложнений, авторские символы наделены дополнительными значениями, выражают мироощущение автора и иногда могут быть поняты только с помощью изучения жизни художника или анализа его творчества. Такие символы имеют большую перспективность, так как они характеризуются многозначностью и неожиданными связями, поэтому могут развиваться и дальше, в процессе передачи. Также в художественных текстах выделяют элементарные и сложные символы. Простые символы составляют ядро языкового сознания, имеют глубинное культурно-смысловое содержание, поэтому они характеризуются большим употреблением и быстрым узнаванием при

восприятию. Примерами этого вида являются «крест», «круг», «пентаграмма», которые имеют одинаковые интерпретации в разных культурах. Сложные символы обладают меньшей культурной насыщенностью, находятся на периферии символического сознания и имеют разные прочтения в разных культурах [Лотман 1992: 191-199].

Являясь образной категорией, символ рассматривается как предмет чувственного восприятия, который может пониматься с визуальной и аудиальной сторон. Последняя выражается в звуковом оформлении и ритмической структуре текста. Первая проявляется на нескольких уровнях: описание, сюжетное повествование и концептуальная идея произведения. Автор может использовать различные визуальные средства: рисунки, схемы, изменение шрифта. На восприятие символа влияют многие факторы: эмоциональное состояние, социальное положение, деятельность, уровень образованности и знаний о культуре. Несмотря на различие индивидов, они обладают фиксированными культурными образами в сознании, которые образовались в ходе освоения культуры. М.С. Кухта предлагает теорию восприятия визуальных объектов, в которой главным условием становится тезаурус читателя – комплекс смыслодержущих единиц, понятий и отношений в его сознании [Кухта 2004: 116-119]. При понимании символа происходит его узнавание, сравнение с уже имеющимся понятием в сознании реципиента, диалог читателя и автора, в котором символ попадает в концептуальную картину мира адресата, адаптируясь к его индивидуальным особенностям мировосприятия. При этом символ может трансформироваться и принимать новое окружение [Ивлева 2009: 12-21].

Отмечаемая мотивированность связи означаемого и означающего в символе объясняется наличием в слове определенных сем, близких по значению к идее символа. Например, семы импликационала значения слова *island* ([remote], [lonely], [outstanding], [not influenced]) определяют его символизацию как убежища, независимости, одиночества,

стимулирующего внутреннее погружение и размышления.

Установление значения символа с помощью специальной энциклопедии символики помогает подтвердить предполагаемую интерпретацию символа и узнать его интерпретации в различных культурах. Например, сова является символом мудрости в западной культуре, а в восточной культуре она представляет страх.

Определение места данного слова в ядре языкового сознания и культуре автора и читателя влияет на узнавание и глубину восприятия символа. Например, дом занимает второе место в ядре русского языкового сознания, а в ядре английского языкового сознания он находится на двадцать втором месте, что подчеркивает значимость данной реалии в обеих культурах [Уфимцева 2000: 208-212]. Это говорит о том, что узнавание символа будет успешным, и при его сравнении с уже имеющимся образом в сознании реципиента не появится разночтений.

Символ может иметь несколько последовательных символизаций, которые раскрываются на протяжении всего повествования. Символические цепочки образуют новые смысловые поля и создают целостную содержательную картину символа. Развертывание символа может происходить на трех уровнях художественного текста: дескриптивном, повествовательном и подтекстовом. Комплексность символа не зависит от уровня его расположения, но для раскрытия символа авторы чаще всего используют дескриптивный и подтекстовый уровни. Символ в дескриптивном уровне встречается в произведениях О. Уайльда. Например, Лорд Генри символизирует собой змея-искусителя, что проявляется в описании его портрета: *his long nervous fingers; his pointed brown beard; his low, musical voice, and with that graceful wave of the hand that was always so characteristic of him; his dreamy languorous eyes* [Wilde: URL]. В произведениях Джона Фаулза символы выступают на сюжетном и интертекстуальном уровнях текста. Например, символ «Остров» в романе «Маг»

является символом одиночества и фигурирует как место действия на уровне сюжета. Подтекстовый уровень выражается в нелинейном написании и требует от реципиента «чтения между строк», например:

(6) ...*his platonic ideal of the strictly controlled and safe, his Garden of Eden* [Fowles: URL].

Данный контекст содержит библейский мотив и одновременно рисует символ души и убежища человека для обретения гармонии.

Предполагается, что первичная символизация раскрывает основное значение символа, а остальные цепочки символизации могут дополнять или подтверждать основное содержание. Первичная символизация дерева как человека проявляется в следующем примере:

(7) ... *the 'green man' hidden in the leaves of his or her unique and once-only being* [Fowles: URL].

Данная символизация подтверждается и в последующем развертывании произведения: *in the deepest of those countless million metaphorical trees; emblematic walled garden of civilization*, где сад символизирует общество, а дерево – человека.

Каждый образ текста раскрывает личность автора и его миропонимание. События личной жизни автора косвенно выражаются в его произведениях и создают основные мотивы их творчества. Факты жизни писателя могут влиять на создание и использование символов, которые приобретают окказиональные интерпретации. Например, в романе «Волхв» Джон Фаулз использует символ «Остров», который может быть прочтен как следствие событий двух мировых войн в жизни писателя. Данный символ представляет собой стойкого и независимого человека. Во всем творчестве Фаулза отражаются его принципы мироздания, заключающиеся в теории Эдемского Сада, в котором человек не может противостоять искусителям. Эта идея выражается в его символе «Сад» во многих произведениях. Атеистические взгляды Фаулза отражены в его символе «Дерево», олицетворяющего предмет почитания:

(8) *“Perhaps because I was brought up without any orthodox faith, and remain without it, there was also, I suspect, some religious element in my feeling towards woods”* [Fowles: URL].

Символ, как особый компонент текста, способен имплицировать главную идею автора. В этом случае его понимание возможно только на уровне прочтения целостного текста, а в ряде случаев требует ознакомления со всем творчеством писателя. Так, символ «остров», обозначая место убежища, включает мотив одинокого независимого человека, проходящего определенный ряд испытаний. Этот образ также подчеркивает атеизм Фаулза. Символы «Дерево» и «Сад», представляющие параллель «человек – общество», выражают миропонимание автора: человек находится в обществе себе подобных, стал-

живаясь с искушениями и совершая ошибки, что неизбежно ведет к грехопадению. Автор критикует современное общество, обличая его пороки – эгоизм, уничтожение природы, предательство, скептицизм, наивность и невежество.

Предлагаемая полифакторная схема анализа художественного символа позволяет создать целостную идейно-образную картину всего произведения. Здесь действует индуктивный принцип ризоморфизма: движения к следующей мысли путем возврата к предыдущему шагу, после которого следует обобщение и осмысление всех этапов. Анализ и сопоставление символов из разных произведений способствует полному пониманию концепции авторского творчества.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Символ художественный / С. С. Аверинцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Бойко. – Киев : – Дух і Літера, 2001. – С. 155–161.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова // 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Ахманова, О. С. О принципах и методах лингвистического исследования / О. С. Ахманова. – М. : Наука, 1966. – 405 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. - М : УРСС : Едиториал УРСС, 2005. - 571 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
6. Валгина, Н. С. Теория текста [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина. – URL: <http://evartist.narod.ru/text14/18.html>
7. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. – URL: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/critics/vrg-195-.html>
8. Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение / Л. А. Гогтишвили. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.
9. Ивлева, А. Ю. Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Ю. Ивлева. – Саранск, 2009. – 38 с.
10. Кухта, М. С. Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах / М. С. Кухта // Вестник ТГПУ. – Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2004. – Вып.3 (40). – С. 116–119.
11. Левушкина, О. Н. Образы-символы художественного текста: практика лингвокультурологического анализа : монография / О. Н. Левушкина, С. В. Переверзева, И. А. Григорченко и др. – Ульяновск: УИПК ПРО, 2009. – 280 с.
12. Лосев, А. Ф. Символ и художественное творчество / А. Ф. Лосев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. – Вып.1. – М. : 1971. – С. 3–13.
13. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 239–250.
14. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – 220 с.
15. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению [Электронный ресурс]. – URL: <http://literaturologiya.academic.ru/741/текст>
16. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров. – М. : Наука, 1982. – 427 с.
17. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – СПб. : Ренессанс, 1991. – 386 с.
18. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. – М. : РАН Ин-т языкознания, 2000. – С.207–219.
19. Яковлева, Т. В. Методические основы формирования социокультурной компетенции учащихся начальной школы на уроках русского языка / Т. В. Яковлева, В. В. Демичева, О. И. Еременко // Гаудеамус. – Психолого-педагогический журнал. – Тамбов : Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2007. – №1. – С. 136–141.
20. Fowles, J. R. The Magus [Электронный ресурс] / J. R. Fowles. – URL: <http://www.rulit.net/author/fowles-john/the-magus-download-free-66726.html>
21. Fowles, J. R. The Tree [Электронный ресурс] / J. R. Fowles. – URL: <http://www.harpercollins.com/books/The-Tree-John-owles/?isbn=9780061997778>
22. Wilde, Oscar. The Picture of Dorian Gray [Электронный ресурс] / Oscar Wilde. – URL: http://www.modernlib.ru/books/wilde_oscar/the_picture_of_dorian_gray/read/

УДК 81'367
ББК 81.053.6

М.Ф. Третьякова
Комсомольск-на-Амуре

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Ключевые слова: картина мира, когнитивная лингвистика, цветообозначения, фразеология, фразеологические единицы с семой цвета.

Key words: world image, colour terms, cognitive linguistics, phraseology, colour idioms.

Каждый язык по-своему концептуализирует окружающую действительность, то есть имеет свою особую картину мира. Для достижения успешной коммуникации языковая личность должна учитывать специфику разных картин мира, особенно если речь идет о взаимодействии представителей разных культур. В каждой лингвокультуре существуют наиболее значимые для нее концепты – культурные доминанты, константы культуры [Карасик 2002: 169]. В связи с этим, представляются перспективными исследования сравнительного характера картины мира разных языков в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании. Понятие языковой картины мира восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, а с другой стороны – к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Американский лингвист Бенджамин Ли Уорф под влиянием Эдуарда Сепира выдвинул теорию, согласно которой «когнитивные процессы, образуя «естественную логику», не являются общими для всех людей, а зависят от конкретного языка, этими людьми используемого в качестве родного; язык формирует картину мира, наши идеи, а не просто выражает их» [Whorf 1952: 281]. То есть язык определяет мышление и способ

познания. Один из хрестоматийных примеров данной теории связан с восприятием синего цвета носителями английского и русского языков. Носители русского языка видят два основных цвета – синий и голубой – там, где англичане видят один – blue.

Цвет имеет большое значение в жизни современного человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Поэтому столь популярны исследования в области цвета у психологов. У лингвистов цветообозначение – одна из самых популярных лексических групп. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Велика роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира, так как «с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения» [Байрамова 1989: 13].

С давних времен в культуре всех народов начала складываться определенная гамма любимых цветов. Национальные цвета ответственны темпераменту народа, передают особенности данной культуры.

Используя лексикографические источники, рассмотрим значения цветов в двух генетически неродственных, типологически различных и структурно отдаленных

языках – английском и китайском. Полагаем, что наиболее наглядно подобные различия проявляются на уровне фразеологии, так как именно на уровне фразеологии наиболее ярко проявляются особенности когнитивной базы отдельной нации. Фразеологические единицы являются неотъемлемой частью языковой картины мира у того или иного народа. В связи с тем, что Китай до последнего времени являлся закрытым государством, сравнительное исследование фразеологизмов с компонентом цвета поможет составить более полную картину мира китайского языка, облегчить взаимную коммуникацию китайской культуры и западной англоязычной культуры.

В английском и китайском языках существует много фразеологизмов, содержащих компонент «белый цвет». Символические значения белого в английском языке в основном позитивны – белый цвет в сознании людей с древнейших времен символизировал счастье, радость, благо: *white day* – счастливый день; *white magic* – белая магия; *white lie* – невинная, «святая» ложь, ложь «во спасение». Белый – цвет благородства, знатности, привилегированности, поэтому и символы государственности включают этот цвет: *White Rose* – эмблема Йоркского королевского дома; *Whitehall (Palace)* – резиденция британского правительства; *The White House* – резиденция правительства США [Кузьмин 1989].

Отметим, что в Китае значениям цветов придается важное значение. На этом основана целая философия (У-Син) – весь мир, все процессы во вселенной и в человеке китайцы разделили на пять стихий: огонь, дерево, земля, металл, вода [Кобзев: URL]. Каждой стихии соответствует определённый цвет. Стихия белого – металл, он ассоциируется с осенью, увяданием, быстротечностью жизни. Белый – траурный цвет в Китае. Также в китайском языке белый цвет употребляется в значе-

нии «отсутствие качества», пустой, неправильный, ошибочный, ничего не обозначающий. Данное цветообозначение входит в состав таких выражений на китайском языке как 白发千丈 – поседеть от горя, 白日做梦 – несбыточные фантазии, 白活 – прожить зря [Готлиб 2007].

Черный цвет в английской культуре с давнего времени означал несчастье, пороки, горе, траур, гибель: *black money* – грязные деньги; *to look black* – выглядеть сердитым, мрачным, хмуриться; *black dog* – тоска зеленая, уныние; *black as hell* – тьма крошечная [Кузьмин 1989].

Черному цвету в китайской культуре придается двоякое значение. С одной стороны, черный цвет считается цветом неба в Книге Перемен. Поэтому чёрный цвет рассматривался, как царь всех цветов в древнем Китае. С другой стороны, черный цвет символизирует негативное: пороки, зло, несчастья, мрак. В данном значении он используется в следующих выражениях: 黑交易 – темная, незаконная сделка; 黑幕 – закулисная сторона, подоплека; 黑白混淆 – лгать, намеренно ставить все с ног на голову; 黑心 – черная душа [Готлиб 2007].

В английском языке красный цвет ассоциируется в сознании людей с кровью, огнем, солнцем, осенними листьями. Красный – цвет жизнетворного тепла, цвет милосердия, божественной любви, радости: *Red Cross* – Красный Крест; выражение *red-letter day* происходит от обычая помечать церковные праздники и даты красными чернилами, *red-carpet welcome* – торжественный прием – от обычая расстилать красную ковровую дорожку перед почетными людьми, *Red Nose Day* – специальный день в Англии, когда организуются благотворительные мероприятия. Красный цвет также символизирует кровь, огонь, войну, опасность. В Британском военно-морском флоте красный флаг – *red flag* как «вызов на бой» – существует с XVII века. Другие примеры: *red coat* – британский солдат времен Американской Революции; *red*

alert – предупреждение о вероятной опасности (о воздушной тревоге); *to catch/take red-handed* – поймать с поличным. Красный цвет так же ассоциируется с чувством гнева, раздражения: *to go as red as a beet(root)* – вспыхнуть от волнения, смущения; *to see red* – прийти в ярость [Кузьмин 1989].

Символическое значение красного цвета в китайской культуре значительно отличается от европейского понимания, и, как и все метафизические понятия, берет свое начало в системе пяти элементов. Красный в китайском языке символизирует юг с буйством жизни во всех ее проявлениях, соответствуя стихии огня и Солнцу. Огню и всему, что с ним соотносится, свойственны жар, зной, стремление вверх. Мифологическим животным здесь выступает Красная птица (Феникс), означающая мудрость, красоту, благоприятствование, а персонажем – Огненный император Янь-ди, научивший людей растить хлеб, и являющийся богом-целителем по ассоциации с тем, что солнце – это жизнь. Для китайцев красный цвет – это жизненная сила солнца и огня. Такая сила отпугивает злых духов и приносит удачу в дом и гармонизирует общую атмосферу.

В Китае существует множество традиций, где, так или иначе, используется красный цвет. Например, когда человеку исполняется 12 лет, 24 года и т. д. (этот год называется «годом судьбы»), китаец подпоясывается красным ремнём, чтобы избавить себя от злых духов. Многим европейцам хорошо знакомы традиционные красные китайские узлы, символизирующие благополучие и долголетие, богатство, счастливое воссоединение, счастье. Новогодние парные надписи на двери каждого дома, одежда новорожденных, свадебное платье невесты – эти вещи непременно красного цвета. Красный цвет обязателен в отделке зданий, интерьера: двери и стены Запретного города и Тяньаньмэнь – традиционного красного цвета. Красный используется в выражениях: 红娘饼 – пирог свахи

(традиционный свадебный пирог); 红光满面 – цветущий вид, «кровь с молоком»; 红运 – большое везение [Готлиб 2007].

Желтый цвет в английском языке всегда являлся символом психических и физических недугов, апатии, тревожности, увядания (*yellow life* – тоскливая жизнь; жизнь, полная печали). Основание для связи желтого цвета с болезнями нетрудно установить: желтое лицо больного лихорадкой вызывало соответствующие ассоциации (*yellow fever* – желтая лихорадка). Не исключено, что к этому добавлялись наблюдения за отмирающей растительностью: желтые листья, желтая трава. В связи с отношением желтого цвета к болезням можно отметить, что по традиции на судне во время эпидемии поднимался желтый флаг (*the yellow jack* – желтый карантинный флаг).

Также желтый цвет символизирует подлость, трусость, лесть, продажность: *yellow streak* – трусливость; *to be yellow* – быть трусом; *yellow-livered* – трусливый; *yellow-bellied* – трусливый, малодушный; *yellow dog* – подлец, прохвост; *“ellow dog contract* – трусливый контракт, «контракт дворняжки» (незаконный контракт, заключаемый при найме между работодателем и работником, по которому последний обязуется не вступать в профсоюз, не участвовать в стачках и т. п.); *yellow fund* – «шакалий фонд», фонд для подкупа (фонд, предназначенный для дачи взяток; суммы, используемые для подкупа); *yellow journalist* – журналист, пишущий для бульварной прессы; *yellow rag* – бульварная газета, бульварный листок; *yellow press* – желтая пресса [Кузьмин 1989].

В китайской культуре желтому цвету, в противоположность европейской культуре, придается положительное значение. Желтый символизирует Центр мира – собственно Китай, Поднебесную империю. Желтый – это обозначение элемента «земля», обладающего свойствами плодородия, питания и превращения. Центр,

земля – это были проявления «изначального», подвергающиеся изменениям в «круге жизненных превращений». Эти свойства распространялись и на цветовую гамму. Указывая на Поднебесную и землю, желтый цвет означал стабильность, плодородие, опору, закон, успех, а также связывался с императорской семьей. Во времена династии Цин одежду желтого цвета имел право носить только император. Из мифологических персонажей, соответствующих этому цвету, можно назвать Желтого (императорского) дракона с пятью когтями (что указывает на власть над всем миром), Желтого императора Хуан-ди (первого правителя, объединившего под своей властью большую часть Китая) и бога земли Хоу-ту. Желтому цвету также соответствуют планета Сатурн (Тяньсин) и созвездие Большой медведицы. Желтый – символ мудрости, спокойствия, вечности, загробной жизни. Таким образом, в китайской культуре желтый цвет имеет позитивное значение: стабильность, плодородие, закон, мудрость. Он входит в состав таких идиом как 黄袍加身 – надеть на себя желтый халат (стать императором); 黄金铸像 – золотой памятник (уважение и память о человеке); 黄昏恋 – любовь на закате жизни (вступление в брак в пожилом возрасте) [Готлиб 2007].

Зелёный цвет в английской культуре символизирует спокойствие, тепло, растительность, плодородие: *green winter* – бесснежная, мягкая зима; *have green fingers* или *have a green thumb* – «иметь хорошие руки» (когда говорят об опытных садоводах и огородниках). С зеленым цветом связываются также радость, успешность, богатство: *get the green light* – получить сигнал начать или закончить что-либо; «получить добро»; *green power* – «власть зелёных банкнот», власть денег; деньги (по зелёному цвету на обороте долларовых банкнот).

В английской языковой картине мира прилагательное *green* зафиксировано как символ молодости, неопытности: *as green*

as grass – очень молодой, неопытный; *greener* – новичок, неопытный, простак; *be not as green as one is cabbage-looking* – «быть не таким уж глупым, как может показаться»; *greenhorn* – новичок, неопытный.

С другой стороны, в ряде английских фразеологических единиц зелёный цвет имеет отрицательное значение: ревность, зависть. Например, *green-eyed* – ревнивый; *green-eyed monster* – «чудовище с зелеными глазами», ревность; *green with envy* – готовый лопнуть от зависти [Кузьмин 1989].

В китайской философии пяти элементов зелёный и синий цвета были единым целым и обозначались одним иероглифом. Сине-зелёный обозначал элемент дерево, ассоциировался с жизнью, обновлением и весной. Несмотря на то, что по философии У-Син зелёный и синий цвета являются одним целым, со временем данные цвета были разделены, в настоящее время у каждого из них есть свое название и значение. Зелёный встречается, например, в следующих идиомах: 青黄不接 – зелёное (новый урожай) и жёлтое (старый урожай) не сходятся (не дотянуть до нового урожая; трудное материальное положение); 青梅竹马 – зелёные сливы, бамбуковые лошади (детские игры и забавы; детская непосредственность и чистота; детская дружба); 绿叶成阴 – зелёные листья распустились (женщина вышла замуж и родила детей); 红男绿女 – парень в красном, девушка в зелёном (красиво одетые парень с девушкой) [Готлиб 2007]. Зелёный – это цвет жизни, энергии, молодости. Он символизирует весну, мир, природу, гармонию, что в целом совпадает со значением зелёного цвета в английском языке.

Рассмотрим особенности семантики синего (голубого цвета) в английском языке. Данный цвет ассоциируется с королевской властью и благородством происхождения: *blue blood* – «голубая кровь» (представители королевской фамилии или люди очень высокого происхождения); *blue book* – официальный британский правительствен-

ный документ на определенную тему; список лиц, занимающих государственные должности в США; *Dark Blue and Light Blue* – команды Оксфорда и Кембриджа; *blue ribbon* – главный приз. Голубой – это цвет партии тори (консерваторов). Поэтому он также ассоциируется с верностью, постоянством. В США – со строгостью и пуританскими нравами: *blue to principles* – верный принципам; *to vote blue* – голосовать за консерваторов; *by all that is blue* – клянусь чем-угодно; *blue rinse* – пожилая женщина, придерживающаяся строгого, пуританского образа жизни.

Синий (голубой), обозначающий цвет моря и неба, использовался военными: *Blue Peter* – британский морской флаг с белым квадратом посередине, поднимаемый при выходе из порта; *blue alert* – вероятная угроза воздушной опасности.

С другой стороны *blue collars* – это работники, занятые физическим трудом, *blue coat* – солдат, матрос, полицейский; *blue stocking* – образованная женщина, интересующаяся только серьезными предметами.

Синий – это также цвет сомнения и депрессии, тоски и хандры: *the blues* – чувство печали и потери; *blue devils* – потеря духа, депрессия; *to have (a fit of) the blues* – хандрить; *it gives me the blues* – это нагоняет на меня тоску; *to be in the blues* – сбиться с пути; потерпеть неудачу; *until/till you are blue in face* – быть на пределе физических и эмоциональных сил. Вероятно отсюда и *Blues* – меланхолическая музыка, появившаяся на юге Америки в XIX веке.

Синий цвет может в то же время обозначать и что-то оскорбительное, неправильное, грубое: *blue jokes* – сальные шутки; *blue movie* – фильм с сексуальными сценами; *blue-sky ideas* – голубые мечты; незначимые, непрактичные проекты; *to turn the air blue* – использовать много грубых и ругательных слов в состоянии ярости; *to talk a blue streak* – говорить много без остановки; *to scream/shout blue murder* – дико вопить.

Со значением синего (голубого) как чего-то неожиданного, необычного, неопределенного, связаны следующие выражения: “*blue moon*” – очень долго; “*once in a blue moon*” – очень редко; “*out of the blue*” – неожиданно [Кузьмин 1989].

В настоящее время синий (голубой) – самостоятельный цвет в китайской культуре, имеющий свое название и значение. Так, синий – это цвет неба, моря. Он также обозначает вечность, бессмертие, спокойствие, благородство, благодетель: 青天白日 – белое солнце в синем небе (ясный, светлый; добродетельный; благоприятная обстановка); 青天霹雳 – гром в ясном небе (полная неожиданность); 青云直上 – чистое облако прямо поднимается (сделать головокружительную карьеру); 青出于蓝 – синяя (краска) делается из индиго (ученик, превзошедший своего учителя) [Готлиб 2007].

Исследование фразеологизмов с компонентом цвета позволяет выявить общее и специфическое в картинах мира двух генетически неродственных языков. Данные фразеологизмы составляют значительную группу, как во фразеологии английского, так и китайского языков. Цвет, являясь неотъемлемым компонентом окружающего мира, выступает для человека как одно из элементарных и одновременно значимых зрительных ощущений. Однако цветовой символизм в китайском языке обладает рядом специфических черт, обусловленных такими экстралингвистическими факторами как наличие особых географических, исторических или иных реалий, обычаев и традиций. Подобные исследования обладают определенной перспективой, так как в последнее время ранее закрытая цивилизация Китая активно интегрируется в мировое сообщество, и в картине мира китайского языка происходят значительные изменения.

Библиографический список

1. Байрамова, Л. К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков / Л. К. Байрамова, Ф. С. Сафиуллина. – Казань : КГУ, 1989. – 198 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Кобзев, А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии [Электронный ресурс] / А. И. Кобзев. – М., 1994. – URL : <http://enc-dic.com/phychina/Pjajt-jelementov-301.html>
4. Whorf, B. L. Collected papers on metalinguistics / B. L. Whorf. – Washington, 1952. – 441 p.
5. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь / О. М. Готлиб, Хуаин Му. – М. : АСТ Восток-Запад, 2007. – 680 с.
6. Кузьмин, С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С. С. Кузьмин, Н. Л. Шадрин. – М. : Русский язык. – 1989. – 352 с.

УДК 811.111

ББК 81.432.1

С.В. Шелкова, И.Г. Жогова
Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: устная речь, письменная речь, эволюция, семасиография, фонография, алфавит.

Key words: oral speech, written speech, evolution, semasiography, phonography, alphabet.

В триаде «язык – человек – мир» язык, являясь универсальной формой фиксации, хранения и передачи информации [Трунова 1991], представлен в виде устной и письменной речи, где письменная речь является составляющей языковой деятельности индивида.

Важно подчеркнуть, что письменный язык рассматривается различно по отношению к устной речи. С одной стороны, письмо есть вторичная вспомогательная система по отношению к звуковому оформлению высказывания [Блумфильд 1968: 313]. Согласно другому научному положению, письмо рассматривается как независимая система со своей спецификой и характеристиками [Кашеварова 1973: 101-102]. Письмо может актуализироваться как графический уровень языковой системы, где графика является составной частью системы любого стандартного языка [Pike 1974, Gallman 1986: 43-79]. В рамках других научных исследований письменный язык трактуется как специфическая языковая «норма» [Вахек 1967: 524-534].

Действительно, целесообразно рассматривать письменный язык как исторически и онтологически более позднюю по

сравнению с устной речью систему. Письмо появляется в качестве средства оптимизации коммуникативной деятельности общества по законам диалектики познавательного процесса [СФС 2004: 191-192], соответствуя новому этапу коммуникативной деятельности социума. Письменный и звуковой языки выступают далее как разные семиологические системы в пределах вербальной деятельности индивида [Амирова 1993: 11], отражая объективный мир в сознании человека.

Таким образом, письменная речь является особым, графическим уровнем актуализации языковой системы, знаковой системой фиксации речи, позволяющей с помощью начертательных элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени [ЛЭС 2000: 375].

Основной спецификой письменной речи является ее консервативность и в меньшей форме подверженность изменениям в пространстве по сравнению с устной формой. Письменная монологическая речь – речь без присутствующего реального собеседника, где мотив и замысел определяются собственно субъектом. Если же мотивом

письменной речи является контакт с аудиторией, то автор речи (произведения) должен мысленно создать образ реципиента [Лурия 1998: 221]. Таким образом, процесс контроля над созданием письменной речи остается в пределах деятельности самого пишущего и творящего субъекта.

Письменная и устная речь различаются по следующим критериям: производство, восприятие, происхождение [Лурия 1998: 222-226]. Рассмотрим каждый из критериев отдельно и последовательно.

Структурная наполняемость компонентов устной и письменной речи актуализируется разным соотношением языковых и внеязыковых элементов. Если устная речь располагает целым рядом дополнительных внеязыковых выразительных средств, а именно: жестами, мимикой, интонацией, паузами, то письменная речь актуализирует минимальное количество экстралингвистических средств [Белокурова 2002: 12, Максимова 2004: 150]. Следовательно, вся информация, выражаемая в письменной форме должна представлять достаточно полное использование развернутых грамматических средств языка, чтобы читающий мог воспринять эту информацию адекватно и правильно [Лурия 1998: 222].

Восприятие письменной речи индивидом отличается от восприятия устной речи. Если написанное можно перечитать, то есть мысленно возвратиться несколько раз к изложенной ранее информации, то обратиться к сказанному произвольно невозможно.

Кроме того, происхождение письменной речи имеет свои особенности. Во-первых, письменная речь вторична по отношению к устной речи. Во-вторых, в письменную речь включен ряд сознательных операций (таких как подбор букв звукам, синтез букв в слове), которые протекают неосознанно в устной речи [Амирова 1993: 4-5].

Безусловно, все эволюционные процессы, происходящие в языке, есть отражение

эволюции окружающего мира, преломленной через сознание человека. Интеракция индивида с объективным реальным миром предполагает его познание, но изначально познавательный процесс ограничивался простым наблюдением и восприятием реального мира, что было достаточно для наивного сознания и примитивного существования. В процессе эволюции организм человека претерпевает определенные изменения, и сенсорные каналы утрачивают былую остроту восприятия [Фоллмер: URL].

Собственно сенсорно-перцептивный уровень представляет собой основу для формирования и фиксации представлений и понятий об онтологической реальности. Постепенно элементарные (чувственные) формы познания перестают отвечать требованиям функционирования социума и сознание людей постепенно выходит на сложные логические формы мышления [Рубинштейн 1989].

Определенная потребность и необходимый объем в знаниях о мире детерминировались эволюционными ступенями развития обществ, культурно-исторической парадигмой, а также интеллектуальным потенциалом представителей данного социума и их картин мира, которые выстраивались и конструировались в сознании людей, принимая разнообразные формы – от примитивных до усложненно-структурных. В процессе функционирования в обществе и жизнедеятельности человеку необходим «наивный» набор знаний для обеспечения безопасности своей жизни, лавирования в социальной действительности и коммуникации с другими людьми. То, что можно определить как «бытовая картина реальности», и является фундаментом для формирования более сложных и многомерных картин реального мира [Ушакова 1998: 21-22].

Ступени познания отражаются в формате видов письменности, структурирующих знание. Появление разных видов

письма, как представляется, может быть связано с ментальным процессом становления сознания от мифологического к научному.

Согласно традиционному подходу, письмо совершенствовалось от пиктограммы через иероглифику и слоговое письмо к высшему азбучному письму [Истрин 1965, Фридрих 1979, Гамкрелидзе: URL]. Согласно иной точке зрения, тенденция развития письма от пиктограммы к алфавиту является деградацией письма [Рыжков 2002]. В таком контексте высшей формой развития письма являются древние слоговые системы, а тенденции к унификации и экономии материальных средств – путь к умерщвлению языка.

Для исторической классификации видов письма важен характер передачи знаками элементов речи. Каждый письменный символ-знак представляет собой двустороннюю реальность, системную единицу, характеризующуюся двумя сторонами – планом выражения и планом содержания. По характеру плана содержания письма, выделяются два основных типологических класса: 1) семасиография, или идеография, как наиболее древнее и 2) фонография (фонологическая система письма), появившаяся значительно позже в истории [Гамкрелидзе: URL].

Появление семасиографической системы письма детерминировано, в первую очередь, примарностью мифологического познания (художественно-образного мышления) на начальном этапе истории человечества. Мифологическое сознание определяло мировосприятие людей у истоков зарождения цивилизации [Кохановский 2005]. Семасиография предполагает привязанность письменного знака к определенному объекту (пиктограмма) или смыслу (идеограмма).

Совершенствование общества и постепенное восхождение человечества на следующий уровень научности прекратило существование мифа как подвида мыш-

ления. Изменение формы познания окружающей действительности предопределило появление фонологической системы письма.

Фонография актуализирует передачу отдельным знаком (буквой), как правило, одного звука (это может быть либо фонема, либо аллофон, либо любая фонема в пределах некоторой группы акустически сходных звуков) [ЛЭС 2000: 377]. Исторически созданные позже алфавитные системы письма относятся к фонологической системе письма.

Различие между фонографией и семасиографией заключается в соотношении понятия, значения и звука языкового знака. В фонологической системе письма актуализация означаемым знаков алфавитных письменностей осуществляется посредством звуковых элементов языка безотносительно к их значению – звуков или слогов. Означаемым знаков идеографических письменностей считаются смысловые элементы безотносительно к их языковой форме – понятия и идеи. Знаки идеографического письма называются пиктограммами и идеограммами. Термин «пиктограмма» обозначает такой значок, в форме которого легко распознается какая-то картинка. Термин «идеограмма» относится к значку, передающему какое-то понятие, идею или мысль вне зависимости от того, напоминает он по форме какую-либо картинку или нет: таково, например, изображение солнца, выражающее идею «теплоты» или «дня» или изображение руки, указывающей на рот, которое выражает идею «голодный». Пиктограммы и идеограммы часто становятся в высшей степени условными и стилизованными, теряют большую часть своего явно изобразительного внешнего облика и образуют весьма сложную систему знаков. Число фонем и слогов в алфавитном письме исчисляется несколькими десятками и несколькими сотнями, тогда как число даже наиболее стандартных и распространенных поня-

Таблица 1

Наличие гласных в некоторых алфавитах

<i>Алфавиты</i>	<i>Наличие гласных</i>
<i>старославянский</i>	19
<i>русский</i>	10
<i>греческий</i>	7
<i>латинский</i>	6
<i>древнеанглийский</i>	8
<i>современный английский</i>	6
<i>польский</i>	6
<i>итальянский</i>	5
<i>чешский</i>	5

тий – десятками тысяч. Следствием этого является различие в числе знаков, используемых в алфавитных и идеографических письменностях.

Изобретение алфавитов позволило делать запись любых текстов на естественном языке без обращения к их значению, что сделало возможным повсеместную фиксацию, хранение и передачу самых разнообразных текстов на любых естественных языках. Связь смысла, образа и звучания посредством алфавитов позволяло посредством языка строить, возможно, иную познавательную систему о мире.

В буквенно-звуковом типе письма исходные графические элементы формируются по принципу искусственных сигналов-символов и соотносятся, но не являются тождественными, с принципами естественного звукового языка. Например, в современном английском алфавите двадцать шесть букв, из них двадцать букв репрезентируют согласные, шесть – гласные, хотя в английском языке имеется сорок шесть фонем. Каждый звукобуквенный алфавит представляет модель фонологической системы звукового языка. Абсолютная корреспонденция звукового рисунка невозможна ни в одном алфавите [Амирова 1997: 5].

Построение любой языковой модели в реальности осуществляется с разной степенью моделирующей способности фонологической системы письма в силу произвольности знаков алфавитов. Именно произвольность знаков алфавита допускает употребление одних знаков вместо других. Буквы не всегда символически изображают звуки в сформировавшейся действующей системе письменной речи. Все известные типы звукового письма отличаются друг от друга степенью выраженности гласных и просодикой [Амирова 1997: 5-6, Рябцева 2005: 43]. Степень выраженности гласных в некоторых языках индоевропейской семьи представлена в таблице 1.

С появлением алфавитов при письме не нужна точность передачи всего многообразия звуков речи, важна лишь передача типичных звуков. Определенное соотношение между письменной и устной формами речи устанавливается на основе национального алфавита в виде правил правописания [Иванова 1976: 10].

Становление современного национального алфавита завершилось в период образования национального языка и распространения Лондонского диалекта в XV–XVI веках [Ильиш 1968: 277].

Древнеанглийский алфавит существовал в условиях территориальной изоляции на начальном этапе. Письменность представлена двумя видами: рунические памятники (Рутвельский крест и ларец Фрэнкса) и памятники латинского шрифта [Ильиш 1968: 54]. Язык древнейших рунических надписей предшествовал древнеанглийскому языку. Руническое письмо было вытеснено латинским алфавитом с распространением христианства у англосаксов. Несоответствие древнеанглийской звуковой системы латинской системе букв компенсировалось заимствованием знаков рунического алфавита. Таким образом, в древнеанглийском алфавите наряду с латинскими буквами употреблялись руны, например æ, ʒ, ð, e, þ. Уникальное руническое письмо, являвшееся древнейшим у германцев, нашло свое отражение в лексике и фонетике английского языка. Так, английский глагол *read* первоначально означал «угадывать, от-

гадивать», а глагол *write* имел значение «царапать, выцарапывать» [Арсеньева 1980: 24]. В Нормандский период Британской истории древнеанглийские руны алфавита были заменены латинскими буквами в силу господства французского языка. Нормализация графики произошла с введением книгопечатания и распространения центрального Лондонского диалекта. Однако, древнеанглийские рунические символы используются в качестве транскрипционных символов и в современном языке, например, [ð], [æ], [ə].

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что письмо является вторичной язы-

ковой системой в силу реверсивного изложения информации по отношению к устной речи. Особенности письменной речи детерминированы производством, восприятием и происхождением. Развитие и появление различных видов письма от пиктограммы к алфавиту актуализируют ступени познания индивида в социуме. Венцом графической эволюции письменной речи является алфавитное письмо. Формирование английской письменной традиции эксплицирует экстралингвистические факторы, детерминировавшие развитие английского языка как системы.

Библиографический список

1. Амирова, Т. А. Алфавит, графика и орфография как факторы создания культурных пространств / Т. А. Амирова // Актуальные проблемы теории референции. – Вып. 435. – М. : МГЛУ, 1997. – С. 4–9.
2. Амирова, Т. А. Письменный текст как объект лингвистического изучения / Т. А. Амирова // Коммуникативные системы и лингвистический анализ. – Вып. 417. – М. : МГЛУ, 1993. – С. 4–13.
3. Арсеньева, М. Г. Введение в германскую филологию : учебник для студентов филологических факультетов университетов / М. Г. Арсеньева [и др.]. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : ГИС, 2000. – 319 с.
4. Белокурова, Е. В. О некоторых правилах пунктуации, актуальных для официально-деловой речи / Е. В. Белокурова // Секретарское дело. 2002. – №1. – С. 11–15.
5. Блумфильд, Л. Язык / Л. Блумфильд. – М. : Прогресс, 1967. – 607 с.
6. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок. – М. : Прогресс, 1967. – С. 524–534.
7. Иванова, В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография : учебное пособие / В. Ф. Иванова. – М. : Просвещение, 1976. – 288 с.
8. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – М. : Высшая школа, 1968. – 419 с.
9. Истрин, В. А. Возникновение и развитие письма / А. В. Истрин. – М. : Наука, 1965. – 600 с.
10. Кашеварова, А. Е. Проблема письма в свете возникновения новых технических средств / Е. А. Кашеварова // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». – Ч. II. – 1973. – С. 97–108.
11. Кохановский, В. П. История философии : учебное пособие / отв. ред. В. П. Кохановский. – Изд. 5-е. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 731 с.
12. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во Московского университета, 1998. – 336 с.
13. Максимова, Т. Д. Место графики в системе средств письменной речи / Т. Д. Максимова // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. – Барнаул – Москва, 2004. – С. 150–155.
14. Рыжков, Л. Н. О древностях русского языка / Л. Н. Рыжков. – М. : Древнее и современное, 2002. – 366 с.
15. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 488 с.
16. Рябцева, С. Л. Очерки живого русского языка / С. Л. Рябцева. – Новосибирск, 2005. – 136 с.
17. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности / О. В. Трунова. – Барнаул – Новосибирск, 1991. – 130 с.
18. Ушакова, Е. В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия / Е. В. Ушакова. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1998. – Ч. I. – 264 с.
19. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания : врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки [Электронный ресурс] / Г. Фоллмер. – М., 1998. – 165 с. – URL: <http://www.philosophy.ru/library>
20. Фридрих, И. История письма / И. Фридрих. – М. : Наука, 1979. – 463 с.
21. Gallman, P. The graphic elements of German written language / P. Gallman // New trends in graphemics and orthography; ed. by O. August. – N.-Y., 1986. – P. 12–18.
22. Pike, K. Phonemics / K. Pike. – Michigan, 1974. – 182 p.
23. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь / Академия наук СССР, Институт языкознания ; гл. ред. В. Н. Ярцева; 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 2000. – 685 с.
24. [СФС] Современный философский словарь / под общей ред. д. ф. н. В. Е. Кемерова. – М. : Академический проспект, 2004. – 863 с.

ЛИНГВОДИДАКТИКА
И ВОПРОСЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

LINGUODIDACTICS AND PROBLEMS
OF LINGUISTIC EDUCATION

УДК 37.016 : 81

ББК 81.19

Н.В. Барышников

Пятигорск

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: мультидисциплинарное образование, профессиональная компетентность, межкультурная коммуникация.

Keywords: multidisciplinary education, professional competence, intercultural communication.

В настоящее время в системе высшего профессионального образования реализуется компетентностный подход, суть которого заключается в обеспечении студентов комплексом общих, ключевых и профессиональных компетенций, необходимых и достаточных для их будущей профессиональной деятельности.

Изучение каждой дисциплины, предусмотренной ФГОС, обеспечивает формирование у обучающихся ключевых, общих и профессиональных компетенций, которые трактуются как совокупность определенных знаний, умений и навыков, в которых человек должен быть осведомлен и иметь практический опыт работы [Полонский 2004: 67].

А.В. Хуторской дает следующее определение компетенции. «Компетенция – это социальное требование к образовательной подготовке обучающегося, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере. В структуру компетенции входят такие дидактические единицы, как знания, навыки, умения, способности деятельности» [Хуторской 2007: 115].

Из приведенных выше определений следует, что становление профессиональной компетенции осуществляется в результате формирования составляющих ее компонентов, которые по принципу матрешки, образуют интегративное целое – профессиональную компетентность.

Таким образом, компетентность специалиста по межкультурной коммуникации правомерно трактовать как интегративное мультидисциплинарное образование,

состоящее из целого комплекса неравнозначных по своему функционалу знаний, навыков, умений, которые в полном объеме представить фактически невозможно [Барышников 2013].

Цель данной статьи – рассмотреть наиболее существенные профессиональные умения специалиста по межкультурной коммуникации.

Представим в панорамном виде основные умения, являющиеся неотъемлемыми компонентами профессиональной компетентности специалиста по межкультурной коммуникации. (Другие компоненты в данной статье не рассматриваются).

Умение слушать партнера для специалиста по межкультурной коммуникации – первое среди равных умений, поскольку оно является основой любой коммуникации. Аналогичную точку зрения мы находим у многих отечественных и зарубежных авторов [Зимняя 1978, Azzopardi 2008], которые утверждают, что умению слушать необходимо обучать, т. к. само по себе оно не формируется. Научные факты свидетельствуют о том, что большинство коммуникантов слышат всего 25% того, что им говорят [Azzopardi 2008: 171]. Умение слушать в профессиональной межкультурной коммуникации обеспечивает эффективность межкультурного взаимодействия.

Умение нейтрализовать манипуляции, трюки и уловки в профессиональном межкультурном диалоге приобретает исключительное значение в связи с массовым использованием в практике межкультурной (монокультурной) ком-

муникации специально разработанных манипуляций, техник и технологий, уловок и ловушек. Использование манипуляционных приемов стало нормой. Разрабатываются все новые, более изощренные приемы и способы манипуляций. Широкое распространение приобрела черная риторика, смыслообразующим началом которой является власть «магии» слова, а ее суть заключается в магическом умении манипулировать всеми коммуникативными средствами для того, чтобы в процессе речевого взаимодействия партнер пришел к выводу, ожидаемому манипулятором. Автор концепции черной риторики Карстен Бредемайер без обиняков утверждает: «Магическая сила языковых средств заключается в умении аргументировать и дискутировать, акцентировать, пропагандировать и вести спор так, чтобы говорящий всегда одерживал верх всеми правдами и неправдами» [Бредемайер 2007: 12].

Все манипулятивные уловки имеют одинаковую природу – они основаны на лжи и обмане. «Уловкой-манипуляцией в общении называется всякий прием, с помощью которого хотят облегчить общение для себя и затруднить его для оппонента» [Панкратов 2001: 13]. Подобное определение манипуляций представляется достаточно точным и вполне релевантно к условиям межкультурного взаимодействия профессионального уровня.

В связи с лживой природой манипулятивных приемов модель их нейтрализации универсальна, она представляет собой цепочку последовательных коммуникативных действий, обеспечивающих обнаружение манипуляций и их своевременную дезавуализацию.

Среди самых эффективных приемов нейтрализации является прием «уловка на уловку», реализация которого требует высокого мастерства исполнения. Точный коммуникативный контрудар является собой образец владения умением нейтрализовать манипулятивные техники. Эффек-

тивным приемом нейтрализации манипуляций является разоблачение уловки. Специалисты утверждают, что разоблачать уловки следует также эффективно.

«Манипуляции удаются в основном благодаря фокусированию внимания реципиента на второстепенных вещах, которые заслоняют от него действительно важные для принятия решения обстоятельства» [Бредемайер 2007: 104]. Данные рекомендации коуч-консультанта вполне релевантны для профессиональной межкультурной коммуникации.

Умение вызвать доверие партнера является значимым компонентом профессиональной компетентности специалиста по межкультурной коммуникации. Данное умение реализуется, как правило, в первые минуты знакомства партнеров, при этом не следует проявлять поспешность и нетерпение, нарочито демонстрировать свои достоинства и куртуазные манеры, чтобы понравиться партнеру и вызвать у него доверие. Партнер, будучи профессионально подготовленным специалистом, объективно оценивает обстановку и делает правильный вывод не в пользу своего коллеги.

Реализация умения вызвать доверие и расположение партнера предполагает виртуозное использование всех средств – вербальных, невербальных, поведенческих, чтобы не оставить партнера равнодушным к себе.

Умение контролировать эмоции – один из важных компонентов профессиональной компетентности, поскольку специалист по межкультурной коммуникации не имеет право на «эмоциональный взрыв», в каком бы он эмоциональном состоянии ни был. Даже сиюминутная эмоциональная вспышка в процессе профессиональной межкультурной коммуникации может принести невосполнимый урон его продуктивности и результативности.

В межкультурном общении долгое время не уделялось внимание изучению эмоционального компонента, который, по

мнению В.И. Шаховского, «всегда выступает в качестве специфического доминантного тренда в национальном характере и в национальных стереотипах любой культуры» [Шаховский 2008: 287].

При обосновании умения специалиста контролировать эмоции возникают трудно разрешимые методологические проблемы, связанные с объективными и субъективными представлениями об общем и различном, об эмоциональном поведении у представителей разных языков и культур. С одной стороны, представители **всех** культур переживают одинаковые эмоции, такие как радость, удовольствие, раздражение, восхищение, злость, уныние, страх, ликование; с другой стороны, известно множество доказательств «психологических различий между национальными культурами, в особенности по шкале эмоционально-оценочной маркированности» [Шаховский 2008: 289].

Известны различия в проявлении эмоций в культурах южных и северных народов. Примерами антиподов эмоциональной маркированности могут служить представители итальянской и эстонской культур. Особенности и различия в эмоциональной сфере партнеров по межкультурному диалогу естественны и неизбежны. К ним должно быть толерантное отношение. Профессионализм партнеров по межкультурной коммуникации обеспечивает эмоциональный баланс межкультурного диалога, так как они владеют, или, по крайней мере, должны владеть умением контролировать свои эмоции.

Важно уметь контролировать как положительные, так и отрицательные эмоции. Положительные эмоции являются психостимулятором речетворческой деятельности, которые могут оказать «медвежью услугу» в профессиональной межкультурной коммуникации.

Еще большему контролю необходимо подвергать отрицательные эмоции, особенно такие, как гнев, подавленность, разочарование. Даже сиюминутная де-

монстрация гнева, подавленности или разочарования в процессе межкультурного диалога может изменить его характер, снизить эффективность или даже сделать невозможным его продолжение.

Специалисту по межкультурной коммуникации необходимо контролировать свои эмоциональные реакции на коммуникативные действия партнера. Наибольший вред межкультурному диалогу могут нанести такие эмоциональные реакции как аффект, стресс, фрустрация, под воздействием которых партнер может не адекватно воспринять ситуацию и соответственно потерпеть коммуникативную неудачу.

Умение сказать «нет» партнеру по межкультурной коммуникации заключается в том, чтобы сделать это деликатно, иносказательно и с очевидной ясностью того, что высказанное предложение не может быть принято и следует искать взаимоприемлемое решение.

Общее правило реализации умения сказать «нет» партнеру по межкультурной коммуникации можно сформулировать следующим образом: нужно уметь сказать «нет» (т.е. не согласиться), не произнося слова «нет». Для этого во всех языках имеется достаточный арсенал средств, чтобы деликатно отклонить предложение партнера по межкультурной коммуникации.

Межкультурный диалог, построенный на позитиве, всегда продуктивнее и результативнее, поскольку негатив является наиболее трудно преодолимым препятствием. Не соглашаться с партнером по межкультурной коммуникации, отклонять его предложение надо в коммуникативном позитиве, доброжелательно.

Достижение взаимного согласия без ущемления самолюбия партнера категорическим «нет» есть прямой путь к вершинам профессионального мастерства специалиста по межкультурной коммуникации.

В специальной литературе можно встретить приемы и речевые обороты, позволяющие отказать, не употребляя слово «нет».

Смысл этих приемов заключается том, чтобы отказ/несогласие сформулировать в позитивной форме, используя готовые коммуникативные заготовки: «Это замечательная идея, но сейчас мы не можем ею воспользоваться», «Это не так однозначно», «Возможно Вы правы, но рассмотрим этот вопрос с другой стороны», «С Вами трудно согласиться, но я готов искать компромисс», «Мы с Вами на пути к консенсусу, давайте вернемся к исходным позициям» и т. п.

Уклончивое «нет» свидетельствует о высоком профессионализме специалиста по межкультурной коммуникации, оно вызывает уважение со стороны партнера и повышает авторитет в сообществе профессионалов. Безапелляционное «нет» – это признак слабости специалиста по межкультурному общению.

В кругах специалистов по межкультурной коммуникации высшего ранга – дипломатов – из поколения в поколение передается поучительная шутка относительно умения сказать «нет» своему партнеру по коммуникации: если дипломат говорит «да», то это скорее означает «может быть»; если дипломат говорит «может быть», то это скорее означает «нет»; если дипломат говорит «нет», то это уже не дипломат.

Умение обходить острые углы в межкультурной коммуникации заключается в способности не акцентировать внимания партнера по межкультурной коммуникации на трудностях, разногласиях, различиях во мнениях, которые объективно препятствуют продвижению к достижению взаимоприемлемого решения. Фиксирование внимания на «острых углах» вносит дискомфорт в межкультурный диалог.

В профессиональной межкультурной коммуникации важно держать в памяти вопросы, по которым еще не удалось достичь согласия и по мере возможности в ходе беседы аккуратно переводить разговор в иную плоскость.

Умение быть корректным в межкультурном диалоге имеет существенное зна-

чение в профессиональной деятельности специалиста по межкультурной коммуникации. Коэффициент полезного действия в значительной мере возрастает при взаимном расположении партнеров друг к другу, обеспечивающем равностатусную межкультурную коммуникацию, способствующую достижению консенсуса.

Специалист по межкультурной коммуникации должен владеть умением незамедлительно обнаруживать «тонкие места» речевого межкультурного взаимодействия и адекватно реагировать, точнее «не замечать их», а деликатно и корректно направлять диалог в плодотворное русло.

Умение не обращать внимания на разногласия в межкультурном диалоге по своей природе близко к умению обходить острые углы. Однако имеется особенность, заключающаяся в том, что в межкультурном диалоге опираться следует на положительное.

В целом, селективный подход к проблематике межкультурного диалога весьма продуктивен. Не случайно англофоны взяли себе за правило слоган “focus on the positive”. Руководство данным правилом означает, что в профессиональной межкультурной коммуникации должна постоянно осуществляться дифференциация ее результатов на положительное и отрицательное. Реализация данного умения не означает, однако, что о разногласиях в межкультурном диалоге можно забыть.

Умение толерантно относиться к мнению партнера вовсе не означает то, что с ним нужно согласиться. Главное выразить несогласие деликатно и вежливо, что позволяет сохранить межкультурный диалог в рабочем состоянии.

Таким образом, панорамное рассмотрение отдельных профессиональных умений специалиста по межкультурной коммуникации как компонентов его компетентности свидетельствует о сложной структуре профессиональной компетентности, о ее мультидисциплинарном характере,

что является объективной трудностью использования арифметического подхода к формированию профессиональных компетенций.

Библиографический список

1. Барышников, Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации : учебник / Н. В. Барышников. – М. : Вузовский учебник : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 368 с.
2. Бредемайер, К. Черная риторика: Власть и магия слова / К. Бредемайер; пер. с нем. – 5-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 184 с.
3. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке : пособие для учителей средней школы / И. А. Зимняя. – Москва : Просвещение, 1978. – 159 с.
4. Панкратов, В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация : практическое руководство / В. Н. Панкратов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.
5. Полонский, В. М. Словарь по образованию и педагогике / В. М. Полонский. – М. : Высшая школа, 2004. – 512 с.
6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
7. Хуторской, А. В. Современная дидактика : учеб. пособие / А. В. Хуторской. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 2007. – 639 с.
9. Azzopardi, G. Manuel de maitrise de soi pour degouer les manipulations et prendre le dessus / G. Azzopardi. – P. : Editions First, 2008. – 314 p.

УДК 81:002

ББК 74.044.4+81.19

Н.А. Карманова

Барнаул

РАЗВИТИЕ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), ИКТ компетенция учителя иностранного языка, критерии и показатели сформированности базового уровня ИКТ компетенции.

Key words: Information and Communications Technology (ICT), ICT competence of foreign language teachers, criteria and indicators of the basic level of ICT competence.

Отличительной чертой современного этапа развития мирового и российского общества является то, что без информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) эффективное осуществление профессионального и межличностного общения сегодня не представляется возможным. Информационно-коммуникационные технологии, таким образом, создают новую среду обитания, которую можно рассматривать как «частный случай культурного пространства, созданного человеком в процессе своего цивилизованного развития и используемого в разных сферах жизнедеятельности» [Сафонова 2009: 165].

Быстрое распространение Интернет-технологий не могло не отразиться на современной государственной политике в области языкового образования и изменении требований к квалификации учителя-преподавателя иностранного языка

(ИЯ). В современных стандартах высшего профессионального образования и вводимом с 1 января 2015 года профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» в составе основных компетентностей педагогических работников особое внимание уделено ИКТ-компетентности. Она включает в себя: *общепользовательскую ИКТ-компетентность, общепедагогическую ИКТ-компетентность и предметно-педагогическую ИКТ-компетентность*. Предметно-педагогическая ИКТ-компетентность учителя ИЯ рассматривается как его способность использовать ИКТ для интенсификации процесса обучения школьников ИЯ и культуре страны изучаемого языка. Ядром предметно-педагогической ИКТ-компетентности учителя ИЯ

является *ИКТ-компетенция* учителя, т. е. «знания и умения решать профессиональные задачи с использованием средств и методов ИКТ» [Сысоев 2011: 17].

Конкретный перечень знаний и умений, необходимых для формирования ИКТ компетенции учителя ИЯ, обусловлен самой сутью сети Интернет и спецификой учебного предмета. Сеть Интернет, прежде всего, предоставляет возможности для новых форм общения: наиболее распространенными формами телекоммуникации являются электронная почта, чат, видео- и веб-конференции, социальные сервисы Веб 2.0 и т. д. С другой стороны, сеть Интернет содержит в себе огромные информационные ресурсы по самой разнообразной тематике и проблематике, в том числе, и по методике обучения ИЯ. Таким образом, учитель ИЯ имеет возможность не только извлекать из сети Интернет необходимый для урока или самообразования материал, но и создавать собственные информационные ресурсы и обмениваться ими с коллегами. Следовательно, основными умениями, необходимыми для работы в сети Интернет, становятся проектировочные, адаптационные и исследовательские умения, в целом определяемые как коммуникативно-когнитивные умения осуществления поиска и отбора требуемой информации, её анализа, синтеза, обобщения и классификации.

Проектировочные умения – это умения планировать полный курс обучения, цикл уроков или отдельно взятый урок. Данные умения реализуются в таких частных умениях, как умение определить цель и задачи урока, описать планируемый результат обучения, определить пригодность (важность) имеющегося (или отобранного) учебного материала для достижения поставленной цели и т. д.

Адаптационные умения – это умения осуществлять обучающую деятельность с учетом реальных условий обучения, т. е. количества учебных часов, уровня обученности и обучаемости учащихся, их личных

интересов и т. д. Данные умения реализуются в таких частных умениях, как умения адаптировать приемы обучения, сложность учебного материала, последовательность и характер упражнений к уровню владения ИЯ конкретными учащимися.

Исследовательские умения – это умения анализировать учебно-методические комплексы и иной учебный материал.

Как видно, именно данные умения необходимы в случае обращения учителя к информационным ресурсам сети Интернет для поиска и отбора дополнительного учебного материала к уроку, его адаптации и целесообразного включения в учебный процесс.

Однако специфика информации, размещенной в сети Интернет (отсутствие рецензирования, экспертизы, не всегда высокое качество предоставляемой информации, стремление некоторых авторов сайтов манипулировать сознанием людей и т. д.) обуславливает необходимость выделения ещё одной группы умений, а именно *умений критически оценивать Интернет-ресурсы*.

Фактически речь идет о развитии критического мышления будущего учителя ИЯ. Критическое мышление – это система мыслительных стратегий и коммуникативных качеств, позволяющих эффективно взаимодействовать с информационной средой, это целенаправленный акт познавательной деятельности, в котором подвергаются сомнению высказанные суждения, проверяются и перепроверяются аргументы, формулируются собственные умозаключения, утверждаются взгляды и убеждения, принимаются решения. Умения оценивания Интернет-сайтов включают в себя умения определить автора сайта, основную его цель, достоверность информации, её согласованность/рассогласованность с другими аналогичными сайтами и т. д. [Коломиец 2005, Сысоев 2010].

В условиях педагогических вузов базовый уровень ИКТ-компетенции будущего

учителя ИЯ формируется в рамках следующих обязательных курсов и курсов по выбору: «Методика обучения иностранному языку», «Информационные технологии», «ИКТ в профессиональной и культурно-просветительской деятельности», «Проектирование мультимедийных образовательных ресурсов». Осваивая содержание данных дисциплин на лекционных занятиях, студенты приобретают необходимые *знания о/об*:

- основных поисковых системах,
- педагогических технологиях, используемых в обучении ИЯ с применением ИКТ,
- дидактических основах использования информационных ресурсов в учебном процессе,
- общих правилах поиска и отбора информации,
- критериях оценки отобранной информации,
- стратегиях адаптации отобранной информации к конкретным учебным условиям,
- видах и структуре авторских учебных Интернет-ресурсов и т. д.

На практических и лабораторных занятиях студенты выполняют задания, направленные на:

- поиск и анализ сайтов Интернет-поддержки действующих УМК по иностранным языкам,
- поиск и отбор Интернет-ресурсов для конкретных учебных целей,
- оценку пригодности Интернет-ре-

сурсов для достижения конкретных учебных целей,

- создание собственных авторских Интернет-ресурсов для использования во время педагогической практики и т. д.

Основными методами формирования ИКТ-компетентности студентов являются: информационно-продуктивный, интерактивный, креативный и метод проектов. В процессе выполнения заданий студенты изучают и оценивают сайты Интернет-поддержки действующих УМК по иностранным языкам, создают собственные учебные Интернет-ресурсы, выполняют проектные работы с последующей презентацией с использованием программы PowerPointPresentation, обсуждают и оценивают созданные учебные Интернет-ресурсы.

Индикаторами базового уровня сформированности ИКТ-компетенции является следующее:

- в ходе практики студент/учитель использует сайты Интернет-поддержки соответствующих УМК по иностранным языкам,
- студент/учитель подбирает необходимый учебный материал, используя соответствующие ресурсы сети Интернет;
- студент/учитель адаптирует отобранный материал к условиям обучения, снабжает его необходимыми методическими, культурологическими и иными комментариями и т. д.

Библиографический список

1. Коломиец, В. А. Критерии оценивания ресурсов всемирной сети / В. А. Коломиец // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 3. – С.3–8.
2. Сафонова, В. В. Развитие коммуникативной билингвальной культуры в контексте Интернет-педагогике: основные направления и перспективы развития / В. В. Сафонова // Содержание современного языкового образования в системе профессиональной подготовки студентов : материалы международной научно-практической конференции (Барнаул, 28–29 ноября 2008 г., ред. доц. Н. А. Кармановой). – Барнаул : БГПУ, 2009. – С. 164–167.
3. Сысоев, П. В. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий : учебно-методическое пособие / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев. – Ростов-на-Дону : Феникс, М. : Глосса-Пресс, 2010. – 182 с.
4. Сысоев, П. В. Компетентность учителя иностранного языка в области использования информационно-коммуникационных технологий: определение понятий и компонентный состав / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 6 – С. 16–20.

УДК 37.016:81
ББК 81.19

С.В. Кустова
Барнаул

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ

Ключевые слова: социокультурная компетенция, социокультурная информация, иноязычное чтение, социокультурное содержание.

Key words: socio-cultural competence, socio-cultural information, foreign language reading, socio-cultural contents.

В условиях перехода высшей школы на обновлённый федеральный стандарт, а также в связи с введением в общеобразовательной школе федеральных стандартов нового поколения, перед высшим педагогическим образованием стоит задача подготовки специалиста с такими личностными и профессиональными характеристиками, которые позволили бы ему реализовывать требования, предъявляемые обществом к современному образованию.

Анализ федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования позволил выявить определённые профессиональные и общекультурные компетенции выпускников по направлению подготовки «Педагогическое образование», необходимые для реализации как педагогической, так и культурно-просветительской деятельности. К ключевым компетенциям, характеризующим готовность выпускника, обучающегося по данному направлению (учителя иностранного языка, в частности) относятся следующие: «способность к обобщению, анализу, восприятию информации», «способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности базовыми культурными ценностями, современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества» [ФГОС: URL]. Таким образом, современному обществу необходим вариативно мыслящий, креативный, способный управлять информационными потоками и

обладающий обширными коммуникативными навыками учитель иностранного языка.

Так как коммуникацию нельзя отделить от культурного контекста, общение между носителями разных языков всегда представляет собой межкультурную коммуникацию, взаимовлияние культуры и коммуникации. Исследователями также отмечается, что препятствием для непосредственного взаимодействия культур являются национально-специфические особенности взаимодействующих культур, ситуации, когда коммуниканты являются «носителями различных концептуальных систем» [Гутнова 2000: 2]. Таким образом, обучение иностранному языку должно быть сопряжено с овладением средствами социокультурной коммуникации, которую, в след за П.В. Сыроевым, мы трактуем как способность понимать подстрочный смысл и различную окраску высказывания, умение правильно интерпретировать культурные, исторические эпизоды и реалии при чтении разножанровой литературы, просмотре фильмов, телевизионных передач, при общении с носителями языка и культуры, способность проявлять толерантность [Сыроев 2006: 12].

Появление термина «социокультурная компетенция» в современной лингводидактике связывают с работами Яна ван Эка и Джона Трима, которые определяли её как одну из составляющих коммуникативной компетенции. В дальнейшем дан-

ное понятие получило развитие в работах российских учёных, которые трактовали социокультурную компетенцию как совокупность определенных знаний, навыков, умений, способностей и качеств, формируемых в процессе формальной или неформальной языковой подготовки к межкультурному общению. Н.Г. Муравьева, на основе анализа структур существующих моделей социокультурной компетенции приводит следующие её компоненты:

- лингвострановедческий (лексические единицы с социально-культурной семантикой и умение их применять в ситуациях межкультурного общения: безэквивалентные слова, фоновые слова, реалии);
- культурологический (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон, знание традиций, обычаев народа изучаемого языка, сведения о национальном характере, об особенностях повседневной жизни, об уровне благосостояния населения, об основных ценностях и типичных для членов данного общества оценках, о нормах поведения);
- социолингвистический (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов: речевые стереотипы, ситуативные клише, коммуникативные клише, формулы речевого этикета, модели речевого поведения);
- социально-психологический (владение социо- и культурно-обусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре) [Муравьева: URL].

Успешное формирование всех составляющих социокультурной компетенции лежит в плоскости правильного соотношения развития умений таких ведущих видов речевой деятельности, как устная речь и чтение в процессе овладения ими.

Однако и чтение, и говорение обладают своей спецификой, и каждому из них свойственна своя сфера функционирования. Обильное чтение про себя даёт возможность пропустить через сознание в единицу времени значительное количество языковых комбинаций, грамматических структур и лексических сочетаний. В процессе обсуждения содержания текста на уроке иностранного языка формируются необходимые речедвигательные «следы» основной массы составляющего текст языкового и речевого материала.

В условиях изучения иностранного языка вне языковой среды правильно организованное чтение иноязычной литературы даёт возможность приобщиться к чтению как к реальной речевой деятельности — опосредованному общению, литературе, а, следовательно, и к культуре народа, языком которого студенты-педагоги овладевают в рамках общего социокультурного подхода к изучению иностранного языка, характерного для современного языкового образования.

В основе любой компетенции лежат знания и умение их использовать, но компетенция отличается от умений тем, что всегда сопряжена с психологической готовностью к сотрудничеству и взаимодействию в процессе решения различных проблем, с наличием определенных морально-этических установок и качеств личности. Анализ различных толкований понятия «социокультурная компетенция» позволяет говорить о том, что её сформированность проявляется в умении выделять общее и культурно специфическое в моделях развития различных стран и цивилизаций, различных исторических этапов одной и той же страны, социальных слоев общества; в готовности представлять свою страну и ее культуру с учетом возможной межкультурной интерференции со стороны слушателей, предвосхищая причины возможного недопонимания и снимая их за счет выбора адекватных

средств речевого взаимодействия (поиск оригинальных и понятных метафор, создание ярких образов путем сравнения и противопоставления культурных реалий / фактов / единиц информации; использование не прямого перевода, а антонимического перевода, перевода-толкования и т. д.); в готовности конструктивно отстаивать собственные позиции, не унижая других и не попадая в прямую зависимость от чужих приоритетов.

Восприятие любого иноязычного произведения непосредственно связано с проблемой расширения когнитивной базы студентов и накоплением собственного социокультурного опыта. Лакуны когнитивной базы, недостаток социокультурных знаний ведёт к неадекватному восприятию произведения. Решение данной проблемы видится в том, чтобы изучению художественного произведения предшествовал этап ознакомления с биографией автора, историей создания произведения, тем влиянием, которое данное произведение оказало на развитие общества и культуры. Таким образом, знакомство с художественным произведением перед непосредственным его прочтением с точки зрения его социального и культурологического значения, позволяет не только заполнить лакуны когнитивной базы студентов, мотивировать их на прочтение данного произведения, создать эмоциональный фон восприятия произведения, но и настроить их на восприятие социокультурной информации.

Одной из основных задач, стоящих перед студентами в процессе работы с художественным произведением является научиться находить социокультурную информацию. Так, работа над романом Джулии Дарлинг "The Taxi Driver's Daughter" начинается с краткого обзора биографии автора, знакомства с её творчеством. Студенты, знакомясь с краткой библиографической справкой, а также с разделом, в котором писатель выражает свою призна-

тельность всем, кто каким-либо образом помогал ей в работе над книгой, отмечают культурологическую, лингвострановедческую информацию. Данная задача ставится перед студентами в рамках совершенствования социокультурной компетенции, овладение которой свидетельствует о готовности студента представлять свою страну и ее культуру с учетом возможной межкультурной интерференции со стороны слушателей, предвосхищая причины возможного недопонимания. Таким образом, студенты должны научиться снимать эти трудности за счет выбора адекватных средств речевого взаимодействия. Например, информация об участии писательницы в конкурсах на различные литературные премии передается при помощи такой лексической единицы, как *longlist* со значением "to place on a list of selected names or things from which a short list is to be compiled" [Oxford Dictionary: URL]. В настоящее время в нашей стране писатели выдвигаются на соискание премий в различных литературных конкурсах, следовательно, при рассказе об этом явлении, студенты должны уметь выбрать адекватные средства выражения и передачи этого смысла.

В первой главе романа автор описывает работу главного героя – таксиста, рассказывая о том, что ему известны все дороги в городе:

(1) *He knows every part of it, each cul-de-sac, terrace, avenue and estate* (Darling, 1).

Для того, чтобы декодировать данную информацию, студенты должны обладать как **фоновыми знаниями** (*terrace* – (Br) a row of houses built in one block in a uniform style) [Oxford Dictionary: URL], так и умением работать с **безэквивалентной** лексикой (*estate* – (Br) an area of land and modern buildings developed for residential, industrial, or commercial purposes) [Oxford Dictionary: URL].

Работа с лингвострановедческой информацией подразумевает знакомство с

реалиями страны изучаемого языка. Автор романа повествует о том, насколько главный герой рад вырваться из плена дорожных пробок и беспечно проехаться до того, как у него появится следующий пассажир:

(2) *He drives at eighty miles an hour, recklessly, ...* (Darling, 2).

Принимая во внимание тот факт, что английская сухопутная миля составляет приблизительно 1609 метров, скорость героя составила приблизительно 129 км/ч. Таким образом, студенты провели небольшое исследование, выяснив допустимую скорость для скоростных автомагистралей в Англии, и сравнили её с разрешённой скоростью в России.

Следующий, основной этап – изучение непосредственно самого художественного произведения – должен сопровождаться заданиями, позволяющими активизировать полученные лингвострановедческие, культурологические, социолингвистические знания. Так, главная героиня по имени Caris, впервые появляется в главе “Decorating the Tree”. Автор описывает, как она украшает ёлку, готовясь к Рождеству. Студентам, изучающим данную часть произведения, предлагается задание найти культурологическую информацию, связанную с подготовкой к Рождеству в Англии: чем украшают ёлку, дом. В главе “Brussels Sprouts and Toasts” представлено описание празднования Рождества в семье, ожидающей заключения под стражу матери главной героини.

(3) *Caris looks round the table at her preposterous family in lopsided bright paper hats, unrolling jokes from crackers* (Darling, 12).

(4) *... shouts Mac as the brandy flames subside into a glowering blue shadow* (Darling, 12).

Помимо сведений о традициях Рождественской ночи (примеры 3, 4) студенты продолжают работу по накоплению лингвострановедческой информации, «распредмечивая» значение таких реалий, как *crisps* – a dessert of fruit

baked with a crunchy topping of brown sugar, butter, and flour [Oxford Dictionary: URL], *Christmas pudding* – a rich boiled pudding eaten at Christmas, made with flour, suet, and dried fruit [Oxford Dictionary: URL].

Отбор аутентичных метафор, служащих для создания выразительных образов, также способствует развитию социокультурной компетенции. Так, в процессе работы над романом Р. Рэнделл “Portobello”, студентам даётся задание отбирать лексические единицы, использование которых позволит им характеризовать героев, то, что их окружает, их поступки. В результате студентами были отобраны следующие метафоры: *have a bad hart* (Rendell, 10), *white hair* (Rendell, 13), *miraculously survived* (Rendell, 36), *bitter reprimands* (Rendell, 37). Автор, описывая то, что продаётся на популярном среди многих рынке под названием “Portobello Road”, упоминает искусственные цветы, искусственный мех. Внимание студентов обращается на тот факт, что адъективное сочетание «искусственные цветы» передаётся в английском как *artificial flowers* (Rendell, 3), в то время как прилагательное «искусственный» в сочетании со словом «мех» передаётся коллокацией *fake furs* (Rendell, 3). Определённые устоявшиеся словосочетания, значение которых невозможно вывести путём простого перевода: *highly scented* (Rendell, 4), *in the greatest detail* (Rendell, 5), *fast asleep* (Rendell, 75), также относятся к лингвострановедческой информации, и их усвоение способствует формированию социокультурной компетенции студентов.

Заключительный этап работы над произведением предполагает обобщение проблем, их обсуждение, интерпретацию, аргументированное изложение собственной точки зрения на проблемы книги. Это тот этап, на котором развивается умение выделять общее и культурно специфическое для страны изучаемого языка, умение осуществлять, социокультурный анализ произведения.

Мы полагаем, что на данном этапе сформированность определённых умений может свидетельствовать о положительной динамике развития у студентов социокультурной компетенции. Несмотря на то, что как уровень знаний не всегда соотносим с уровнем практических умений, так и уровень умений не всегда однозначно синонимичен уровню компетенции, определить уровень социокультурных знаний, умений и компетенций студента по окончании работы над определённым художественным произведением нам представляется возможным, если он способен:

- «распредмечивать» социокультурное содержание художественного произведения;
- выделять общекультурные и специфические (лингвострановедческие и социолингвистические) компоненты в языковых единицах и речевых стереотипах;
- осуществлять социокультурный анализ текста;
- демонстрировать знания о совместности/несовместности стереотипов речевого и неречевого поведения на родном и иностранном языках, общем и специфическом в социокультурных стереотипах поведения.

Усвоение иностранного языка и культуры должно происходить через сопоставление культур и выделение как общего, на которое можно опираться в процессе приобретения новых знаний, так и различного. Подобный подход позволяет расширить кругозор, совершенствовать языковые и страноведческие знания в родном и изучаемом языках, лучше понимать среду и атмосферу, в которой живут представители данных культур. Кроме того, опора на данный принцип стимулирует стремление постоянно увеличивать и углублять объем языковых и общекультурных знаний, что положительно влияет на реализацию образовательных, воспитательных и развивающих целей обучения студентов.

Библиографический список

1. Гутнова, З. К. Методика обучения идиоматичной диалогической речи на продвинутых этапах обучения английскому языку в лингвистическом вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Гутнова Залина Казбековна. – М., 2000 – 26 с.
2. Муравьева, Н. Г. Понятие социокультурной компетенции в современной науке и образовательной практике [Электронный ресурс] // Вестник ТюмГУ. – 2011. – № 9. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsiokulturnoy-kompetentsii-v-sovremennoy-nauke-i-obrazovatelnoy-praktike>
3. Сысоев, П. В. Языковое поликультурное образование: Что это такое? / П. В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 4. – С. 2–14.
4. [ФГОС] Федеральный государственный образовательный стандарт [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/>
5. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>

Список источников иллюстративного материала

1. Darling, J. The Taxi Driver's Daughter / J. Darling. – London : Penguin Books, 2004. – 264p.
2. Rendell, R. Portobello / R. Rendell. – London : Arrow Books Ltd, 2009. – 352 p.

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ:
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ**
SCIENTIFIC LIFE: SURVEYS AND REVIEWS

УДК 81'1

ББК 81.006.3+71.0

М.Н. Николаева, Н.В. Трунова, И.В. Шишканов
Москва**МЕТОД СОКРАТА****«Диалог языков, культур и литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах»***(Научно-практическая конференция с международным участием
Москва, октябрь 2014)*

Научное направление «межкультурная коммуникация» изначально имело целью выработку принципов, позволяющих обеспечить условия понимания в общении представителей разных этносов, воспитанных в разных культурных традициях в поликультурном американском обществе [Hall, Trager: URL]. В отечественных академических программах оно получает преломление как дисциплина, направленная на совершенствование умения осуществлять вербальную коммуникацию согласно существующим – опять-таки в разных культурах – правилам этикета. В настоящее время рамки входящей в него проблематики в значительной мере расширяются, включая вопросы лингвокультурологии, этики, психологии, логики и философии. Доминантная единица теории «диалог» претерпевает понятийное расширение от «разговора двоих» (διά-λόγος) к «беседе» как форме обмена информацией.

Подписание в 1992 году Маастрихтского договора положило начало новому формату сосуществования европейских государств – Европейскому союзу. Культурное многообразие и разнообразие в такого рода интегрированном сообществе выявило (правда, не сразу) необходимость каким то образом уравновесить составляющие. Поэтому начальные стратегии предполагали сглаживание отличий. Возможно, даже унификацию. Эти стратегии не привели к прогнозируемому результату. На этом фоне возникла новая концепция и в 2008 году Советом Европы была принята «Белая книга по межкультурному

диалогу» [White Paper 2008: URL]. Основной ее постулат заключается в уважении и развитии культурного многообразия европейского сообщества и предполагает культурное взаимообогащение путем познания культур других народов, чему, безусловно, способствуют культурные визиты, гастроли и обмены. Если судить по сложному значению латинского префикса (*inter – among, within, mutually, reciprocally*), всё это как нельзя более соответствует содержанию термина “intercultural dialogue”, которое в русском переводе редуцировалось до значения “among”. При переводе атрибутивного сочетания в номинативное возник термин «диалог культур».

Он, по-видимому, имеет право на существование, но только в одной ипостаси – как методологический прием познания путем логического вывода из имеющихся посылок. Метод Сократа, известный с пятого века до Новой Эры, равно как и его другой известный метод – диалектика (διά-λεκτική – ведение рассуждений). Два понятия, два методологических принципа, два метода – διά-λόγος и διά-λεκτική определили пафос конференции, посвященной проблемам межкультурной коммуникации, организованной кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук МГПУ. Существо ее логоса обозначилось в пленарных докладах ведущих специалистов в этой области.

Научная работа конференции открылась докладом профессора Аллы Викторовны Кирилиной «Особенности развития языка в эпоху глобализации». В докладе

было дано определение понятию глобализации, проанализированы направления внутренних изменений в языках под воздействием расширившихся возможностей в области межкультурной коммуникации, изложены принципы изучения общей ситуации, отмечены позитивные и негативные стороны самого процесса. Автор обратила внимание на возможность возникновения межкультурных конфликтов, как правило, на фоне расхождений в понимании базовых ценностей и соответствующих им социальных конвенций, и назвала условия, позволяющие их избежать. Фокус внимания в докладе составляли проблемы языковых заимствований, экспансия английского языка и требования к государственной языковой политике.

В докладе профессора Виктории Владимировны Красных «Преподавание иностранного языка как поле межкультурной коммуникации: место и роль культуры и лингвокультуры» особо отмечалась значимость преподавания иностранного языка на основе и в рамках культуры народа (народов), говорящего на этом языке. Кроме этого В.В. Красных подчеркнула возрастающую интенсивность культурных, а следовательно, и языковых заимствований, чего, по-видимому, невозможно избежать при всей силе желаний и усилий сохранить самоидентичность.

Профессор Татьяна Алексеевна Дмитренко предложила вниманию участников конференции доклад «Особенности межкультурной коммуникации в профессионально ориентированном контексте». Докладчик отметила значимость языковой подготовки специалистов разного профиля, что должно обеспечить им более широкий выбор в сфере профессиональной занятости. Особо Т.А. Дмитренко подчеркнула необходимость формирования социокультурных компетенций как фактора, обеспечивающего коммуникационную состоятельность.

Обозначенная проблематика развивалась выступающими в формате секцион-

ных заседаний. Широкая дискуссия развернулась в рамках работы секции «Языковые процессы в эпоху глобализации» (модераторы: профессор Ирина Александровна Бубнова, доцент Александра Викторовна Нагорная). В частности, в докладе профессора Тамары Степановны Мониной поднимался вопрос о языковых заимствованиях и их влиянии на изменения в языке-реципиенте (доклад «О языковых факторах закрепления в языковой системе иностранных слов»). Систематизация, классификация и характер ассимиляции заимствований в лексике французского языка были представлены в докладе доцента Натальи Николаевны Балабас. Участниками конференции подчеркивался тот факт, что современная антропоцентрическая научная парадигма обращается к изучению особенностей языковой личности. Было также отмечено, что в условиях расширения и интенсификации межкультурных коммуникационных процессов и межъязыковых взаимодействий становится очевидным явление изменения языкового сознания. Этот социально, психологически и политически значимый вопрос был освещен в докладе докторанта кафедры Зарубежной филологии доцента Казаченко Оксаны Васильевны.

Гетерогенность научных интересов выступающих способствовала концентрации внимания и стимулировала коллективные усилия в поиске решения поставленных вопросов и задач. Большой научный интерес представлял доклад профессора И.А. Бубновой «О проблемах человековедения в XXI веке: взгляд психолингвиста», определившей междисциплинарный характер этой науки, которую в свое время Л.Н. Толстой назвал «истинной и нужной наукой – как жить», и стоящие перед ней задачи.

Во всех областях науки есть вопросы, к которым исследователи возвращаются через некоторые промежутки времени, рассматривая их с позиций изменяющегося и постоянно пополняющегося новыми

подходами и новыми гипотезами научного знания. Одному из таких вопросов был посвящен доклад профессора Ольги Дмитриевны Вишняковой «По следам одной из гипотез А.И. Смирницкого (проблем гипостаза)». Отметим, что для лингвистов старшего поколения взгляды Александра Ивановича Смирницкого, рассматривающего язык как целостную, сложно организованную, подвижную систему, управляемую объективно существующими внутренними законами, определяли стратегии лингвистического поиска на годы вперед. Значимость многих положений этой концепции подтверждается интересом к ней и использованием ее в современных исследованиях.

Доклад доцента Ильи Викторовича Шишканова «Субтитры в кино: жизнь в эпоху новых технологий» дал основания говорить о существовании универсальных как внутрикультурных, так и межкультурных явлений (прецедентные тексты и прототипические ситуации), изобразительных приемов и механизмов (монтажность).

Конференция имела выраженный культуроцентрический характер. Поэтому выступления многих из ее участников были созвучны. Особенно это отличало выступления в секции «Диалог русской и зарубежной культур и литератур» (модераторы секции доцент Татьяна Григорьевна Чеснокова и доцент Вера Евгеньевна Беляева). В рамках работы этой секции литература – отечественная и зарубежная, современная и классическая – была представлена в преломлении к мировому культурному контексту. В докладах была отражена тематика трансцендентности – доцент В.С. Юдов «Миф в творчестве Г. Гессе, Д. Джойса, Т. Манна, И.А. Платонова» и интертекстуальности: доцент Л.Я. Зиман «Российские Оливеры Твисты», доцент Т.Г. Чеснокова «Спор времен года: от фольклора – к литературе (две версии поэтического диспута в античной и средневе-

ковой латинской поэзии)», аспирантка Л.С. Войта «Трансформация шекспировского сюжета в пьесе Джона Драйдена «Всё за любовь», аспирантка С.В. Зотова «“Фасты” Овидия, как источник поэмы У. Шекспира “Обесчещенная Лукреция”». Были также заслушаны доклады более узкого профиля, касающиеся творчества отдельных авторов: «Мужчина и вопрос веры у Джона Апдайка» доцента В.Е. Беляевой, «Три жизни Якоба Ленца» доцента И.И. Огородниковой, «Трансформация образа романтического героя в новелле Й. фон Эйхендорфа «Из жизни одного бездельника» доцента Г.В. Стрельцовой, направлений в литературе: «Принцип компенсаторности в лингвопоэтической концепции Г. Спенсера» доцента Н.Э. Кутеевой, «Критика романтизма в фельетонах Г. Квитки-Основьяненко» доцента Д.Ч. Чика и межкультурных контактов: «Вагнеровская» опера: из Германии в Россию (конец XIX в.) доцента О.А. Огородниковой.

Вопросы лингвистического плана, культуроведческого и прикладного характера рассматривались на заседании секции «Взаимодействие языков и культур. Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (модераторы: профессор Ольга Владимировна Трунова, доцент Марина Николаевна Николаева).

Ряд докладов были посвящены рассмотрению отдельных культурных объектов, в частности, доклад профессора О.В. Труновой «Художественный текст как атрибут культуры: посылки интерпретации»; терминологического аппарата направления – доклад доцента Н.В. Труновой «Диалог культур: безденотатная коллокация»; культурных концептов, например, презентация доцента М.Н. Николаевой «Концепт “ТЕА” в английской лингвокультуре», в которой была отражена историко-культурная эволюция явления (а значит, и передающего его концепта) от обозначения общепринятой и любимой традиции до

приобретения символического смысла. В аспекте когнитивного направления в лингвистике были выдержаны доклады доцента И.Н. Пучковой «Лингвокультурные особенности концепта «спорт» в английском языке» и кандидата филологических наук Е.М. Королевской «Метод построения фреймов в аспекте сопоставительного исследования фразеологии близкородственных и неблизкородственных языков». Особый интерес вызвал доклад доцента Татьяны Анатольевны Болдовой «Профессионально ориентированное коммуникативное поведение студента в диалоге культур». Он основывался на богатейшем педагогическом опыте и личном опыте длительного межкультурного профессионального общения докладчика в периоды стажировок и академических обменов в учебных заведениях городов Лодзь, Берлин, Тюбинген. В докладе подчеркивалась важность владения мультимедийными средствами, обеспечивающими современность, содержательность и доступность широких вспомогательных материалов, а также разработку презентаций (речь в основном шла об использовании программных обеспечений «облако» и «Moodle»). Все высказываемые положения подтверждались интересными яркими примерами из практики преподавания. В аналогичном ключе были выдержаны доклады доцента Ю.А. Семенчука «Профессионально ориентированные аспекты обучения студентов-экономистов особенностям межкультурной коммуникации» и аспирантки Д.В. Дороховой «Переключение кодов как основной элемент языкового поведения в условиях многоязычия Люксембурга».

Научный и прагматический интерес вызвал доклад доцента Андрея Сергеевича Данилова «Шестнадцать фигур геомантии как семиотическая система. Прагматика геомантического предсказания» о древней, но мало известной системе дивинации по узорам на песке, земле или камнях, или по расположению природных объектов. Шестнадцать фигур, образуемые четырьмя горизонтальными рядами и содержащие одну или две точки представляют собой исходные единицы системы, в комбинаторике передающие большое количество смыслов (в осмыслении интерпретатора).

Участники конференции отметили высокий научный и четкий организационный уровень проведения конференции, отказ от жесткого временного регламента. Последнее создало предпосылки перехода от монолога выступающего к диалогу с оппонентом / оппонентами (хотя существенных противоречий не возникало, поскольку на конференции собрались единомышленники) и далее к полилогу, в котором участвовала вся заинтересованная аудитория. Спокойное ведение дискуссии способствовало нахождению решений поставленных проблем, рождению новых интересных идей и проектов, таких как проведение панельных дискуссий по современным проблемам филологии, и постоянно действующего семинара по технологиям развития креативности обучающихся в мультикультурном образовательном пространстве.

Особо была отмечена грамотная работа модераторов.

Библиографический список

1. Hall E. T., Trager G. L. The Analysis of Culture [Электронный ресурс] / E. T. Hall, G. L. Trager. – Washington, 1953. – 66 p. – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/224663.pdf>
2. [White Paper on Intercultural Dialogue \[Электронный ресурс\] – Council of Europe, Strasbourg, 2008. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf](http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf)

УДК 81'1
ББК 81.0

Н.П. Широкова
Барнаул

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ «ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ЕГО АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Когнитивное направление современной лингвистики носит междисциплинарный характер, что позволяет интегрировать разные научные направления и научные школы в философии, логике, психологии, антропологии и собственно лингвистике. Когнитивный подход представляет возможность вскрыть различные языковые явления с учетом структур знания, которые лежат в их основе. На II-ой международной научно-практической конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал», которая проходила 8-10 октября 2014 г. в г. Барнауле, были представлены результаты научных исследований ученых-лингвистов, работающих в области когнитивной семантики, психолингвистики, лингвистике текста, теории коммуникации, концептуального и функционального анализа языка, лингводидактики. Организаторами конференции выступили Алтайская государственная педагогическая академия и Алтайское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», возглавляемое доктором филологических наук, профессором И.Ю. Колесовым.

Желание участвовать в конференции выразили ученые 25 городов Сибири, Дальнего Востока, Центральной России, а также гости из Казахстана, Белоруссии, США и Франции. В очном заседании приняли участие 64 человека, из них 15 докторов наук, профессоров; 42 кандидата наук, а также аспиранты, магистранты и соискатели.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады ведущих ученых, доктор-

ов наук, представивших разнообразную тематику. И.Ю. Колесов в своем выступлении остановился на проблемах отношения знания и языка, уделив особое внимание вопросам вербализации и репрезентации знания. Доклад профессора С.Г. Проскурин (соавтор А.В. Проскурина) был посвящен принципам репликации культурной информации посредством мемов (*мем* – цепочка языковых единиц, обретающая способность к передаче информации в синтагматике и парадигматике (определение автора)). На примере поэтики индоевропейской культуры, автор подчеркивает, что коммуникативное расширение формул обеспечивает их распознавание в диахронии и передачу в текстах.

В докладе Е.В. Лукашевич «...Чтобы воздух можно было схватить руками»: социопсихолингвистический анализ дискурса органов власти Алтайского края» на основе анализа материалов сайтов органов власти Алтайского края выявляются механизмы коммуникативного воздействия власти на различные целевые аудитории. Автор подробно останавливается на таких параметрах социопсихолингвистической модели коммуникации, как стиль и тональность общения; доминирующий тип социально-коммуникативных отношений; доминантные психолингвистические сценарии и т.п.

Л.А. Козлова посвятила свое выступление вопросам манифестации фактора аналогии в грамматическом строе языка и его роли в процессах функциональной транспозиции слов.

Г.П. Берзина остановилась в своем докладе на проблеме когниолингвистических концепций, описывающих способы форма-

тирования знания в языке. На примере категории concessивности автор проанализировала структуру этой категории, вычленив следующие составляющие: концептуальная система, вербально-семантическое и коммуникативно-прагматическое поля.

В докладе В.Д. Максимова (соавтор Т.Д. Максимова) речь шла о проявлении принципа антропоцентризма в английской фонемике. На репрезентативной фактологической базе авторы доказали, что процесс вербального кодирования звукоферы в языке происходит альтернативно в двух модусах – субъективном и объективном.

Особый интерес у участников конференции вызвал доклад профессора С. Кролика (США), который поделился своей точкой зрения на проблемы рекурсии в лингвистике, опираясь на философские, логические и культурологические постулаты.

К обсуждению на конференции предлагался широкий круг актуальных теоретических и прикладных вопросов, что позволило сформировать 7 тематических секций:

На секции «Теория и практика функционально-когнитивного анализа в синхронии и диахронии» обсуждались проблемы рассмотрения языковой системы в ракурсе функциональных проявлений ее структурно-содержательного потенциала.

Тематическое разнообразие докладов, представленных на секции «Концептуальный анализ, методы и границы концептологии», позволило рассмотреть вопросы, связанные с проблемами формирования и языкового структурирования знания в рамках общей теории познания и создания языковой картины мира, а также роли языка в осуществлении познавательного процесса и формирования и выражения знания.

Изменение научной парадигмы со смещением на когнитивное направление в теоретических дисциплинах неизменно приводит к изменению установок и в принципах преподавания иностранного

языка. Эти вопросы рассматривались на секции «Современная лингводидактика, поликонцептуальная компетентность в межкультурной коммуникации». Доклады, представленные в данной секции, были посвящены анализу онтологического потенциала современной лингводидактики (В.А. Шелбогашев), национально-культурной специфики речевого общения в обучении иностранным языкам (С.В. Беляева), личностно-смысловому аспекту формирования межкультурной коммуникативно-профессиональной компетентности студентов (С.В. Кустова). В. Грожан (Франция) выступила с анализом стратегий обучения начинающих студентов иностранному языку. Кроме того, на секции обсуждались вопросы, связанные с практическим применением технологии критического мышления в обучении открытой коммуникации (Н.П. Широкова) и интерактивным методам обучения в совершенствовании специальных компетенций будущих преподавателей английского языка (И.Ю. Кочешкова, М.М. Шляхова).

Вопросы, связанные с определением языка как конвенционально-знаковой системы, обсуждались на секции «Язык и ментальность: лингвокогнитивные и психолингвистические исследования» (доклады О.В. Тисковой, Е.В. Федяевой, Е.А. Черепановой).

На самой многочисленной по количеству докладов секции «Язык и личность: проблемы концептуальной картины автора текста, семиотики, риторики, теории коммуникации» были рассмотрены вопросы, связанные с изучением процессов, детерминирующих порождение и понимание смыслов: проблемы обыденной лингвистики, лингвокультурологии и лингвоперсонологии, метаязыкового сознания (Н.А. доклады Баевой, Т.А. Богочановой, С.Ф. Галкиной, Ж.А. Коротких, Е.А. Калашниковой, Г.И. Нургалеевой, Г.А. Орловой).

В рамках секции «Текст и дискурс в лингвокультурологическом аспекте:

процессы взаимодействия в пространстве языка и культуры» были представлены исследования механизмов формирования и функционирования художественного и публицистического текстов в рамках когнитивного направления. Междисциплинарность и разноплановость исследований текста как языковой реалии позволяет говорить о включении данных структур в осуществление познавательного процесса, а также в проблематику взаимодействия языка и мышления. Доклады Л.И. Воскресенской (Омск) о дискурсной функции собственных исторических имен в английской и американской художественной литературе, Г.В. Кукуевой (Барнаул) о полифонии авторской речи, Г.И. Лушниковой (Кемерово) об интертекстуальности поэтического текста вызвали особый интерес слушателей.

Доклады, представленные в секции «Современное переводоведение. Проблемы языковой личности переводчика. Стратегии и технологии переводов различных текстов и их аппликативный потенциал», освещали проблемы, актуальные для современного направления одной из отрас-

лей лингвистики – лингвокультурологии, рассматривающей язык в его национально-культурной функции. Выступления Е.В. Заюковой, Н.Ф. Акимовой, Л.С. Рапопорт, Н.Н. Безруковой были посвящены сопоставительному анализу русского и иностранного языков с позиций формирования критериев и приемов достижения адекватной передачи оперативной информации в тексте. Авторы наглядно продемонстрировали, как выявление национально-культурной специфики, которая проявляется на всех языковых уровнях, позволяет избежать структурного калькирования в процессе перевода и воспроизвести прагматический потенциал исходного текста.

По окончании работы конференции были подведены итоги, отмечен высокий научный потенциал представленных докладов и намечены перспективы дальнейшей разработки теоретических проблем в области лингвистики (функционально-семантической парадигмы, системного направления, антропологической лингвистики, этнолингвистики, лингвистики текста, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии).

РЕЗЮМЕ
SUMMARY

Бубнова И. А. ЯЗЫК КАК ОРУЖИЕ «ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ» МАССОВОГО СОЗНАНИЯ. В статье анализируется специфика дискурса масс, появление и широкое распространение которого в нашей стране в середине 80-х годов прошлого столетия было обусловлено необходимостью стимулирования процесса замены традиционных ценностей русского мира на «универсальные» идеи, заимствованные из арсенала ценностей западной цивилизации. Особое внимание уделяется описанию этапов формирования данного типа дискурса и методов использования родного языка как «мягкой силы», обеспечившей размывание национальной идентичности населения бывшего СССР в рекордно короткие сроки.

Bubnova I. A. LANGUAGE AS WEAPON OF MASS CONSCIOUSNESS “DENATIONALIZATION”. The article analyses the specific features of discourse of mass introduced and widely dissimilated in our country in the mid-80s of the last century with the aim to stimulate the substitution of traditional orthodox Christian cultural values of “Russian world” by “universal” ideas borrowed from Anglo-Saxon civilization. The attention is focused on the stages of this type discourse formation and methods of national identity destruction based on mother tongue being used as “soft power”.

Трунова О. В. СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА. Знания, приобретаемые человечеством, могут храниться и передаваться с помощью разных кодовых систем, в ряду которых язык в силу его всеобщности принято считать наиболее приемлемой формой. Но язык по характеру дескриптивен, а потому не всегда абсолютно точен как в плане номинации, так и в плане грамматических обозначений смыслов. Его репрезентативная функция во многом зависит от мировосприятия и осмысления воспринимаемого. Поэтому в картинах мира, рисуемых разными языками наблюдаются расхождения, в отличие от картин мира, рисуемых с помощью точных методов, например, математики.

Trunova O. V. THE STRUCTURE OF KNOWLEDGE REPRESENTATION: LINGUISTIC WORLD PICTURE. Knowledge gained by people through centuries may be stocked and kept in various code systems among which human language is recognized as the most eligible one. Being descriptive by its nature, it may fail to exactly render the notion meant. Besides, its representative function is determined by cultural perceptive peculiarities, which leads to diversities in picturing the world “through the language glass” as distinct from those in exact science.

Račienė E. ZU SPRACH- UND KULTURKONTAKTEN IM GLOBALEN DISKURS (AM BEISPIEL DES LITAUISCH-DEUTSCHEN SPRACHVERGLEICHES). Sprachenvielfalt im Globalisierungsprozess, Auswirkungen der Globalisierung auf Sprachen und nationale Kulturen, Probleme der Wechselbeziehungen der Sprachen Europas, Einfluss des Englischen auf das Deutsche und andere Nationalsprachen sind in der deutschen Sprachwissenschaft vielfach diskutierte Fragen. Der Wandel der litauischen Gegenwartssprache unter den Bedingungen der Globalisierung und intensiver Integrationsprozesse stellt auch ein aktuelles Problem dar. Im vorliegenden Beitrag

werden einige Verwendungstendenzen von Fremdwörtern in der litauischen Mediensprache betrachtet und unter interkulturellem Aspekt mit den Erscheinungen in der deutschen Sprache verglichen. Im Beitrag wird auch der Versuch unternommen, den Zusammenhang zwischen Kultur und Sprache zu verdeutlichen.

Rachene E. LANGUAGE AND CULTURE CONTACT IN THE GLOBAL DISCOURSE (THE EXAMPLE OF THE LITHUANIAN-GERMAN LANGUAGE COMPARISON). The aim of the current paper is to analyse the relationship between language and culture and fundamental values transformation trends; to look at the English language as one of the most important factors of globalization and its influence on the Lithuanian and German languages and in particular on their vocabulary; to highlight the importance of the Lithuanian language as a fundamental value to the Lithuanian nation and its traditional culture. The main source of the data for the research of Lithuanian is public spoken language, usually on the Lithuanian radio and television, and written language, i.e. the language of periodicals. The research relies on recent observations of public use of the Lithuanian language in 1999-2014. The results of the research make it possible to blueprint some measures to foster the Lithuanian nation's fundamental values and to preserve the Lithuanian language and culture in the intensive globalization process.

Вишнякова Е. А. К ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА). В статье рассматривается проблема экономии языковых средств в сети Интернет, которая мотивирована потребностями в сжатой передаче информации и направлена на устранение избыточных форм и выработку более совершенных средств выражения в письменной коммуникации.

Vishnyakova E. A. TO THE PROBLEM OF THE ECONOMY OF LINGUISTIC MEANS IN THE ENGLISH LANGUAGE ON THE INTERNET. The article is devoted to the problem of the economy of linguistic means in the English language on the Internet motivated by needs in the compressed transmission of information and aims to eliminate redundant forms and the development of more sophisticated means of expression in written communication.

Жгун Д. А. КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЁМКОСТЬ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ. Эмоциональные состояния представляют собой сложные проявления чувств, отражающие характер восприятия мира и отношения к миру. Функции эмоциональных состояний многоплановы. С одной стороны, они демонстрируют реакцию на внутренний или внешний раздражитель, с другой, - являются регулятором последующих действий. Экспликация эмоциональных состояний во многом зависит от культуры социума, в котором воспитан индивид.

Zhgun D. A. CULTURAL RELEVANCE AND FUNCTIONAL CAPACITY OF EXPLICATION OF EMOTIONAL CONDITION. Emotional condition is a manifestation of a person's complicated feelings, revealing one's mode of world perception and assessment. Their functions are numerous. On the one hand, they make evident a person's reaction to any kind of irritant. On the other hand, they act as a regulative mechanism. Their expression depends to a great degree on the cultural peculiarities of ethnic communities.

Казаченко О. В. ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАРТИНУ МИРА. В статье уточняются понятия «картина мира», «образ мира», «языковая картина» и «менталитет» и их взаимосвязь с процессом заимствования иностранных слов и анализируются возможности изменения языкового сознания и индивидуальной картины мира через заимствования.

Kazachenko O.V. BORROWINGS AND THEIR INFLUENCE ON WORLD PICTURE. The article clarifies the concepts of «world picture», «image of the world», «linguistic world picture» and «mentality» and their relationship with the process of borrowing foreign words and analyses possible changes in the language consciousness and individual picture of the world through borrowings.

Косова О. А. РЕЧЕВАЯ / ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИОННЫХ ФОРУМОВ О ЗДОРОВЬЕ). В статье речь идет о дискуссионных форумах как пространстве интеракции, для которого наряду с гармоничным общением характерен и конфликтный тип общения. В Интернет-коммуникации для описания конфликтного типа общения существуют понятия «флейм», «троллинг» и «флуд» как маркеры агрессивного коммуникативного поведения в сети, интенцией которого является вторжение в когнитивное, аксиологическое и речевое пространство адресата с целью его деформации.

Kosova O.A. SPEECH / VERBAL AGGRESSION IN THE INTERNET-COMMUNICATION (ON THE BASIS OF HEALTH FORUMS). The article deals with the study and analysis of discussion forums as communicative space, for which two different types of interaction – harmonic and conflict – are typical. There are three different concepts for the description of the conflict type of interaction: ‘flood’, ‘flame’ and ‘trolling’. They are the markers of the aggressive communicative behavior on the Internet, which communicative goal is invasion of cognitive, axiological, speech personal spaces in order to ‘deform’ them.

Майзенгер Н. В., Максимова Т. Д. ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. Анализ лингвистической литературы показал отсутствие единства мнения лингвистов относительно качественного и количественного состава невербальных средств в оформлении письменной речи в английском языке. Авторы предлагают свою классификацию графических средств, разделив их на две группы с выделением общеграфических средств с включением пунктуации и собственно графических средств, объединяющих начертательные, пространственно-выделительные, начертательные и иконические средства.

Maizenger N. V., Maksimova T. D. GRAPHICAL MEANS IN MODERN ENGLISH WRITING. The analysis of the linguistic literature shows that there is no unification in the qualitative and quantitative structure of nonverbal graphic means used in written communication. The authors of the article bring forward their own classification of graphic based means singling out general graphical means with punctuation incorporated and graphical means proper including design of type face, space emphasis, iconic means and different types of emoticons.

Максимов В. Д., Максимова Т. Д. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ ФОНОВЫСКАЗЫВАНИЙ. Сравнение двух концептуальных представлений о мире звуков оправдывает применение функционально-семантического подхода к классификации английских синтаксических средств. В соответствии с этим языковая система концептуализирует звуковой универсум двояко – через фонемические и аудитивные высказывания. Типизация высказываний производилась с учетом функциональных и семантических особенностей синтаксических моделей. В результате фонемические высказывания поделались на процедурные, экзистенциальные, автономные, характеризующие и иконические фоновысказывания, а перцептивные синтаксические модели легли в основу аудитивных высказываний шести групп: процедурные, илицитные, дескриптивные, характеризующие, информативные и волитивные.

Maksimov V. D., Maksimova T. D. FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPOLOGY OF ENGLISH PHONEMIC UTTERANCES. Applying a functional-semantic approach to the study of the classification of English syntactic means of expression of the sound universe is based on the comparison of two conceptual worlds and their language verbalizations. Consequently, a sound syntactic sign as a part of its language system is formed as a result of conceptualization of the sound universe. The latter is reflected in language in two ways – through phonemic utterances and their auditive correlations. The paper focuses on ways of typifying these utterances on the basis of their functional and semantic architecture. Thus, all phonemic utterances are divided into several classes: procedural, existential, autonomous, characterizing, and iconical ones. As for the perceptive (acoustic) syntactic models, they produce the following types of auditive utterances: procedural, ilicitive, descriptive, characterizing, informative, and volitive ones.

Николаева М. Н. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ БЛЮД БРИТАНСКОЙ КУХНИ. В статье содержится анализ некоторых названий блюд британской кухни, проведенный с учетом положений межкультурной коммуникации и стилистики, с целью установления в структуре значения анализируемых единиц национально-культурного и стилистического компонента. Знакомство с названиями блюд британской кухни является хорошим источником информации о национальных особенностях языковой картины представителей Британских островов.

Nikolaeva M. N. NATIONAL-CULTURAL AND STYLISTIC COMPONENTS OF THE MEANING OF BRITISH CUISINE DISH-NAMES. The article contains the analysis of some of the names of British cuisine, held from the positions of intercultural communication and stylistics, with the aim of establishing the presence of a national-cultural and stylistic component of the meaning in the semantic structure of the analyzed language units. The acquaintance with names of British food is a good source of information about national peculiarities of the language picture of the representatives of the British Isles.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ РЕПЛИКАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ. Настоящая статья посвящена принципам репликации культурной информации. В культуре это выполняют единицы культурной информации – мемы. Мутации мемов представлены как трансформации формул.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. ESSENCE AND PRINCIPLES OF REPLICATION OF CULTURAL INFORMATION. This paper is devoted to the principles of replication of cultural information. In culture this task is performed by unit of cultural information – memes. Mutations of memes are presented as transformation formulae.

Серова И. Г. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРСУАЗИВНОГО ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО НАРЕЧИЯ *SURELY*. На протяжении столетий общество развивается благодаря техническому и социальному росту, что приводит к значительным изменениям в его языке и культуре. Появление обширного класса эпистемических выражений в современном английском языке напрямую связывают с влиянием подобных процессов на язык. Статья представляет собой попытку проанализировать этнолингвистический и семантический потенциал персуазивного эпистемического наречия *surely*. Тщательный семантический анализ наречия *surely* позволяет выделить его основные семантические молекулы. При этом особый интерес представляет структура предложения, в котором употребляется указанное наречие, так как высказывания становятся интерактивными и более ориентированными на говорящего.

Serova I. G. ETHNOLINGUISTIC AND SEMANTIC POTENTIAL OF THE PERSUASIVE EPISTEMIC ADVERB 'SURELY'. Through the centuries, people and their living practices influenced by technical and social development have evolved, resulting in wide-reaching changes in societal culture and language. A wide range of epistemic phrases in modern English is believed to be the result of such changes. The article presents an attempt to analyze the ethnolinguistic and semantic potential of the persuasive epistemic adverb 'surely'. Rigorous semantic analysis of the adverb surely allowed the author to define its key semantic molecules. Of special interest is the structure of the sentences in which 'surely' is used as they seem to be more interactive and speaker-oriented.

Тархова Е. В. АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНОГО СИМВОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. В статье рассматривается проблема анализа художественного текста, содержащего в себе систему символов. Приведенная в статье полифакторная схема анализа способствует целостному восприятию образов и идей художественного произведения.

Tarkhova E. V. ANALYSIS ALGORITHM OF THE VERBAL SYMBOL IN A FICTION TEXT. The article reviews the problem of analyzing a fiction text and its symbolic system. The article includes a poli-factor scheme for text interpretation which helps readers to understand the whole figurative conception of a fiction text.

Третьякова М. Ф. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРЕЗ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ. Статья посвящена сравнению картины мира английского и китайского языков путем анализа фразеологических единиц, имеющих в своем составе цветообозначения. На основе анализа лексикографических источников рассматриваются значения цветов в двух типологически и структурно различных языках – английском и китайском. Предполагается, что сравнительное исследование фразеологизмов с компонентом цвета поможет составить более полную картину мира китайского языка, облегчить взаимную коммуникацию китайской и англоязычной культур.

Tretyakova M. F. THE DIFFERENCE OF WORLD PICTURE THROUGH THE COLOUR TERMS IN PHRASEOLOGY. The article is devoted to the comparison of the world picture of the English and Chinese languages by the analysis of colour idioms. Based on the analysis of lexicographical sources the meanings of various colours in two typologically and structurally different languages (English and Chinese) are examined. It is supposed that the comparative research of colour idioms can help to form more complete world image of the Chinese language and to make for the success of intercommunication of the Chinese and English speaking cultures.

Шелкова С. В., Жогова И. Г. ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА). В статье рассматриваются устная речь и письменная речь как составляющие элементы языковой деятельности, анализируются различия письменной и устной речи, рассматривается эволюция письменной речи от семасиографии до фонографии. Авторы статьи фокусируют внимание на том, каким образом произошло становление современного английского алфавита.

Shelkova S. V., Zhogova I. G. PECULIARITIES OF WRITTEN SPEECH EVOLUTION (EXEMPLIFIED IN ENGLISH). The article reviews oral speech and written speech as constituent elements of language activity, analyzes the differences between oral speech and written, presents the evolution of written speech from semasiography to phonography. The authors of the article focus their attention on how the formation of the modern English alphabet took place.

Барышников Н. В. ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.

В рамках панорамного обзора компетенций, необходимых для корректного осуществления межкультурной коммуникации, наиболее значимыми (наряду с универсальными, такими как умение слушать и слышать партнера, умение нейтрализовать возможный конфликт, обусловленный расхождениями в понимании базовых ценностных ориентиров, умение сказать «нет», не задевая самолюбия) – в современном нестабильном и противоречивом мире следует признать умение сохранять толерантность и контролировать эмоции, умение увидеть и нейтрализовать приемы вербальной манипуляции. В последнем случае важно иметь в виду, что все манипулятивные уловки основываются на лжи и акцентировании второстепенных признаков.

Baryshnikov N. V. BASIC COMPONENTS OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF AN EXPERT IN INTERCULTURAL COMMUNICATION. A broad overview of professional competences ensuring adequacy of intercultural communication offers their sub-classification into basic (among which there are the ability to hear and understand the partner, the ability to neutralize a possible conflict arising from cultural axiological disagreements, the ability to reject arguments and offers without hurt) and most important, such as tolerance, command of one's emotions, neutralization of manipulative strategies at the bottom of which there is lie and accentuation of minor facts.

Карманова Н. А. РАЗВИТИЕ ИКТ-КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА. В статье рассматриваются вопросы формирования и развития компетенции учителя иностранного языка в использовании информационно-коммуникационных технологий. Рассмотрены основные умения, составляющие данную компетенцию, определены методы её формирования в учебном процессе и критерии определения уровня её сформированности.

Karmanova N. A. DEVELOPMENT OF ICT COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS. This paper addresses the issue of foreign language teachers' ICT competence formation and development. This paper is oriented to suggest its components, methods of its formation and criteria and indicators of the basic level of foreign language teachers' ICT competence.

Кустова С. В. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ. В статье рассматривается понятие «социокультурная компетенция» в отношении обучения иноязычному чтению, описываются основные компоненты социокультурной компетенции и их значение для успешной межкультурной коммуникации, предлагаются механизмы формирования умений, способствующих становлению социокультурной компетенции в процессе работы с аутентичными иноязычными произведениями современных британских авторов.

Kustova S.V. FOREIGN LANGUAGE READING AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE. The article considers the notion of the 'socio-cultural competence' and its development in the process of Foreign Language Reading. The basic components of socio-cultural competence are determined in their reference to cross-cultural communication. The general methods aimed at the development of 'socio-cultural competence' are considered.

Николаева М. Н., Трунова Н. В., Шишканов И. В. МЕТОД СОКРАТА: «Диалог языков, культур и литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах» (Научно-практическая конференция с международным участием. – Москва, октябрь 2014 г.).

Nikolaeva M. N., Trunova N. V., Shishkanov I. V. SOCRATIC METHOD: «Dialogue of languages, cultures and literatures in professionally oriented and philological aspects» (Scientific-practical conference with international participation. – Moscow, October 2014)

Широкова Н.П. ОБЗОР II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал». – Барнаул, 8-10 октября 2014 г.

Shirokova N.P. REVIEW OF THE II INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «Functional analysis of the cognitive linguistic units and its applicative potential». – Barnaul, 8–10 October 2014

НАШИ АВТОРЫ**AUTHORS****Барышников Николай Васильевич**

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения межкультурной коммуникации, советник ректора Пятигорского государственного лингвистического университета

Nikolay Baryshnikov

Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Intercultural Communication, Vice-Rector, Pyatigorsk State Linguistic University
baryshnikov@pglu.ru

Бубнова Ирина Александровна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Irina Bubnova

Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Department, Institute of Human Sciences, Moscow City Pedagogical University
aribubnova@gmail.com

Вишнякова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка факультета иностранных языков Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Elizaveta Vishnyakova

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the English Language Department, Faculty of Foreign Languages, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
vishnyalis@yandex.ru

Жгун Дарья Александровна

аспирант Алтайского государственного педагогического университета

Daria Zhgun

postgraduate student of Altai State Pedagogical University
daria_1610@mail.ru

Жогова Инна Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридического профилей Алтайского государственного университета

Inna Zhogova

Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Foreign Languages (business and law profile), Altai State University
zhogova.75@mail.ru

Казаченко Оксана Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Oksana Kazachenko

Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Philology Department, Institute of Human Sciences, Moscow City Pedagogical University
Kazachenko_07@mail.ru

Карманова Нина Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингводидактики и второго иностранного языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета,

Nina Karmanova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Linguodidactics and Second Foreign Language, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University
lfs@uni-altai.ru

Косова Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры образования в области романо-германских языков Школы педагогики Дальневосточного федерального университета

Olga Kosova

Candidate of Philology, Associate Professor, TEFL and Teaching French and German as Foreign Languages Department, School of Education, Far Eastern Federal University olgakosova34@mail.ru

Кустова Светлана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Svetlana Kustova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, the English Language Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University kst09@bk.ru

Майзенгер Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Natalia Maizenger

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the English Language Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University maizenger@yandex.ru

Максимов Виктор Дмитриевич

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии и иностранных языков факультета массовой коммуникации, филологии и политологии Алтайского государственного университета

Viktor Maksimov

Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of German Linguistics and Foreign Languages, Faculty of Mass Communications, Philology and Political Science, Altai State University victordmitrievich@gmail.com

Максимова Татьяна Дмитриевна

кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Tatiana Maksimova

Candidate of Philology, Professor, the English Language Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University mksmv@yandex.ru

Николаева Марина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Marina Nikolaeva

Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Philology Department, Institute of Human Sciences, Moscow City Pedagogical University marinik2@yandex.ru

Проскурин Сергей Геннадьевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Sergei Proskurin

Doctor of Philology, Professor, Department of International Law, Law Faculty, Novosibirsk State University s.proskurin@mail.ru

Проскурина Анна Вячеславовна

преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета

Anna Proskurina

Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University
a.vyacheslavovna@gmail.com

Рачене Эрнеста

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, факультета творческих индустрий Вильнюсского технического университета

Ernesta Rachene

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University
kif@vgtu.lt

Серова Ирина Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и второго иностранного языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Irina Serova

Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Linguodidactics and Second Foreign Language, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University
irinaserova5@yandex.ru

Тархова Елена Владимировна

аспирант Алтайского государственного педагогического университета

Elena Tarkhova

postgraduate student of Altai State Pedagogical University
eagleo0408@mail.ru

Третьякова Марина Федоровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и китаеведения факультета филологии и межкультурной коммуникации Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета

Marina Tretjakova

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Second Foreign Language and Chinese Studies, Faculty of Philology and Intercultural Communication, Amur State University of Humanities and Pedagogy
mft2011@mail.ru

Трунова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики английского языка Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Natalia Trunova

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Grammar, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University
n_trunova@mail.ru

Трунова Ольга Владимировна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Olga Trunova

Doctor of Philology, Professor, Foreign Philology Department, Institute of Human Sciences, Moscow City Pedagogical University
lachesis47@mail.ru

Шелкова Светлана Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Svetlana Shelkova

Candidate of Philology, Associate Professor, the English Language Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University
shelkovasvetlana@mail.ru

Широкова Надежда Павловна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, зам. директора Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета

Nadezhda Shirokova

Candidate of Philology, Associate Professor, English Philology Department, Vice-Director of Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University
nadejdadom@mail.ru

Шишканов Илья Викторович

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Ilya Shishkanov

Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Philology Department, Institute of Human Sciences, Moscow City Pedagogical University
iliassh@mail.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лингвистический институт

ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия» приглашает авторов к публикации научных статей в выпусках научного альманаха
«Язык: мультидисциплинарность научного знания»

Подача материалов

Материалы принимаются по электронной почте файлом-приложением по адресу: nadejdom@mail.ru (название файла должно содержать фамилию автора статьи). В отдельном файле-приложении (под названием «Информация об авторе «фамилия») необходимо указать:

- 1) ФИО автора и название статьи – на русском и английском языках;
- 2) ключевые слова (не более шести) и краткая аннотация статьи (6-8 строчек) – на русском и английском языках;
- 3) место работы (полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения) – на русском и английском языках;
- 4) ученая степень, звание, должность автора – на русском и английском языках;
- 5) аспирантам отметить год обучения в аспирантуре и отдельным файлом прислать отсканированную копию визы научного руководителя («Статья <ФИО аспиранта> <название статьи> выверена, готова к печати», должность, ученая степень, звание, фамилия, подпись, дата);
- 6) контактные сведения (номера телефонов, служебный и домашний адрес (для иногородних обязательно для получения авторского экземпляра альманаха), электронная почта).

Просим не отсылать письма не с вашего личного адреса или с адреса, на который у вас нет постоянного доступа – это значительно затрудняет переписку с автором в случае необходимости.

Редколлегия оставляет за собой право решения вопроса о публикации полученных материалов в зависимости от их тематики, содержания и оформления и отклонять материалы, не соответствующие проблематике или требованиям к оформлению.. Убедительно просим авторов статей и научных руководителей внимательно ознакомиться с Требованиями к оформлению статей. В случае несоблюдения указанных Требования ред-

коллегия вправе не принимать к рассмотрению данную работу или увеличить стоимость ее публикации.

Оплата взимается за одну страницу, включая неполные, и производится после получения (электронным письмом) подтверждения о принятии статьи к публикации. По всем интересующим вопросам обращайтесь на электронный адрес заместителя главного редактора по общим вопросам Широковой Н.П. nadejdom@mail.ru.

Требования к оформлению статей

1. Неформатированный текст (объемом до 20 тыс. знаков с пробелами для статей и научных сообщений, от 6 тыс. знаков с пробелами для других материалов) набирается в редакторе MS WORD 6.0 и выше шрифтом Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, поля сверху, снизу, справа – 2 см, слева – 2,5 см, абзацный отступ 1,25 см (задается в свойствах абзаца: «первая строка» – «отступ»). Страницы не нумеруются.

2. На первой странице перед статьей указать УДК (универсальная десятичная классификация) и ББК (библиотечно-библиографическая классификация), далее курсивом, строчными буквами, с выравниванием по правому краю указывается инициалы и фамилия автора, ниже – город. Далее прописными буквами полужирным шрифтом с выравниванием по центру – название статьи, например:

УДК 811.111
 ББК 81.432.1

И.Г. Серова
Барнаул

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПЕРСУАЗИВНОГО ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО
НАРЕЧИЯ SURELY

3. Примеры из художественной литературы нумеруются и выделяются курсивом. Первая строка набирается с красной строки, последующие – без абзацного отступа. Номер примера в круглых скобках, сами скобки и

указание на источник (фамилия автора без инициалов, запятая, пробел, номер страницы, для электронных ресурсов – фамилия автора, двоеточие, пробел, URL) курсивом не выделяются! Обратите внимание: знак препинания в конце примера ставится или только внутри кавычек (в случае с прямой речью), или только после ссылки на источник (во всех остальных случаях). Анализ примера начинается с абзацного отступа. Исследуемая единица в тексте примера из художественной литературы выделяется полужирным курсивом, в тексте статьи – только курсивом (причем курсивом выделяется только сама единица, а не ее ближайшее окружение, в частности, кавычки или скобки: (*were, want*), а не **(were, want)*; «*быть*», а не **«быть»*. Названия сем (строчными буквами) помещаются в квадратные скобки. Все другие выделения производятся или **полужирным шрифтом**, или **подчеркиванием**, или с помощью **разрядки** (вкладка *Format – Шрифт – Интервал*, в поле «Интервал» ставится параметр «Разреженный» и величина разрядки – «на 3 пт»; использование пробелов в словах с разрядкой недопустимо!). Просьба не перегружать текст работы выделениями, не использовать в одном месте несколько способов выделения одновременно (например, полужирный шрифт + подчеркивание), а также не применять специальные стили (шрифты).

(5) *She made familiar Javanese gestures with her wrists and hands, offering me, in a brief display of humorous courtesy, to choose between a rocker and the divan* (Nabokov, 303).

(6) *'There's so much to choose from.'* (Steel: www)

В самом общем виде глагол *prefer* может быть отнесён к стативным предикатам с доминирующей семой [стативность]. В то же время глагол *choose* удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нестативным (активным) предикатам, основным из которых считается способность предиката функционировать в форме Continuous.

4. В тексте используются кавычки «елочки» для текста на русском языке, кавычки “лапки” для текста на иностранном языке.

5. На месте опущенных в цитате слов ставится многоточие, на месте опущенных предложений – многоточие в угловых скобках < ... >. Любые комментарии, пояснения, уточнения, курсивы и подчеркивания, если

они не авторские, а ваши, должны оговариваться (например, (курсив наш – И.Ф.), где И.Ф. – инициалы имени и фамилии автора). Цитаты из иноязычных источников приводятся с переводом.

6. Пример оформления схем, таблиц, графиков (обратите внимание на отсутствие точки после слова «Схема»):

Схема 1

Алгоритм развертывания каузативного смысла

7. Толкования заключаются в апострофы (которые не выделяются курсивом):

В свою очередь, в этимологическом истолковании глагола *prefer* обращает на себя внимание дефиниция 'set before others in esteem' [ODEE 1996: 705].

8. В тексте короткое тире (–) и дефис (-) различаются размером и наличием/отсутствием пробелов. Короткое тире набирается при помощи сочетания клавиш «Ctrl» + «–» на цифровой клавиатуре.

...а также – выявить черты, характеризующие национально-культурные сообщества.

9. Обратите внимание на наличие пробела в сокращениях типа т. е., н. э., т. д., т. п. Сокращение «т. о.» не используется, вместо него дается полный вариант («таким образом»).

10. Ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и страниц(ы): [Петров 2003: 21], [Lakoff, Johnson 1980: 35-36], [[Никитин 2008] и др.]. В случае, если у книги два автора, в ссылке указываются оба автора, если три и более – только первый автор, например: [Трунова и др. 2008]. Ссылки на разные источники в одних скобках даются в хронологическом порядке через запятую: [Павлов 1951: 230, Хапсироков 1972: 31-33]. Пример оформления ссылки на электронный ресурс: [Никитин: URL]. Для ссылки на лексикографические и энциклопедические источники используется аббревиатура источника, например [ЛЭС 1990: 435], [WNWRT, 115].

11. В случае, если в тексте статьи упоминается ФИО, инициалы указываются перед фамилией, между инициалами и фамилией ставится пробел: «по мнению А.В. Петрова», а не **«по мнению Петрова А.В.»*.

12. Библиографический список, оформленный согласно приведенному ниже образцу,

отделяется от текста статьи строчным про- белом. В алфавитном порядке указываются сначала источники на русском языке (включая Интернет-ресурсы), затем, не прерыва- явая нумерации, источники на иностранном языке (включая Интернет-ресурсы), в конце списка – лексикографические и энциклопедические источники (в алфавитном порядке – сначала русские, затем иностранные) и (в квадратных скобках сразу после номера) их сокращения, используемые в тексте работы. Электронные адреса оставлять с подчерки- ванием. В случаях, когда в списке источников иллюстративного материала указываются разные произведения одного и того же ав- тора, после фамилии и инициалов в круглых скобках ставятся буквы (а), (б) или (а), (b) и т. д. для русско- и иноязычных источников соответственно; пример ссылки на такой источник: [Fowles (a), 56].

Библиографический список

1. Агафонова, Н. Н. Гражданское право : учеб. пособие для вузов / Н. Н. Агафонова, Т. В. Богачева, Л. И. Глушкова ; под. общ. ред. А. Г. Калпина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 542 с.
2. Белозеров, И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук / Белозеров Иван Валентинович. – М., 2002. – 215 с.
3. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] / Ред. В. Румянцев. – М., 2001. – URL: <http://hronos.km.ru/proekty/mgu>
4. Боголюбов, А. Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением / А. Н. Боголюбов, А. Л. Делицын, М. Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25.
5. Двинянинова, Г. С. Комплимент: Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинянинова // Социальная власть языка : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Иванова. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
6. Кулакова, Т. А. Языковые репрезентанты семантики итеративности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кулакова Татьяна Александровна. – Барнаул, 2006. – 19 с.
7. Семенов, В. В. Философия: итог тысячелетий. Философская психология / В. В. Семенов. – СПб. : Евразия, 2000. – 64 с.
8. Цоллер, В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56–64.
9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 200 p.
10. [АРСС] Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна ; 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 544 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Brown, D. Deception Point / D. Brown [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/deception_point
2. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 180 p.

С уважением, редакция Научного альманаха

Научное издание

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Научный альманах

Выпуск 5

Под ред. О.В. Труновой

Отв. за выпуск

Подписано в печать 16.12.2014 г.

Объем 17 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Cambria. Тираж 200 экз. Заказ № 137.

Отпечатано в типографии «Концепт»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51, concept-print@yandex.ru
www.concept-print.ru